

Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской Православной Церкви»

На правах рукописи

Пашков Владислав Петрович

**ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ДУХОВНЫХ
СЕМИНАРИЯХ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЦЕРКОВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.**

Специальность – Церковная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата богословия

Научный руководитель:
Карпук Дмитрий Андреевич,
кандидат богословия, доцент

Санкт-Петербург – 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Состояние системы среднего духовного образования	33
в конце XIX–начале XX в.	33
1.1. Краткий очерк реформ системы среднего духовного образования второй половины XIX века	33
1.2. Общая характеристика духовных семинарий в конце XIX – начале XX в. .	43
Глава 2. Сословная замкнутость духовенства как ключевая проблема учебно-воспитательного строя духовных семинарий	52
2.1. Негативное влияние сословной замкнутости на постановку учебного процесса в духовных семинариях	52
2.2. Негативное влияние сословной замкнутости на постановку воспитательного процесса в духовных семинариях	64
2.3. Предложения преосвященных по решению проблемы сословной замкнутости духовной школы	78
2.4. Дискуссия о типе духовной школы по материалам Предсоборного Присутствия.....	91
Глава 3. Проблемы и проекты реформирования учебного процесса по материалам Предсоборного Присутствия и «Отзывов епархиальных архиереев о церковной реформе»	137
3.1. Вопрос о преобразовании учебных программ семинарий по материалам «Отзывов преосвященных о церковной реформе».....	137
3.2. Проекты реформирования образовательного процесса по материалам «Отзывов епархиальных архиереев о церковной реформе»	142
3.3. Дискуссия о содержании учебных программ реформируемой духовной школы по материалам Предсоборного Присутствия	146
Глава 4. Проблемы воспитательного процесса и способы их решения по материалам официальной и общественной дискуссии	158
4.1. Палочная дисциплина как проблема воспитательного процесса по материалам церковной периодики	158
4.2. Проекты решения проблем воспитательного процесса по материалам периодики	178
4.3. Обсуждение принципов постановки воспитательного процесса по материалам Предсоборного Присутствия	194
4.4. Дискуссия о постановке и мерах духовно-нравственного воспитания в духовных семинариях по материалам официальной церковной дискуссии	199

4.5. Недостатки административного устройства духовных семинарий как проблема воспитательного процесса (по материалам церковной периодики) .	225
4.6. Проблема классного наставничества по материалам официальной церковной дискуссии.....	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	254
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	262

ВВЕДЕНИЕ

Средние духовные учебные заведения оставили глубокий след как в истории нашей Церкви, так и в отечественной истории. Ярким подтверждением этому служит тот факт, что за годы своего существования система духовного образования дала миру большое количество выдающихся церковных и светских деятелей. К числу первых можно отнести следующие имена: святитель Тихон (Беллавин), Патриарх Московский, святитель Филарет (Дроздов), святитель Феофан (Говоров), равноапостольный Николай (Касаткин), священномученик Вениамин (Казанский), святой праведный Иоанн (Сергиев), преподобный Амвросий (Гренков). В свою очередь к числу учащихся духовных школ, которые получили известность в светском мире можно отнести: государственного деятеля М.М. Сперанского, писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, историка В.О. Ключевского, художника В.М. Васнецова, первого русского нобелевского лауреата, прославленного ученого И.П. Павлова. Естественно, что вышеприведенные списки имен не являются исчерпывающими, но они свидетельствуют о том, насколько значительную роль сыграло духовное образование в различных аспектах жизни российского государства. Это было неудивительно, поскольку в синодальный период духовные школы являлись частью российской образовательной системы. В духовных школах проходили свою подготовку не только будущие священнослужители, но и законоучители, миссионеры, учителя народных и церковно-приходских школ¹. Помимо этого, не стоит забывать, что семинарии того времени являлись не только духовными, но и еще общеобразовательными учебными заведениями. Для большинства детей духовенства и некоторых других малообеспеченных сословий данные заведения были единственным доступным местом, где возможно было получить среднее образование. Это обстоятельство, как будет продемонстрировано в данном исследовании, повлекло за собой большое количество негативных последствий и противоречий, которые особенно сильно дали о себе знать в начале

¹ См.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы. Вторая половина XIX в. Изд-во: ПСТГУ, 2012. С. 3.

XX века. Хотя уже со второй половины XIX века в духовных школах с нарастающей активностью происходят разного рода протестные акции. Феномен бунтующей семинарии становится неприятной обыденностью полицейских сводок, печатающихся в газетах. Недовольства протестующих семинаристов достигло своего пика во время Первой русской революции.

Семинарии с самого момента своего основания считались кузницей священнических кадров, но к началу XX века по замечанию протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского духовная школа «почти перестала давать кандидатов священства и выпускала не меньше атеистов, чем глубоко идейных людей»². Аналогичную точку зрения по данному вопросу выразил и преосвященный Тихон (Василевский), епископ Костромской, который в своих отзывах замечал, что «добрая половина кончающих курс семинарий и Академий не имеет никакой любви к священству и стремится служить кому угодно и чему угодно, но только не Церкви»³. Благодаря трудам современных отечественных исследователей⁴ стало очевидно, что роль политического мотива в протестной деятельности учащихся духовных семинарий во многом была преувеличена в советский период историографии данного вопроса, в основном благодаря трудам профессора Б.В. Титлинова. Более того, на основании обширного фактологического материала данным исследователям удалось доказать, что: а) революционные формы протестной деятельности учащихся духовных семинарий в большинстве случаев были лишь средством давления на администрацию духовных школ; б) главным мотивом протестной деятельности учащихся духовных семинарий являлась борьба за секуляризацию духовной школы. По нашему мнению, фиксация превалирования академических требований над политическими в общей массе недовольного духовного студенчества не дает поводов для

² Шавельский Г., *прот.* Церковь и революция // Церковно - исторический вестник. 1998. № 1. – 114 с.

³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т.2. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. С. 136.

⁴ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905-1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – СПб.: 2009. 414 с.; Герасимова Н. Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2001. 226 с.

оптимизма, поскольку суть их сводилась к полному обмирщению духовной школы и последующему ее преобразованию в светское учебное заведение с минимальными вкраплениями религиозности. Если исключить из этих требований учащихся политическую мотивацию, то незнакомый с темой читатель может прийти в недоумение от вышеприведенной цели многих семинаристов. В свою очередь специалисты, занимающиеся исследованиями в данной области, констатируют, что система духовного образования в начале XX века по различным причинам находилась в серьезном упадке. Данный кризис негативным образом сказывался на образовательном, воспитательном и административном процессах духовной школы. Масштаб проблем в это время был настолько широк, что возникла реальная угроза закрытия духовных учебных заведений⁵. Именно в это время Русская Церковь в лице своих лучших представителей вынесла вердикт проблемам семинарий и предложила пути их преодоления. В настоящем исследовании мы предпримем попытку по выявлению и аналитике проблем учебно-воспитательного процесса духовных семинарий на рубеже XIX-XX вв. и способов их решения на основании трудов церковных отечественных деятелей того времени.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления историко-педагогического опыта, накопленного за годы существования духовных школ. Данная тема является малоизученной. По нашему мнению, накопленный опыт содержит в себе значительный потенциал для духовно-нравственного формирования современного молодого человека. Многие проекты по реформированию учебно-воспитательного процесса, выраженные церковными деятелями в начале XX века, не утратили своей актуальности до сих пор. Например, большинство из этих идей возможно включить в современную педагогическую

⁵ Речь идет о периоде протестной активности семинаристов в 1905-1907 гг., когда практически по всем семинариям прокатилась волна протестных акций. Одним из самых распространенных способов решения этой проблемы со стороны священноначалия в это время состоял в закрытии семинарий до тех пор, пока недовольства не утихнут. Однако, как показала практика, эти меры были недостаточно неэффективными, потому что не решали коренных проблем духовной школы. По этой причине во многих проектах реформ, в том числе и в тех, которые будут рассматриваться в данном исследовании, предполагалось закрытие традиционных семинарий и учреждение новых учебных духовных заведений.

практику духовных школ. Сегодня, когда духовное образование находится на стадии развития, учет конструктивного опыта прошлого представляется еще более необходимым, так как позволяет не только избежать ошибок и недостатков дореволюционных духовных школ, но и вывести их на принципиально иной уровень.

Объект исследования – состояние среднего духовного образования на рубеже XIX – XX веков.

Предмет исследования – позиция церковных деятелей по поводу проблем и способов реформирования среднего духовного образования на рубеже XIX – XX веков.

Цель настоящей работы – комплексное исследование трудов церковных отечественных деятелей на предмет фиксации проблем среднего духовного образования и наличия проектов его реформирования на рубеже XIX–XX веков.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели автором были сформулированы следующие задачи:

1. Дать краткий очерк реформ среднего духовного образования во второй половине XIX века и на этом основании проиллюстрировать основные проблемы духовных семинарий к началу XX столетия.
2. Рассмотреть воззрения отечественных церковных деятелей на постановку учебно-воспитательного процесса в семинариях в начале XX века.
3. На основании изученного материала выявить и проанализировать проблемы учебно-воспитательного, административного процессов и проекты их решения.
4. Систематизировать позиции отечественных церковных деятелей по проблемам учебно-воспитательного процесса и способам их решения.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки исследования определены периодом с 1885 по 1907 гг. В данный период появляется большое количество материалов, посвященных вопросам среднего духовного образования. Подобного рода интерес в указанное время был обусловлен двумя

неудавшимися реформами семинарий во второй половине XIX века, а также ростом революционных настроений в духовных школах.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой исследования является принцип историзма. При применении данного метода учитывается причинно-следственная связь и временная последовательность явлений с целью рассмотреть их в процессе возникновения и развития. Принципы объективности и системности дают возможность разностороннего анализа данных и позволяют учитывать всю совокупность исторических фактов. В конечном итоге данные принципы помогают исследователю прийти к взвешенным и объективным выводам. Также были использованы традиционные для гуманитарного исследования методы сравнительно-исторического анализа и описательный подход. Историко-генетический метод дает возможность выявить и проанализировать причины возникновения конкретных проблем учебно-воспитательного процесса духовных семинарий в обозначенный период. Не менее ценным методом в данном исследовании является биографический метод. Этот способ исследования позволяет на основании фактов биографии и личных данных определенного церковного деятеля выяснить его позицию по интересующему нас вопросу. Все вышеуказанные методы исследования позволяют осуществить целостный исторический анализ проблем среднего духовного образования и способов их решения в обозначенный временной период.

Историографический обзор. В историографии темы истории духовного образования можно выделить три периода: 1) дореволюционный (вторая половина XIX века – 1917 г.), 2) советский (1917-1991), 3) современный (с начала 1990-х по настоящее время).

Вопросу преобразования духовных школ в начале XIX века посвящены работы С. К. Смирнова⁶ и В. И. Аскоченского⁷.

Первым трудом, посвященным непосредственно истории духовных школ, являлась монография церковного историка, профессора Казанской духовной

⁶ Смирнов С. К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855.

⁷ Аскоченский В. И. История Киевской духовной академии по преобразованию ее в 1819 г. СПб., 1863.

академии П.В. Знаменского «Духовные школы в России до реформы 1808 года»⁸. В данной работе автор проследил первоначальную историю появления и развития духовного образования в России. В этом исследовании проделана большая работа по сбору и систематизации фактического материала. Вместе с тем Петр Васильевич Знаменский уделил недостаточно внимания аналитике собранного материала.

В фокус внимания исследователей тема духовного образования попала через два десятилетия после публикации вышеприведенной монографии профессора П. В. Знаменского. На рубеже XIX – XX вв. появился целый ряд работ, посвященных роли выпускников духовных школ в научных и культурных достижениях Российской империи в XIX веке. К числу данных авторов можно отнести: К. Д. Головщикова⁹, И. В. Преображенского¹⁰, Д. И. Введенского¹¹.

В монографии русского церковного историка С. Г. Рункевича «Русская церковь в XIX веке»¹² приводится общий обзор состояния духовных школ в XIX веке. Ценность этого труда с точки зрения нашей тематики заключается в том, что впервые была предпринята попытка по рассмотрению истории духовного образования в XIX веке.

В некотором смысле труды профессора П. В. Знаменского продолжил К. П. Дьяконов в своем объемном труде «Духовные школы в царствование императора Николая I»¹³. В данном исследовании автор коснулся многих аспектов деятельности всех структур духовного образования (от училищ до академий). Этот труд прежде всего ценен тем, что дает целостное представление о состоянии всей системы духовного образования в 30-50-е годы XIX века.

В начале XX века церковные авторы активно стали публиковать статьи, посвященные реформированию всего строя семинарий. В этом отношении

⁸ Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.

⁹ Головщиков К. Д. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893. 60 с.

¹⁰ Преображенский И. В. Духовенство и народное образование. По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистов Г. Соколовым: «Земство и народное образование». СПб., 1900. 95 с.

¹¹ Введенский Д. И. Заслуги Вифанской духовной семинарии для отечественной церкви и просвещения. Сергиев Посад, 1900. 34 с.

¹² Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX веке. СПб., 1901.

¹³ Дьяконов К. П. Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. 436 с.

информативна статья члена-ревизора Учебного комитета Д. И. Тихомиров, изданная впоследствии в форме брошюры под названием «О реформе духовной школы»¹⁴. Главные тезисы данной публикации были изложены им в своих выступлениях на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия. Труд этого автора примечателен обстоятельным обзором и критикой проектов реформирования среднего духовного образования.

Профессор Киевского Владимирского университета протоиерей Павел Светлов в своей публикации «О реформе духовного образования в России»¹⁵ подверг критике совмещение общеобразовательных и специальных дисциплин в учебной программе духовных семинарий. В сущности, как и многие другие отечественные церковные деятели, он критиковал двузадачность духовных школ. В качестве решения данного вопроса он предлагал устроить духовные школы согласно уставу 1867 года и отделить в программе таких семинарий общеобразовательный элемент от богословского.

Специалист по истории духовного образования, преподаватель Екатеринославской семинарии П. В. Левитов в своих статьях под названием «По вопросу о духовном образовании»¹⁶ и «Проект реформы духовно-учебных заведений»¹⁷ осуществил краткий обзор проблем духовных школ и предложил проекты по их решению. Большая часть первой статьи посвящена вопросу отмены процентного приема иносословных. Примечательно, что он был одним из первых авторов, кто указал на ряд недостатков в области семинарского судопроизводства, осуществлявшегося на заседаниях педагогического совета над провинившимися учащимися.

Кандидат богословия Е. П. Воскресенский в работе «О реформе духовно-учебных заведений»¹⁸ изложил свой проект реформирования воспитательного процесса семинарий.

¹⁴ Тихомиров Д. И. О реформе духовной школы. СПб.: Типо-лит. В. В. Комарова, 1905. 83 с.: табл.

¹⁵ Светлов П., прот. О реформе духовного образования в России. / СПб., 1906. 12 с.

¹⁶ Левитов П. В. По вопросу о духовном образовании. Сергиев Посад, 1906.

¹⁷ Он же. Проект реформы духовно-учебных заведений. Сергиев Посад, 1906.

¹⁸ Воскресенский Е. П. О реформе духовно-учебных заведений. Сергиев Посад, 1906.

Член Учебного комитета при Св. Синоде Ф. Н. Белявский, учитывая опыт своих предшественников, решил соединить в своем исследовании¹⁹ очерк истории духовного образования вместе с обзором попыток по его реформированию, осуществленных на рубеже XIX-XX вв. Ценность данного труда заключается не только в том, что автор подробно разобрал достоинства и недостатки каждой из реформ, но и проиллюстрировал это на конкретных примерах из жизни духовных школ. Ф. Н. Белявский первым использовал в качестве источника материалы ревизий духовных семинарий.

Особое место среди публикаций по реформированию духовного образования занимают труды профессора Н. Н. Глубоковского. Он сыграл большую роль в исследовании и обсуждении проблем духовного образования. Ему принадлежит ряд работ, посвященных российским духовным школам. По нашему мнению, среди прочих трудов по этой теме можно выделить его сборник «По вопросам духовной школы и об Учебном комитете при Святейшем Синоде»²⁰, в котором Николай Никанорович суммировал все свои воззрения по вопросу духовного образования. Стоит отметить, что большая часть публикаций этого сборника посвящена различным аспектам жизни духовных академий. Это было естественно, поскольку Николай Никанорович провел четверть века на академической службе в Санкт-Петербурге. Вместе с тем, в этом сборнике содержатся его тексты выступлений на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия, где активно обсуждались вопросы среднего духовного образования. В данных работах профессор Н. Н. Глубоковский коснулся различных проблемных аспектов семинарий и рассмотрел возможные проекты их реформирования.

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии Б. В. Титлинов в своем труде «Духовная школа в России в XIX столетии»²¹ рассмотрел не столько

¹⁹ *Белявский Ф. Н.* О реформе духовной школы: Ч. 1. Краткий очерк прошлого средней духовной школы. СПб.: Синод. тип. 230 с.; *Белявский Ф. Н.* О реформе духовной школы: Ч. 2. Об основах и организации средней духовной школы в связи с вопросом о желательном общем типе средней духовной школы в России. СПб.: Синод. тип., 1907. 287 с.

²⁰ *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. 148 с.

²¹ *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX веке. Т. 1. Выпуск 1-2. Вильна, 1908-1909.

состояние системы духовного образования в указанное время, сколько процесс его реформирования. Именно на это указывал оппонент Бориса Васильевича архиепископ Антоний (Храповицкий), который заметил, что исследование профессора нужно было озаглавить следующим образом: «История трех уставов нашей духовной школы в XIX веке»²². Однако даже в таком виде работа профессора Б. В. Титлинова не утрачивает своей оригинальности, поскольку представляет собой первое полноценное исследование по истории реформирования духовного образования в XIX веке. Как покажет наш дальнейший историографический очерк, данная тематика получит свое продолжение в исследовательской среде, что также без сомнения является заслугой профессора Б. В. Титлинова.

Историк С. В. Рождественский в своем исследовании²³, посвященном истории деятельности Министерства народного просвещения, рассмотрел и проанализировал политику государства по отношению к среднему духовному образованию.

Труд «Записки по дидактике»²⁴ священномученика Фаддея (Успенского), архиепископа Тверского представляет собой методическое пособие для преподавателей церковно-приходских школ. Несмотря на это обстоятельство данная книга будет полезна и для педагогов семинарий, поскольку в первой ее части описываются принципы, на основании которых должен строиться воспитательный процесс в духовных школах. К тому же стоит учитывать, что священномученик Фаддей более 10 лет служил на ниве духовного образования. В разное время он потрудился в должности инспектора в Минской и Уфимской духовных семинариях, а также в течение 5 лет служил в качестве ректора Олонецкой духовной семинарии. Это обстоятельство еще более повышает ценность вышеназванного труда.

²² Титлинов Б. В. Ответ на отзыв архиепископа Антония Вольнского о книге Б.В. Титлинова: «Духовная школа в России в XIX столетии»: к характеристике положения богословской науки в России. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911. С. 3.

²³ Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках: Т. 1. СПб.: тип. М. А. Александрова, 1912. 48 с.

²⁴ Фаддей (Успенский), свецмч. Творения. Книга II. Записки по дидактике. Тверь, 2003.

Архиепископ Димитрий (Вознесенский) в брошюре под названием «Как преобразовать наши духовные училища и семинарии?»²⁵ изложил свое видение реформирования низшего и среднего духовного образования. Иерарх высказался за необходимость радикальной реформы духовной школы. Сущность его предложений заключалась в предоставлении возможности детям духовенства, не желающим продолжить дело их отцов, поступать в светские учебные заведения.

Следующую группу исследований представляют работы, посвященные непосредственно описанию отдельных вопросов учебно-воспитательного процесса духовных школ.

Прежде всего стоит выделить цикл статей публициста С. П. Шумова под общим названием «Школа и жизнь»²⁶, опубликованных в разное время в научных журналах «Христианское чтение» и «Богословский вестник». Данный автор в своих исследованиях затронул следующие вопросы: проблемы и реформы среднего и высшего духовного образования, необходимость улучшения качества преподавания педагогики в духовных академиях, устройство семинарских библиотек и литературных вечеров в духовных школах, способы организации воспитания и досуга семинаристов, материальная необеспеченность преподавательского состава и т.д. Данный охват широкого круга вопросов делает его одним из самых значимых исследователей вопросов духовного образования.

²⁵ Димитрий (Вознесенский), архиеп. Как преобразовать наши духовные училища и семинарии? (Со стороны учебных курсов). Харьков, 1906. 70 с.

²⁶ Шумов С. П. Школа и жизнь. Еще по поводу преобразования духовных учебных заведений. О подготовке студентов академии к учительству в семинариях и училищах. Голос за усиление специализации в духовных академиях // Христианское чтение. 1897. № 1. С. 153 – 168; *Он же*. Школа и жизнь. Чтение книг, как одно из образовательных средств в духовных семинариях. Фундаментальная библиотека и меры, делающие ее более доступною для учеников. Ученическая библиотека. Как приохотить учеников к чтению книг и как это чтение сделать плодотворным? Литературные чтения и беседы. Постановка их в гимназиях. Неблагоприятные условия для них в духовных семинариях // Христианское чтение. 1899. № 2. С. 268 – 293; *Он же*. Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом в духовных школах. О влиянии житейских условий на деятельность учебно-педагогического персонала // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1107 – 1120. *Он же*. Школа и жизнь. Необходимость разумных и полезных развлечений для школьников во время досуга. Литературные вечера. Школьное товарищество как фактор воспитания // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 792 – 808. *Он же*. Школа и жизнь. Еще по поводу реформу духовно-учебных заведений. Учебная и воспитательная стороны в духовных академиях. Воспитание академическое и семинарское. Мысли светского педагога о воспитательном воздействии на массу // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 793 – 805.

В сборнике статей «Школа и жизнь»²⁷ известный публицист – священник Григорий Петров ярко обозначил ряд проблем учебно-воспитательного процесса духовных школ. Вместе с тем отец Григорий не предоставил каких-либо конструктивных предложений и методов для решения вышеобозначенных проблем.

Профессор Московской духовной академии В. Н. Мышцын в своем труде «Из периодической печати: о духовных семинариях»²⁸ привел суждения различных церковных авторов о проблемах учебно-воспитательного процесса духовных школ. Стоит отметить, что большая часть статьи посвящена проблемам воспитательного процесса. Данную тематику развил в своем исследовании «Воспитание в духовной семинарии»²⁹ писатель П. М. Красин. В этом труде автор констатирует ущербность существовавших на тот момент времени воспитательных методов, демонстрирует их негативное влияние на учащихся и предлагает альтернативные методы воспитания.

Вышеназванный специалист по истории духовного образования П. В. Левитов помимо фиксации недостатков академического характера, в другой своей статье³⁰ констатировал материальную необеспеченность преподавательского состава семинарий в сравнении с их светскими коллегами.

С. Любимов в статье, опубликованной в сборнике «Воспитание в духовной школе»³¹ также рассмотрел различные недостатки воспитательного процесса духовной школы. Особое внимание в этой работе было уделено проблемам взаимоотношений между администрацией и учащимися.

Особое место в дореволюционной историографии занимают работы, посвященные истории отдельно взятых семинарий. Одним из лучших

²⁷ Петров Г., священник. Школа и жизнь. СПб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902. 178 с.

²⁸ Мышцын В. Н. О духовных семинариях. Сергиев-Посад, 1905.

²⁹ Красин П. М. Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906.

³⁰ Левитов П. В. Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринослав, 1904.

³¹ Любимов С. Воспитание в духовной школе. Духовная школа: Сб. ст. М., 1906.

исследований по истории семинарии является работа А. Н. Надеждина³², которая посвящена столичной духовной школе. Очевидное достоинство данного труда состоит в том, что автор привлек широкий круг архивных источников. Не менее интересна удачная попытка очерка реформ среднего духовного образования на примере столичной семинарии.

Стоит отметить, что большинство авторов в изложении материала придерживалось следующей схемы: очерк истории семинарии, ее устройства, быта учащихся. По данной схеме изложения свои исследования написали следующие авторы: архимандрит Хрисанф (Ретивцев)³³, Н. О. Андронников³⁴, В. И. Колосов³⁵, А. А. Благовещенский³⁶, И. Н. Каргопольцев³⁷, Д. Н. Агнцев³⁸, Н. И. Кедров³⁹, П. В. Никольский⁴⁰, А. И. Троицкий⁴¹, Н. В. Малицкий⁴², Н. Д. Извеков⁴³.

После 1917 года по понятным причинам работа исследователей по проблематике духовного образования серьезно осложнилась. Главным предметом публикаций по истории духовного образования этого периода является анализ конфликтов студенчества и администрации духовных школ. В 20-е годы XX века начинают появляться исследования, посвященные истории революционного движения в среде духовного студенчества. По известным причинам данные выступления трактовались в революционном контексте. Одним из первых серьезных исследований была монография «Молодежь и революция»⁴⁴, принадлежавшая перу уже упоминавшегося церковного историка Б. В. Титлинова. При написании данной монографии Борис Васильевич привлек огромный пласт

³² Надеждин А. Н. История С.-Петербургской православной духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884. СПб., 1885.

³³ Хрисанф (Ретивцев), иером. Первый год реформы Санкт-Петербургской духовной семинарии. СПб., 1872.

³⁴ Андронников Н. О. Историческая записка о Костромской духовной семинарии. Кострома, 1874.

³⁵ Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Т. 1-3. Пермь, 1879.

³⁶ Благовещенский А. А. История Казанской духовной семинарии. Казань, 1881.

³⁷ Каргопольцев И. Н. К 100-летию юбилею Могилевской духовной семинарии. Могилев, 1885.

³⁸ Агнцев Д. И. Исторический очерк Рязанской духовной семинарии (1840-1867 гг.). Рязань, 1889.

³⁹ Кедров Н. И. Московская духовная семинария 1814-1899 гг. М., 1899.

⁴⁰ Никольский П. В. История Воронежской духовной семинарии. Часть вторая. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1899.

⁴¹ Троицкий А. И. Пензенская духовная семинария за истекший 100-летний период ее существования (1800-1900). Пенза, 1901.

⁴² Малицкий Н. В. История Владимирской духовной семинарии. Выпуск второй. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902.

⁴³ Извеков Н. Д. История Литовской Духовной семинарии. Вильна, 1905.

⁴⁴ Титлинов Б. В. Молодежь и революция. Л., 1924.

фактологического материала по истории протестного движения в духовных школах Российской империи за период с 1860 по 1911 гг. В качестве источников своего исследования Б. В. Титлинов использовал донесения администраций духовных школ Св. Синоду, воззвания и петиции духовного студенчества, и отчеты Департамента полиции. Титлинов последовательно проводит идею о прямой зависимости степени протестных настроений в среде духовного студенчества от революционной обстановки в государстве. По его мнению, требования учащихся о реформировании учебно–воспитательного строя духовных школ являлись только лишь поводом для организации протестных действий. Идея о политическом характере протестных настроений духовного студенчества была продолжена Б. В. Титлиновым в следующей работе под названием «Церковь во время революции»⁴⁵. При этом стоит заметить, что вышеперечисленные работы были написаны по заказу Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), что непосредственным образом отразилось на их содержании⁴⁶.

После выхода в свет работ Б. В. Титлинова каких-либо информативных исследований по протестным акциям семинаристов не выходило вплоть до второй половины XX века. Работы Д. И. Копылова⁴⁷ и Х. М. Зангиева⁴⁸, вышедшие в 1965 году, возвратили интерес исследователей к этой теме. Несмотря на то, что исследования носили региональный характер, данные авторы в результате пришли к нетривиальным выводам. Особенность их заключается в том, что, в отличие от Б. В. Титлинова, постулировавшего в качестве основной причины протестных акций семинаристов их политическую борьбу с царизмом, данные авторы утверждали, что во–первых, между учащимися не было единства политических взглядов, а во–вторых, данный мотив был далеко не ведущим в их оппозиции

⁴⁵ Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Л., 1924.

⁴⁶ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905-1907 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. С. 9.

⁴⁷ Копылов Д. И. Нелегальные рукописные журналы тобольской учащейся молодежи в годы первой русской революции. Тюмень, 1965.

⁴⁸ Зангиев Х. М. Ардонская семинария: Исторический очерк. Орджоникидзе, 1965.

семинарской администрации в отличие от борьбы за удовлетворение академических требований.

Через несколько десятилетий была опубликована монография историка П. Н. Зырянова⁴⁹, который пришел к выводу о том, что протестное движение в своих целях было неоднородным. Если в начале революции требования большинства петиций носили секулярный характер, то к ее концу небольшая часть протестующих семинаристов уклонилась в различные политические течения, хотя большая часть недовольных учащихся продолжила свою борьбу за секуляризацию духовной школы.

В светской историографии в последние десятилетия советского периода взгляды Б. В. Титлинова были реанимированы в первую очередь в трудах Н. С. Ватника⁵⁰, кандидатская диссертация которого была посвящена исследованию протестного движения учащихся, входящих в состав Московского учебного округа Российской империи в годы революции. В качестве основного фактора протестных настроений учащихся духовных школ исследователь указал влияние политических организаций и революционную обстановку в государстве.

Среди исследований русских авторов-эмигрантов нам не удалось обнаружить полноценных работ, непосредственно посвященных теме духовного образования. В тоже время стоит отметить, что данная тема в разной мере затрагивается в трудах И. К. Смолича⁵¹, Н. Д. Тальберга⁵², протоиерея Георгия Флоровского⁵³, А. В. Карташева⁵⁴.

Первым в советской России исследованием, посвященным непосредственно истории духовного образования, стала работа⁵⁵ профессорского стипендиата

⁴⁹ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984.

⁵⁰ Ватник Н. С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁵¹ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. 798 с.

⁵² Тальберг Н. Д. История русской церкви. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 1997.

⁵³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.

⁵⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020.

⁵⁵ Владимир (Котляров), иером. Критический обзор источников и литературы по истории духовного образования в России за синодальный период. Машинопись. Л.: ЛДА, 1959.

Ленинградской духовной академии иеромонаха Владимира (Котлярова). Ценность данного труда состоит еще в том, что автор критически рассмотрел источники синодального периода по вопросу истории духовного образования. Данный труд находится в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии в машинописном варианте и не доступен широкому кругу читателей.

В конце XX века после распада советского государства специалисты получили возможность беспрепятственно изучать и работать над темами, связанными с церковной историей. В том числе это сказалось на повышении интереса среди исследователей к теме духовного образования. Ярким подтверждением тому является факт защиты большого количества диссертаций и публикации различных трудов на эту тему.

Исследователь С. В. Римский в нескольких статьях⁵⁶ проанализировал неудачную попытку реформирования церковной жизни в годы правления императора Александра II. В частности, в своей работе он обратил внимание к проблеме реформирования духовных учебных заведений. В итоге С. В. Римский на основании проделанного исследования заключил, что данные реформы не изменили положения духовенства в целом, и состояния духовного образования в частности.

Одним из первых серьезных исследований по вопросу состояния среднего духовного образования в конце XIX века следует считать кандидатскую диссертацию А. В. Сушко⁵⁷. Особое внимание автор уделил реформе среднего духовного образования 1867 года. В частности, он проследил как устав 1867 года повлиял на качество образования в семинарии, сословный состав учащихся, правовое и материальное положение педагогов и учащихся средних духовных учебных заведений. Историю реформирования среднего духовного образования во

⁵⁶ Римский С. В. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 40; *Он же*. Церковная реформа 60-70-х годов XIX в. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166 – 175; *Он же*. Церковная реформа Александра II // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 34 – 49.

⁵⁷ Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России. 1861-1884 г. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

второй половине XIX века проанализировали в своей кандидатской диссертации Н. Н. Богемская⁵⁸.

Исследователь Г. Е. Колыванов в 1999 году защитил кандидатскую диссертацию⁵⁹, посвященную истории духовных семинарий в 1880-1920-х гг. В данном исследовании проанализированы следующие вопросы: состояние семинарий накануне и после устава 1884 года; протестная активность семинаристов в годы Первой русской революции; попытки реформирования среднего духовного образования в начале XX века; положение духовных школ перед революцией 1917 года и в первые годы после нее.

Церковный историк А. И. Мраморнов, опираясь на результаты исследования Саратовской семинарии в начале XX века⁶⁰, предпринял попытку по рассмотрению учебно-воспитательной системы среднего духовного образования в целом. За некоторыми исключениями данное исследование аналогично по структуре с вышеупомянутой работой Г. Е. Колыванова.

Исследователь М. А. Адамов в своей кандидатской диссертации⁶¹ рассмотрел повседневную жизнь учащихся духовных семинарий за период с 1721 по 1918 гг. Помимо этого автор рассмотрел вопросы церковно-государственной политики в сфере духовного образования. Проанализировав комплекс проблем строя духовных школ, автор пришел к выводу, что семинарии сыграли положительную роль в истории России.

Исследование А. И. Назаровой⁶² посвящено вопросу организации воспитательного процесса в средних духовных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX века. Исследование большей частью опирается на материалы Смоленской духовной семинарии. Ценность данного труда

⁵⁸ *Богемская Н. Н.* Реформа системы образования Русской православной церкви и ее влияние на последующую деятельность духовенства (1860-1880 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2004.

⁵⁹ *Колыванов Г. Е.* Духовные семинарии в России в 1880-е-1920-е гг. Дис. канд. ист. наук. Сергиев Посад, 1999.

⁶⁰ *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). Саратов, 2007.

⁶¹ *Адамов М. А.* Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII - начале XX веков. Дис. канд. ист. наук. Курск, 2011.

⁶² *Назарова А. И.* Организация воспитательной работы в средних духовных учебных заведениях России во второй половине XIX - начале XX века (на материале Смоленской губернии). Дисс. канд. ист. наук. Смоленск, 2012.

заключается в том, что в нем впервые была предпринята попытка анализа постановки воспитательной работы в духовных семинариях данного периода.

Особый интерес представляет исследование священника Виталия Симора «Роль и значение Тверской духовной семинарии в деле подготовки пастырей Русской Православной Церкви (1884–1918 гг.)»⁶³. Особенность данной работы заключается в том, что автор сосредоточил свое внимание на методах подготовки семинаристов к пастырскому служению. К сожалению, данный аспект достаточно редко отмечается в работах, посвященных отечественному духовному образованию. Иерей Виталий не только обозначил ключевые проблемы воспитательного процесса Тверской духовной семинарии, но и продемонстрировал как те или иные конструктивные инициативы администрации духовной школы смогли их решить.

Т. Г. Леонтьева в своей монографии⁶⁴ предприняла попытку анализа истоков протестного движения учащихся духовных школ посредством исследования жизни духовенства Тверской епархии. В результате исследования был сделан вывод о том, что условия жизни и обучения будущих пастырей подталкивали их к протестной деятельности. В качестве основного виновника происходящего исследователь указал священноначалие и администрацию духовных школ, не желавших предпринимать каких-либо продуктивных действий по изменению сложившейся ситуации.

Тему протестного движения семинаристов в начале XX века полноценно вернула в научное поле исследовательница Т. А. Павленко, которая защитила кандидатскую диссертацию на соответствующую тему⁶⁵. Ценность данной работы заключается в том, что исследователь на основании обширного фактологического материала опровергает точку зрения Б. В. Титлинова о политических мотивах борьбы духовного студенчества. Также ценность данного исследования

⁶³ *Симора В., свящ.* Роль и значение Тверской духовной семинарии в деле подготовки пастырей Русской Православной Церкви (1884 - 1918 гг.). Дисс. ... канд. богосл. наук. М., 2021.

⁶⁴ *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX - начале XX в. М., 2002.

⁶⁵ *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905-1907 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

заключается в том, что в научный оборот вводятся новые источники, содержащие сведения о протестных акциях учащихся духовных семинарий в отдельных городах Российской империи, что позволяет изменить существующие в историографии представления о причинах радикализации семинарского движения. Протестное движение учащихся Казанской духовной семинарии на рубеже XIX-XX вв. исследовал А. А. Хохлов⁶⁶.

Отдельный пласт в современной историографии составляют труды, посвященные истории региональных семинарий. К числу таковых можно отнести следующих исследователей: Н. Е. Герасимову⁶⁷, Т. М. Леонтьеву⁶⁸, И. В. Макарова⁶⁹, Н. И. Полосина⁷⁰, Д. В. Прахта⁷¹.

Кандидатская диссертация доцента Санкт-Петербургской духовной академии Д. А. Карпука⁷² посвящена истории столичной академии в период с 1889-1918 гг. Ценность данного исследования заключается в том, что автор осуществил комплексный анализ истории СПбДА и затронул различные стороны жизни духовной школы в означенный период. Дмитрий Андреевич в своих многочисленных статьях⁷³ продолжил исследовать вопросы, связанные с

⁶⁶ Хохлов А. А. Протестное движение воспитанников Казанской духовной семинарии в конце XIX-начале XX в.: причины, формы, специфика. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2016.

⁶⁷ Герасимова Н. Е. Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001.

⁶⁸ Леонтьева Т. М. Развитие региональной системы образования Смоленской губернии в XIX веке. Дисс. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2002.

⁶⁹ Макарова И. В. Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: 60-е годы XVIII - первая четверть XIX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.

⁷⁰ Полосин Н. И. Православное духовное образование в Пензенской губернии в XIX - начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.

⁷¹ Прахт Д. В. Тобольская духовная семинария в контексте реформ среднего духовного образования в XIX – начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.

⁷² Карпук Д. А. История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): В 2 т. Дисс. ... канд. богосл. СПб.: СПбДА, 2008.

⁷³ Карпук Д. А. История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX – начале XX вв. // Православный Собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. 2009, № 1(18). С.169–180; *Он же*. Подвижник веры и науки. Деятельность последнего ректора дореволюционной Санкт-Петербургской духовной академии епископа Анастасия (Александрова) (1913-1918гг.) // Невский богослов. СПб.: СПбДА, 2010. № 4. С.10–15; *Он же*. Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С.159–176; *Он же*. Патриотическая деятельность Петроградской духовной академии в годы I Мировой войны; *Он же*. История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX — начале XX вв. // Православный собеседник: Альманах Казанской духовной семинарии. 2009. № 1 (18). С. 169–180; *Он же*. Богословская наука в Санкт-Петербургской духовной академии (К 295-летию со дня окончания и 70-летию со дня возрождения) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 10–30; *Он же*. Церковно-административная деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в период ректорства в Санкт-Петербургской

различными аспектами жизни столичной академии. Достоинство данных работ заключается в том, что автор в качестве материалов исследования привлекает различные источники.

Историю московских духовных школ в период с 1905 по 1917 гг. рассмотрел в своем исследовании⁷⁴ протоиерей Сергей Голубцов. Данная работа интересна широкой источниковой базой. В качестве источников отец Сергей использовал воспоминания семинаристов, материалы церковной периодической печати и документы личного происхождения церковных деятелей вышеназванного периода.

Иеромонах Ферапонт (Широков) посвятил свою работу⁷⁵ исследованию различных аспектов деятельности Вологодской семинарии во второй половине XIX – начале XX вв. Особый интерес представляет вторая глава данной диссертации, где автор исследует деятельность ректоров и инспекторов Вологодской семинарии в обозначенный период. Отец Ферапонт акцентирует внимание на взаимоотношениях высшей администрации между собой и с учащимися, демонстрируя не только положительные, но и отрицательные моменты данных связей. Еще одним достоинством вышеназванной диссертации является привлечение широкого круга архивных источников.

Для лучшего понимания исторического контекста реформирования духовного образования в целом необходимо учитывать материалы дискуссий по преобразованию учебно-воспитательного строя духовных академий. Особое место среди современных исследований по тематике реформирования высшего духовного образования занимают труды доктора церковной истории Н. Ю. Суховой. Этому автору выделяют среди прочих большое количество трудов и публикаций по вышеобозначенной теме. По нашему мнению, Наталью Юрьевну можно даже назвать ведущим специалистом современности по истории духовного

духовной академии (1905–1908 гг.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 209–224.

⁷⁴ Голубцов С. А., диак. *Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века*. Т. 1. Ч. 3. *Московская духовная академия дореволюционного периода*. М.: Мартис, 1999. 247 с.

⁷⁵ Ферапонт (Широков), иером. *Развитие среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX - начале XX вв.* Дисс... канд. богосл. наук. СПб., 2021.

образования. В первую очередь необходимо отметить ее кандидатскую диссертацию⁷⁶, посвященную истории реформирования духовных академий в XIX веке. Несмотря на заявленную тему исследования автор предоставил краткий обзор реформирования среднего духовного образования в вышеназванный период. Не менее ценной представляется ее дипломная работа на тему «Источниковая база по истории духовного образования в России 1807-1921»⁷⁷. В данном труде Н. Ю. Сухова осуществила исчерпывающий обзор источников по заданной теме.

Не менее ценным представляется монография Натальи Юрьевны «Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв.»⁷⁸. В данном исследовании выявлены предпосылки и истоки отечественной системы научно-богословской аттестации, а также продемонстрировано практическое значение и актуальность дореволюционного опыта для современной системы духовного образования. В монографии «Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России (1808-1918 гг.)»⁷⁹ Н. Ю. Сухова продемонстрировала, что система отечественного духовного образования была менее зависима от «европейского влияния», чем университетское. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что семинарское образование являлось самобытным. В заключении автором были сформулированы основные проблемы подготовки и аттестации научно-педагогических кадров в православных академиях России. Также интерес представляет ее монография «Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870-1918 гг.)»⁸⁰. Главное достоинство данного труда заключается в том, что на основании осуществленного анализа комплекса докторских и магистерских работ автору удалось выделить приоритетные

⁷⁶ Сухова Н. Ю. Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2007.

⁷⁷ Сухова Н. Ю. Источниковая база по истории духовного образования в России 1807-1921. Дипломная работа, ПСТБИ. М., 2000.

⁷⁸ Сухова Н. Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009.

⁷⁹ Сухова Н. Ю. Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России (1808-1918 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2011.

⁸⁰ Сухова Н. Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870-1918 гг.). М., 2012.

направления в богословской науке в указанное время. В многочисленных статьях⁸¹ Н. Ю. Суховой можно почерпнуть сведения по различным вопросам духовного образования. В результате, можно сказать, что труды Н. Ю. Суховой могут и должны послужить основой для любых исследований, связанных с историей духовного образования в России.

Иеромонах Петр (Еремеев) в Московской духовной академии защитил кандидатскую диссертацию⁸², посвященную вопросу реформирования высшего духовного образования. Его труд был посвящен проблеме реформирования духовных академий в начале XX века. В качестве источников исследования в числе прочих были привлечены «Отзывы» епархиальных архиереев и журналы Предсоборного Присутствия.

Истории реформирования высшего духовного образования также посвящены исследования В. А. Тарасовой⁸³, И. В. Воробьева⁸⁴.

Таким образом, историографический обзор показывает, что состояние среднего духовного образования в дореволюционный период неоднократно становилось предметом большого количества исследований. Несмотря на это обстоятельство, в отечественной историографии практически отсутствуют работы, посвященные аналитике и предложению именно по реформированию учебно-воспитательного строя семинарий.

Источниковедческий обзор. Основой данного исследования являются практически исключительно опубликованные источники. Комплекс источников составляют:

⁸¹ Сухова Н. Ю. Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808-1814 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2010. № 2. С. 55-60; Она же. Архивный фонд Учебного комитета при Святейшем Синоде: история, состав и содержание // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 38-49; Она же. Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах // Филаретовский альманах. 2010. № 16. С. 43-91; Она же. Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 7-26; Она же. Святитель Филарет и духовно-учебные реформы 1860-х гг.: загадка непонимания // Филаретовский альманах. 2017. № 13. С. 122-140.

⁸² Петр (Еремеев), иером. Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века. Дис. ... канд. богосл. МДА. Сергиев Посад, 1999.

⁸³ Тарасова В. А. Духовные академии в России в конце XIX - начале XX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2002.

⁸⁴ Воробьев И. В. Реформы духовных академий 1905-1911 гг. Дис. канд. ист. наук. М., 2004.

1. *Материалы делопроизводственной документации.* В рамках и в соответствии с темой данной работы в ней использованы в основном так называемые документы коллегиального управления, а именно «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» и протоколы, журналы Предсоборного Присутствия. Эти документы содержат в себе как полноценную характеристику ключевых проблем всего строя духовных семинарий, так и предложения по их решению. 27 июля 1905 года по инициативе обер-прокурора К. П. Победоносцева всем епархиальным архиереям был разослан циркуляр, который предписывал иерархам высказаться в письменном виде на прикрепленные к документу вопросы. В качестве основных вопросов можно выделить следующие: организация предстоящего Поместного Собора, восстановление патриаршества, формирование приходской общины, возможность участия духовенства в общественной деятельности, расширение компетенции церковного суда, проблемы духовного образования, реформы в литургической практике. Впоследствии полученные данные были систематизированы, сведены воедино и опубликованы в 1906 году в книге под названием «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». В результате на вышеприведенные вопросы дали ответы 64 епархиальных архиерея.

По вопросам реформирования среднего духовного образования было собрано 75 отзывов. Дело в том, что в составлении отзывов архиереям зачастую помогали специальные епархиальные комиссии, педагогические собрания семинарий и съезды духовенства и мирян. Таким образом, в отзыв того или иного архиерея могло включаться еще несколько других. Например, в отзыв архиепископа Карталинского и Кахетинского Николая (Налимова) входит отзыв епископа Имеретского Леонида (Окропиридзе), протокол совещаний педагогического собрания Тифлисской семинарии по вопросу реформирования среднего духовного образования и рапорт правления одноименного духовного училища, проекты по различным вопросам, выработанные епархиальной комиссией, и наконец, брошюра Ф. Жордания.

6 марта 1906 года в Александро-Невской лавре открылись заседания Предсоборного Присутствия. Поскольку данный орган начал свою работу после публикации «Отзывов», то участники заседаний Предсоборного Присутствия не могли не взять за основу эти материалы. Данное обстоятельство объясняет причину, по которой члены V отдела Предсоборного Присутствия решили не обсуждать проблематику среднего духовного образования и после небольшой дискуссии приступили к выработке проектов по преобразованию учебно-воспитательного и административного строя семинарий. Вышеназванные документы являются очень важными и информативными источниками по теме исследования.

2. *Периодическая печать.* Проблемы духовного образования вызвали широкий резонанс среди церковной общественности. В этой связи очевидно, что дискуссии по данному вопросу не ограничились только лишь официальным форматом, но и велись на страницах периодических изданий. В качестве информативных источников среди периодических изданий необходимо указать следующие журналы: «Церковные ведомости», «Христианское чтение» и «Богословский вестник». Именно в этих журналах на рубеже XIX - XX вв. активно обсуждалась проблематика духовного образования. Помимо этого, на страницах епархиальных периодических изданий можно встретить дискуссию о проблемах среднего духовного образования и предложения по их решению. В большинстве случаев публикации в региональной периодике либо дублировали содержание статей в вышеназванных изданиях, либо же были посвящены слишком узким темам. По этой причине ключевыми источниками по части периодики являются вышеперечисленные три журнала.

Вместе с тем, несмотря на интерес церковных авторов к проблематике среднего духовного образования, нам не удалось найти в периодической печати содержательных материалов, касающихся вопросов проблематики и преобразования учебного процесса семинарий. Тогда как проблематике

воспитательного и административного процессов уделено значительное количество публикаций.

3. *Источники личного происхождения (мемуары, дневники и т.д.)*. Ценным источником о состоянии среднего духовного образования в исследуемый период являются источники личного происхождения. Значимым источником по вопросу о состоянии учебно-воспитательного процесса духовных школ на рубеже XIX-XX веков являются мемуары иерархов, потрудившихся на ниве духовного образования в это время. В первую очередь к числу таковых стоит отнести ныне публикуемые дневники митрополита Арсения (Стадницкого)⁸⁵. Владыка прошел путь от рядового преподавателя нескольких дисциплин в Единецком духовном училище, а затем в Кишиневской духовной семинарии до ректора Московской Духовной Академии (с 1898 г.) и члена Учебного комитета при Святейшем Синоде (с 1905 г.). Педагогический опыт владыки ценен тем, что на занимаемых им в разное время должностях инспектора, а затем ректора духовных школ разного иерархического уровня в системе богословского образования дореволюционной России, он имел возможность погружения в реальные проблемы, связанные с процессом обучения и воспитания в духовных школах. В своих дневниковых записях он не только констатировал проблемы семинарий, но и предложил конструктивные методы их решения. Стоит отметить, что многие фрагменты его дневников практически дословно воспроизводят выступления владыки Арсения во время заседаний V отдела Предсоборного Присутствия.

Не менее ценными в этом отношении являются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского)⁸⁶, в которых иерарх подробно описал годы своего обучения, а затем и административного служения в духовных школах. Ценность его мемуаров заключается в том, что он предлагал конкретные принципы воспитания семинаристов, а также на своем опыте продемонстрировал как нейтрализовать протестные движения семинаристов. В воспоминаниях

⁸⁵ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 1-4. М., 2006 - 2019.

⁸⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. 624 с.

митрополита Вениамина (Федченкова)⁸⁷, архиепископа Антония (Храповицкого)⁸⁸, архиепископа Саввы (Тихомирова)⁸⁹, протопресвитера Георгия Шавельского⁹⁰ и помощника инспектора Вологодской духовной семинарии Н. А. Ильинского⁹¹ приводятся сведения о жизни и умонастроениях учащихся духовных школ на рубеже XIX - XX вв.

В работе также используются отдельные архивные материалы (РГИА), но они, исходя из темы нашего исследования, носят исключительно вспомогательный характер.

Научная новизна исследования. Несмотря на возросший интерес исследователей к теме среднего духовного образования в Русской Церкви, тем не менее, кризис строя семинарий в начале XX века и особенно предложения по его преодолению практически не являлись предметом отдельного исследования. По этой причине следует сказать, что исследуемая в данной диссертации тема является актуальной. К тому же данное исследование представляет комплексный характер и охватывает практически все стороны жизни средних духовных образовательных заведений.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Безуспешность реформ семинарий во второй половине XIX века прежде всего обусловлена отсутствием последовательной политики российского государства в области церковного образования. В частности, данный факт отразился на том, что уставы семинарий 1867 и 1884 гг. были основаны совершенно на противоположных принципах. Первая реформа повлекла за собой целый ряд

⁸⁷ *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Изд-во «Отчий дом», 1994. 448 с.

⁸⁸ *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Заметки о нашей духовной школе. Избранные труды, письма, материалы. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007.

⁸⁹ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т. 1-9. Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1898-1911.

⁹⁰ *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. 700 с.

⁹¹ *Ильинский Н. А.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6173070> (дата обращения 20.09.22); *Он же.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6174500> (дата обращения 21.09.22); *Он же.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6175170> (дата обращения 23.09.22).

«демократических» изменений, тогда как последующий устав был реакционным, поскольку отменил практически все основные положения предыдущего устава. Главная причина указанного противоречия состояла в смене идеологического курса государства с либерального на консервативный.

2. Ввиду массовых и практически повсеместных протестных акций семинаристов на рубеже XIX – XX вв. вновь были предприняты попытки по реформированию среднего духовного образования. Проекты, которые были реализованы не привнесли собой кардинальных изменений в строй семинарий. Причиной этому являлась их недостаточная разработанность и отсутствие решимости у реформаторов к существенным изменениям.

3. Сословная замкнутость духовенства и духовного образования являлась ключевой проблемой учебно-воспитательного строя семинарий на рубеже XIX – XX вв. Большое количество иерархов и церковных писателей предложили свои проекты по решению данной проблемы. Многие из представленных планов преобразований хотя и имели положительные стороны, все же так или иначе воспроизводили проблемы, произошедшие вследствие сословной замкнутости духовного образования. В свою очередь проект, решавший данную проблему, в сущности, разрушал синодальную систему взаимоотношений между Церковью и государством.

4. Значительное количество суждений членов V отдела Предсоборного Присутствия посвящено решению вопроса о типе духовной школы. Главный вопрос данной полемики звучал следующим образом: целесообразно ли совмещать в семинарии общеобразовательную и духовную школы, или же их необходимо отделить друг от друга? Участники прений о типе духовной семинарии были разделены нами на две группы. Против традиционного типа духовной школы и ее дальнейшую секуляризацию выступали в основном профессора, не имеющие священного сана. В пользу сохранения традиционного типа духовной школы с учетом конструктивных и положительных аспектов устава 1867 года высказались заседатели в священном сане.

5. Одной из ключевых проблем являлся вопрос о соотношении между богословскими и общеобразовательными дисциплинами в учебных программах семинарий. Решение этого вопроса напрямую зависело от того, каким образом та или иная часть епископата видела будущее духовной школы, а также от того, каким образом священноначалием будет соблюден баланс между сословными и церковными интересами. Наиболее оптимальной и соответствующей церковным интересам того времени являлась позиция второй группы епископата, которая выступала за превалирование богословских дисциплин в учебной программе семинарий.

6. Большая часть иерархов выступала за приведение семинарских программ в соответствие с учебными стандартами светских заведений и запросами времени. Также преосвященными были предложены следующие меры для улучшения постановки учебного процесса: значительно переработать учебные планы богословского цикла, а также упразднить те дисциплины, которые утратили свою актуальность и заместить их новыми предметами; соразмерно распределить количество учебных часов, выделяемых в расписании на изучение той или иной дисциплины. С целью приближения духовного образования запросам и реалиям того времени епископат предлагал: пересмотреть и исправить учебные пособия; предоставить право преподавательским корпорациям ходатайствовать перед Учебным комитетом о замене одного учебного пособия другим, а также самостоятельно выбирать для преподавания труды тех или иных авторов; культивировать в учащихся навыки самостоятельного и критического мышления.

7. Церковные авторы предложили основать среднюю духовную школу на принципах религиозности, индивидуальности, педагогического авторитета, профессионализма, уважения и доверия. Все это позволило бы развить в учащихся самостоятельность, инициативность, способность вести конструктивный диалог, чувство собственного достоинства, и, наконец, доверие и уважение к учащим духовной школы.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о проблемах и процессе реформирования среднего духовного образования на рубеже XIX - XX вв.

Практическая значимость исследования заключается в потенциальной возможности использования материалов работы при составлении курсов по истории духовного образования в Российской империи в вышеобозначенный период. Также материал исследования может быть использован при составлении пособий по православной педагогике. И наконец, по нашему мнению, созидательный исторический опыт ведущих педагогов и церковных деятелей прошлого столетия может быть органично интегрирован в современную учебно-воспитательную систему духовных школ.

Степень достоверности исследования обуславливается использованием в диссертации апробированного научно-методического аппарата.

Апробация результатов исследования. Текст диссертации обсуждался на заседаниях аспирантских семинаров кафедры Церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА). Отдельные аспекты исследования отражены в публикациях автора, в том числе в трех – из Общецерковного перечня рецензируемых изданий.

Основные направления исследования обсуждались на международных и региональных научно-практических конференциях, и чтениях: X международная студенческая научно-богословская конференция, Санкт-Петербург, 2018; XI международная научно-богословская конференция «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки», Санкт-Петербург, 2019; «Филаретовские Образовательные чтения» в городе Алматы – региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений в 2018 и 2019 годах. Организатор двух последних конференций – Алматинская Православная Духовная семинария.

Структура диссертации. В соответствии с поставленными целями и задачами работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Состояние системы среднего духовного образования в конце XIX–начале XX в.

1.1. Краткий очерк реформ системы среднего духовного образования второй половины XIX века

Вторая половина XIX и начало XX веков – время, которое было ознаменовано повсеместным распространением идей либерального и социалистического толка среди юношества. К сожалению, не обошла стороной данная пропаганда и учащиеся духовных заведений. Об увлечении студентов духовных школ революционными идеями свидетельствует доклад еще от октября 1862 года обер-прокурора А.П. Ахматова Синоду: «Государь император изволил усмотреть, что с некоторого времени бывшие воспитанники духовно-учебных заведений нередко встречаются в числе лиц, обнаруживающих и печатью, и действиями неуважение к коренным основаниям государственного порядка и благоустройства»⁹². К тому же на страницах светских и церковных периодических изданий не утихала дискуссия по поводу необходимости осуществления реформ духовного образования. В сложившейся ситуации система духовного образования остро нуждалась в реформах, которые и были осуществлены священноначалием во второй половине XIX века. К слову сказать, проведены они были в русле государственных реформ, касавшихся народного просвещения⁹³. До принятия семинарского устава 1867 года более либеральные уставы были внедрены практически во все учебные заведения Российской империи. Вполне естественно, что преобразования светских учебных заведений повлекли за собой аналогичные процессы в духовной школе.

Итак, первой попыткой изменить ситуацию было принятие семинарского устава 1867 года⁹⁴. Работа над ним началась в конце 50-х гг. XIX века. Инициатором будущей реформы выступил обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Толстой, который обратился к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому

⁹² Цит. по: *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений: 1860–1905 гг. / Э. Э. Эссена, Л.: Госиздат, 1924. С. 90.

⁹³ См.: *Воробьев И. В.* Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX – начале XX веков. Богословский сборник. М., 2001. С. 285.

⁹⁴ *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 45.

Григорию (Постникову) со списком соответствующих вопросов. После этого Святейшим Синодом был проведен сбор мнений среди ректоров духовных школ и епархиальных архиереев относительно необходимости реформирования семинарий. Главное место в этих отзывах занимал вопрос о типе духовной школы. По этому поводу опрошиваемых можно разделить на три группы. Первые полагали, что необходимо общеобразовательный курс духовных училищ приравнять с курсом светских гимназий и увеличить его на два года, а семинарию преобразовать в богословский институт с 2-х летним курсом обучения. В свою очередь вторая группа респондентов предлагала объединить в рамках одного заведения училище и семинарию, учебный курс которого планировалось разделить на общеобразовательный и богословский циклы дисциплин. И наконец последняя часть участников опроса выразили точку зрения о том, что духовная школа должна быть всесловной, но при том условии, что перед поступлением в семинарию абитуриенты должны будут получить светское гимназическое образование. Это означало, что в семинарии светские науки преподаваться не будут. На основании предоставленных ответов в начале 1863 года был составлен проект преобразований среднего и низшего духовного образования, учрежденной Святейшим Синодом комиссией под руководством епископа Димитрия (Муретова)⁹⁵.

Этот проект был разослан епархиальными архиереям для рассмотрения. Однако процесс обсуждения настолько затянулся, что новый обер-прокурор град Д.А. Толстой в 1866 году распустил комитет архиепископа Димитрия (Муретова) и вместо него учредил новую комиссию под руководством митрополита Арсения (Москвина). Основная задача этого комитета заключалась в ускоренном проведении реформ. В ходе выработки нового устава комиссия учитывала результаты работы своих предшественников, отзывы преосвященных и ректоров духовных школ, а также мнения, выраженные в светской и духовной периодике. Помимо этого, «привлекались даже материалы об организации римско-

⁹⁵ Папков А. А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870). СПб., 1901. С. 106.

католических семинарий во Франции и православной богословской школы на острове Халки близ Константинополя»⁹⁶.

Уже к концу года комиссия митрополита Арсения предоставила в Синод новый проект устава духовных школ. В 1867 году Синод признал его «соответствующим желаемой цели – приведению духовно-учебных заведений в лучшее благоустройство и положение, более удовлетворяющее их предназначению, и потому определи означенные проекты уставов и штатов, православных духовных училищ и семинарий, по подписании их Синодом подвергнуть через посредство г-на обер-прокурора на Высочайшее благоусмотрение и утверждение»⁹⁷.

В соответствии с данным уставом семинарии стали находиться в ведении епархиального архиерея, в обязанности которого входило обучение и воспитание учащихся, а также ведение хозяйства семинарии. Также новый устав предполагал введение выборности высшего семинарского руководства (должности ректора и инспектора). В частности, предполагалось, что профессорско-преподавательская корпорация выбирала двух кандидатов и предоставляла их кандидатуры на утверждение епархиальному архиерею. После этого окончательное решение принималось в Святейшем Синоде, где выбирался один из кандидатов. Однако, несмотря на это, в Синоде могли утвердить в должности и своего избранника. Новым руководящим органом стал Учебный Комитет, который был учрежден вместо Духовно-учебного управления. В компетенцию данного учреждения входили вопросы постановки учебно-воспитательного дела в духовных школах, составления и внедрения новых уставов, рассмотрение годовых отчетов и ревизий духовных школ⁹⁸. Доступ в духовные школы открывался для представителей всех сословий, но преимущественно при поступлении пользовались дети духовенства. Стоит отметить, что в богословские классы могли поступить выпускники средних

⁹⁶ Смолч И. К. История Русской Церкви 1700-1917. // Седмица. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436672/> (дата обращения 15.02.2022).

⁹⁷ Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808-1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. СПб., 1908. С. 14.

⁹⁸ См.: Положение об Учебном комитете при Святейшем Синоде // Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 13. С. 183–184.

учебных заведений при условии успешной сдачи экзаменов по богословским дисциплинам. Как гласил один из пунктов данного устава, «в семинарии принимаются, по надлежащем испытании, молодые люди из всех сословий»⁹⁹.

Также авторами устава были отредактированы учебные программы семинарского курса. Были расширен общеобразовательный курс предметов, читаемых в духовных школах. В тоже время из учебной программы были исключены медицина и сельское хозяйство. По своей сути учащиеся в первые четыре года своего обучения осваивали гимназический курс, а в оставшиеся два года посвящали изучению богословских дисциплин. Основными предметами общеобразовательного цикла стали классические языки и математика. По утверждению исследователя духовного образования А.В. Сушко, «сравнивая семинарский курс с гимназическим, видно, что по своему объему они были примерно одинаковы»¹⁰⁰. Подобного рода обстоятельства облегчили учащимся духовных школ процесс поступления в светские учебные заведения, тем более что этот устав даровал семинаристам право на поступление в университеты. Помимо этого, была введена выборность администрации, расширены права семинарских правлений и педагогических советов, а также отменены наиболее грубые формы физического воздействия наставников на своих подопечных.

В результате, исследователи выделяют как положительные, так и отрицательные последствия воплощения данного устава в жизнь. К явным достоинствам устава 1867 года относятся модернизация учебно-воспитательного и административного процессов, а также улучшение материальной базы духовных семинарий. Примером тому является ревизия Вологодской¹⁰¹ и Владимирской семинарий. Комиссия отметила, что «между учащимися в семинариях и внешняя благовоспитанность, чистота и опрятность. Значительно улучшено содержание учеников пищей и одеждой»¹⁰². Что касается недостатков устава, то к самым явным

⁹⁹ Свод уставов и проектов уставов... С. 2.

¹⁰⁰ Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884). дис... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: 1998. С. 74.

¹⁰¹ См.: *Ферапонт (Широков), иером.* Развитие среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX-начале XX вв. С. 160.

¹⁰² Цит. по: Сушко А. В. Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 107–114.

из них относится массовый отток воспитанников духовных школ в светские учебные заведения. Воспоминания о студенческих годах, проведенных в Киевской духовной семинарии учащегося П. Руткевича обрисовывают ситуацию относительно интересующего нас вопроса следующим образом: «Некоторые оставили семинарию и ушли из среднего отделения ее (теперь 4 класс) в университет, приветливо открывавший двери семинаристам по дополнительному экзамену... В настоящее время уход питомцев духовных семинарий в светские школы является большим вопросом, который в высшей духовно-учебной сфере обсуждался, обсуждается, решался, перерешался, но все-таки далек от окончательного решения»¹⁰³. Согласно данным доктора исторических наук С.В. Римского, количество семинаристов, обучавшихся в высших светских учебных заведениях, составляло 46 % от общей массы студентов духовных школ¹⁰⁴. В результате 20 марта 1879 года императором Александром II был подписан указ, согласно которому доступ учащимся духовных школ в светские учебные заведения был существенно ограничен. В частности, в этом документе предписывались следующие ограничения: «Прекратить доступ в университеты и другие высшие учебные заведения воспитанников семинарий, если они не подвергались испытанию на аттестат зрелости в гимназиях или окончательному экзамену в реальных училищах означенного Министерства»¹⁰⁵. Результаты не заставили себя долго ждать и уже к концу XIX века процент выпускников семинарий, поступивших в университет, значительно упал, хотя до того, как сказано выше, составлял не менее половины¹⁰⁶. Несмотря на ряд достоинств устава 1867 года он не способствовал самому главному его предназначению – подготовке священно и церковнослужителей¹⁰⁷. Согласно утверждению церковного историка А.И. Мраморнова, противоречивость данного устава была обусловлена тем, что

¹⁰³ Руткевич П. Т. Семинарские годы (Воспоминания о Киевской ДС за 1873-1879 гг.). Киев: 1912. С. 1–2.

¹⁰⁴ Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 173.

¹⁰⁵ ОР РНБ. Ф. 208. Д. 364. Л. 5.

¹⁰⁶ См.: Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России: последняя четверть XIX в. / Отв. ред. И. Д. Ковальченко; АН СССР. Институт истории СССР. М.: Наука, 1987. С. 34.

¹⁰⁷ Сведения для представления в V Отдел Высочайше учрежденного Присутствия по рассмотрению вопросов для ПЦС по епархиям // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 99. Л. 15.

«церковная и государственная власть так и не определились: является семинария сословной общеобразовательной школой для детей духовенства или учреждением, готовящим будущих священников и прочих тружеников нивы церковной»¹⁰⁸.

В 1883 году был учрежден комитет под руководством архиепископа Сергия (Ляпидевского). В конце 1883 года комитетом были представлены на рассмотрение Синода результаты своей деятельности. Синод счел данный проект недостаточно проработанным и для этого учредил новую комиссию под руководством митрополита Иоанникия (Руднева). 22 августа 1884 года император утвердил новый устав, который, по замечанию церковного историка И.К. Смолича, «имел в виду не столько научное образование будущего духовенства и учителей Русской Церкви, сколько подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала»¹⁰⁹. Это было неудивительно ввиду смены идеологического курса государства с либерального на консервативный. Данное обстоятельство отразилось соответствующим образом на состоянии образования Российской империи в целом, и духовном образовании в частности. Одной из главных его претензий по отношению к действующему уставу духовных школ являлось ограничение власти архиерея. Напомним, что согласно уставу 1867 года, семинарское Правление имело право кассировать те или иные распоряжения ректора или выносить их на суд высшего церковного руководства. Также обер-прокурор К.П. Победоносцев был недоволен существованием так называемого выборного начала для лиц администрации и преподавателей. В этом отношении характерным стало решение Святейшего Синода от 1881 года о возвращении к практике назначения священноначалием ректоров и инспекторов в духовные школы¹¹⁰. Это означало упразднение принципа выборности высшего руководства духовной школы.

¹⁰⁸ Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 32.

¹⁰⁹ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917. // Седмица. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436672/> (дата обращения 15.02.2020).

¹¹⁰ См.: Надеждин А. Н. История Санкт-Петербургской Православной Духовной Семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809-1884 гг. С.-Петербург: Синод. тип., 1885. С. 333.

В учебных программах семинарий произошел ряд изменений. Были введены такие новые предметы как: обличение русского раскола, сравнительное богословие, библейская история. Значительно было увеличено количество уроков по следующим дисциплинам: Священное Писание, церковная история, русская словесность. В свою очередь из учебной программы были изъяты такие предметы как: педагогика, краткая история философии, новые языки. Ввиду данных изменений Святейший Синод поручил Учебному комитету составить новые учебные программы духовных школ. Однако обер-прокурор К.П. Победоносцев не ограничился данными преобразованиями. По его инициативе 8 февраля 1896 года была сформирована очередная комиссия для выработки нового устава. Возглавил работу этого органа вновь митрополит Иоанникий (Руднев). Также в состав комиссии вошли: митрополит Московский Сергей (Ляпидевский)¹¹¹, архиепископ Новгородский Феогност (Лебедев), епископ Финляндский Антоний (Вадковский), товарищ обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, председатель Учебного комитета протоиерей Алексей Парвов¹¹². В ходе трех заседаний комиссией были выработаны основные положения нового устава. В первую очередь суждения членов комиссии коснулись постановки учебного процесса. Согласно их мнению, необходимо было увеличить количество часов по Священному Писанию и больше внимания уделять изучению святоотеческого наследия. Вместе с тем члены комиссии полагали, что необходимо сократить программы по математике и древним языкам. Также они не обошли стороной и проблемы воспитательного процесса. К их числу участники прений отнесли: проживание учащихся на квартирах, малочисленность лиц воспитательного состава при многочисленности учащихся, малочисленность преподавателей и воспитателей в священном сане. В качестве решения данных проблем члены комиссии предложили следующие проекты: набирать такое количество учащихся, которое соответствует реальным потребностям той или иной епархии, повысить

¹¹² Ввиду его кончины его заменил протоиерей Павел Смирнов.

уровень вступительных экзаменов в духовную школу, повсеместно устроить общежития для учащихся и обязать их жить в них, назначение на ведущие административные должности лиц исключительно в священном сане, преподавание богословских дисциплин предпочтительно предоставить лицам в священном сане, а преподавание сугубо пастырских дисциплин¹¹³ отдать исключительно духовенству¹¹⁴, увеличить количество воспитателей посредством привлечения к данной деятельности преподавателей и семинарских духовников, ввести в духовных школах так называемые богослужебные чреды¹¹⁵.

По вопросу административного устройства духовной школы члены комиссии высказались в пользу усиления власти епархиального архиерея над духовными школами. Помимо этого, они полагали, что унификации методов постановки учебно-воспитательного процесса в духовных школах будут способствовать ревизии архиереев в те соседние епархии, где располагались семинарии. Также, по мнению членов комиссии, перемещения инспекторов и преподавателей должно было производиться только лишь по решению Святейшего Синода.

Данные решения комиссии под руководством митрополита Иоанникия (Руднева) были рассмотрены Святейшим Синодом в 1896 году. В результате последовал указ от 10 апреля 1896 года, который обязывал некоторых епархиальных архиереев высказать свои суждения по поводу принятого проекта до 1 сентября 1896 года, а также, в случае несогласия с ним, высказать собственные предложения по устройству и постановке учебно-воспитательного процесса в семинарии. В указанный срок многие преосвященные направили свои отзывы в Синод. Ввиду того, что многие из представленных мнений содержали в себе конструктивную критику и предложения проекта вышеуказанной комиссии, то, по нашему мнению, необходимо дать краткий обзор суждений епископата.

¹¹³ Имеется ввиду литургика, гомилетика и практическое руководство для пастырей.

¹¹⁴ В случае отсутствия в преподавательской корпорации такого лица необходимо было приглашать к преподаванию этих дисциплин приходских священников, имеющих соответствующий уровень образования. В крайнем случае члены комиссии полагали, что можно было возложить эти обязанности на ректора или инспектора.

¹¹⁵ См.: *Колыванов Г. Е.* Духовные семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 70–71.

В первую очередь в своих отзывах они коснулись вопроса постановки воспитательного процесса. Многие иерархи согласились с предложениями комиссии по устройству общежитий и внедрению института классных наставников. Некоторые преосвященные даже конкретизировали последнее предложение. Они полагали, что целесообразно будет поручить каждому классному наставнику группу, составляющую не более 50 учащихся. Что касается отношения епископата к остальным решениям комиссии, то большинство из них не согласилось ними. Критике подверглись решения комиссии по поводу преподавания богословских дисциплин исключительно священнослужителями и учреждение так называемой богослужебной череды. Относительно первого было очевидно, что для духовной школы, где подавляющее количество преподавателей не было облечено священным саном, такое решение являлось по меньшей мере спорным. Именно на это и указали преосвященные в своих отзывах¹¹⁶. Что же касается критики идеи учреждения богослужебной череды, то она сводилась, по существу, к тому, что ее реализация ляжет непосильным бременем для учащихся¹¹⁷. Более подробно об этом мы скажем в следующих двух главах, когда будем рассматривать мнение епископата о проблемах и способах их решения в области постановки учебно-воспитательного процесса.

В области постановки учебного процесса преосвященные высказались негативно о многопредметности и обширности программ, некорректном распределении дисциплин в учебных планах, о не востребованности некоторых дисциплин для будущего служения священника, а также констатировали несоответствие знаний пастырей современному им уровню развития общества.

По поводу проекта изменений в административной части, принятых комиссией под руководством митрополита Иоанникия (Руднева), епархиальные архиереи высказали следующие замечания. В первую очередь они выступили против идеи возложения на них обязательств по ревизии духовных школ. Свое

¹¹⁶ См.: *Белявский Ф. Н.* О реформе Духовной школы. Ч. 1. СПб.: Синодальная типография, 1907.: Краткий очерк истории средней духовной школы. С. 174.

¹¹⁷ См.: там же, С. 175.

отрицательное отношение к этому они аргументировали крайней загруженностью епархиальными делами, и как следствие, невозможностью быть в курсе дел духовного образования в целом. Помимо этого, иерархи не согласились с тем пунктом решения комиссии, который обязывал их нести ответственность за вверенную их попечению духовную школу в случае возникновения там серьезных проблем. Под последним в первую очередь стоит подразумевать наличие протестных акций. По нашему мнению, епископат справедливо отказывался брать на себя ответственность за подобного рода случаи, поскольку как показывает исследование Т.А. Павленко, протестное движение распространилось по всем семинариям Российской империи¹¹⁸. Как будет сказано ниже, в большинстве случаев епархиальные архиереи и ректоры духовных школ в таких обстоятельствах становились заложниками ситуации, поскольку протестные акции были вызваны проблемами, которые они не могли решить.

13 января 1899 года комиссия под руководством митрополита Иоанникия (Руднева) возобновила свою работу с целью исправления указанных преосвященными недостатков. Через несколько месяцев комиссия предоставила новый проект преобразований в области учебно-воспитательного процесса. Характеризуя новую редакцию проекта, член-ревизор Учебного комитета при Св. Синоде Ф.Н. Белявский заметил, что «останавливаясь внимательнее на положениях Комиссии, не трудно заметить, что многие (например, по вопросу о ревизии) возражения епархиальных Преосвященных она приняла к сведению в чисто канцелярском смысле и, в сущности, мало изменила в соответствии с этими указаниями свои первоначальные предложения, исключая разве некоторые частности учебного плана»¹¹⁹. Помимо этого, когда в Синоде состоялось обсуждение проекта выяснилось, что увеличение численности административного состава и внедрение института классных наставников невозможно по финансовым соображениям. В этой связи члены Синода ограничились изменениями в семинарских учебных программах, тогда как остальные преобразования было

¹¹⁸ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 39.

¹¹⁹ Белявский Ф. Н. О реформе духовной школы. С. 186.

решено отложить на неопределенное время. Реформы образовательного процесса заключались в составлении новых учебных программ и пособий. С этой целью в 1901 году Учебный комитет вызвал в Санкт-Петербург видных преподавателей семинарий и академий. Уже в сентябре в Учебный комитет поступил новый проект учебных программ семинарских и училищных курсов, а также объяснительные записки к ним. По неизвестным причинам Учебный комитет предоставил данные предложения на рассмотрение в Синод только лишь в 1905 году. В этом же году Святейший Синод инициировал проведение опроса среди епископата на предмет фиксации и решения проблем церковной жизни того времени. Среди прочих был поставлен вопрос о духовном образовании.

1.2. Общая характеристика духовных семинарий в конце XIX – начале XX в.

К началу XX века в Российской империи функционировало 186 училищ, 57 семинарий и 4 академии. Общее число учащихся составляло около 50273 человек, из них 19845 – семинаристы¹²⁰. Трехступенчатая модель получения образования окончательно сформировалась во второй половине XIX века. Семинарии являлись средними духовными учебными заведениями, занимавшимися подготовкой церковных и священнослужительских кадров. В каждой из семинарий получали образование подростки в возрасте от 14 до 18 лет, которые обучались в ней в течении шести лет. Ежегодно в семинариях получали образование учащиеся в количестве от 200 до 600 человек, когда же количество абитуриентов превышало количество выделенных мест, то открывали параллельные классы, которые содержались на епархиальные средства. К инословным воспитанникам придирчиво относились и представители учебного начальства. Описывая свои действия во время волнений в Ставропольской, семинарии в декабре 1901 г., инспектор священник Н.П. Малиновский сообщал ректору П. Смирнову: «Я зорко следил за всеми и каждым, намечая, сколько можно было зачинщиков и

¹²⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1903-1904 годы. СПб., 1909. С. 89.

руководителей, которые в будущем, не спеша, должны быть уволены (большинство иносословные)»¹²¹.

В целях ограждения детей духовенства от вредного влияния иносословных детей Синодом принимались различные циркуляры, которые предписывали допускать в семинарии не более десяти процентов иносословных от общей массы детей духовенства, но несмотря на это в некоторых семинариях их число значительно превышало дозволенное. Как правило это были семинарии, расположенные на окраинах империи, где число детей духовенства было не большим и в связи с этим семинарской администрацией превышался дозволенный лимит по набору иносословных. Обучение в семинарии для иносословных с одной стороны было выгодным для них, поскольку оно было не дорогим и хорошим, но с другой стороны, они платили не только за образование, но и за проживание, пищу и вещи, выдаваемые семинарией. Для материально необеспеченных иносословных делалось исключение и в том случае, если они предоставляли соответствующие документы, то их обучение осуществлялось за счет церковных средств. Ко всему перечисленному добавлялось и то, что администрация семинарии в случае каких-либо протестных акций семинаристов чаще всего видела корень проблемы в учащих не духовного сословия¹²².

Численность учащихся в каждом классе должна была составлять 50-55 человек. В случае необходимости решением Святейшего Синода открывались параллельные классы. Стоит отметить, что в большинстве духовных школ вышеуказанная норма достаточно часто нарушалась, в результате чего классы были переукомплектованы учащимися. Обучение в семинариях продолжалось на протяжении учебного года, за исключением воскресных дней, праздников и каникулярного времени. В зимний период вокации длились с 22 декабря по 7 января (по старому стилю), тогда как каникулы летнего периода продолжались

¹²¹ Письмо ректора Ставропольской семинарии Петра Смирнова епископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору о злоупотреблениях инспектора о. Малиновского от 29 апреля 1902 г. // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 100. Л. 21.

¹²² Отчет о ревизии Ставропольской семинарии статского советника М. Григоровского за 1897/1898 учебный год // РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 49. Л. 41.

полтора месяца. Учебный год оканчивался итоговыми экзаменами, которые проходили под председательством ректора или инспектора. Учебные успехи студентов и их поведение оценивалось по пятибалльной системе. Ежегодно учащиеся делились на три разряда, которые соответствовали их уровню поведения и успеваемости. В зависимости от полученного разряда по окончании последнего курса семинарии выпускники подлежали распределению¹²³. Неуспевающие учащиеся решением педагогического собрания семинарии могли быть исключены или же не переведены в следующий класс.

Что касается финансового обеспечения студентов, то таковым источником чаще всего являлись для учащегося либо его собственная семья, либо вспомоществования со стороны. Зачастую источником финансирования со стороны были различные церковные общества взаимопомощи бедным студентам, либо стипендии за успешную учебу. Для учащихся из бедных семей перечисленные источники дохода являлись единственной возможностью и способом, по которым они могли продолжить свое обучения, так как иной вид заработка для них был закрыт.

Национальный состав семинарий был весьма неоднородным. Прием иностранных учащихся впервые был осуществлен в 1847 г. Для этого им необходимо было подать прошение на имя обер-прокурора Св. Синода, который по согласованию с Министерством иностранных дел принимал решение об их приеме¹²⁴. К началу XX века в духовных школах получали образование сербы, черногорцы, болгары, албанцы, греки, а также представители иных национальностей таких как американцы и японцы¹²⁵. Дозволенный процент для поступления иностранцев был выше, чем процент для поступления индословных. Наибольшее количество иностранцев обучалось в следующих семинариях:

¹²³ См.: Тарасова В. А. Духовные академии в России в конце XIX-начале XX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2005. С. 123.

¹²⁴ Сушко А. В. Иностранные поданные в российских духовных семинариях (вторая половина XIX века) // Православие в русской культуре: Сб. трудов. СПб., 1998. С. 112–113.

¹²⁵ См.: Извлечение из представленных епархиальными преосвященными Св. Синоду годовых отчетов о состоянии духовных семинарий и училищ по учебно-воспитательной части за 1903-1904 учебный год // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 33. С. 399–400.

Александровская, Владимирская, Казанская, Курская, Кишиневская, Полтавская, Рижская, Рязанская, Саратовская¹²⁶. В данных духовных школах количество учащихся составляло более 100 человек. Наименьшее количество иностранцев обучалось в следующих семинариях: Благовещенская, Архангельская, Астраханская, Литовская, Минская, Могилевская, Олонецкая, Самарская, Таврическая, Якутская¹²⁷. В названных духовных школах количество иностранцев не превышало 50 человек.

Все духовные школы Российской империи имели определенную структуру. Семинарии находились в ведении епархиального архиерея, полномочия которого были расширены уставом 1884 года¹²⁸. Архиерей должен был осуществлять проверку семинарии, присутствовать на экзаменах, предлагать правлению исправить внутренние недостатки в учебном заведении, отправлять в отпуск представителей администрации, ходатайствовать перед Св. Синодом о награждении или отстранении от должности лиц семинарского начальства. Епархиальный архиерей должен был контролировать все сферы учебно-воспитательного процесса. Однако при этом, по замечанию некоторых исследователей, он не нес никакой ответственности в случае халатного исполнения своих обязанностей¹²⁹. Во главе администрации стоял ректор, со степенью кандидата богословия или магистра. При назначении на данную должность кандидат из монашествующих возводился в сан архимандрита, а кандидат из белого духовенства в сан протоиерея. Ректор семинарии руководил учебно-воспитательным процессом, наблюдал за исполнением обязанностей должностных лиц, председательствовал на заседаниях правления, принимал жалобы в письменной или устной форме, и как правило преподавал Священное Писание в выпускном классе¹³⁰. Ежемесячно им составлялся краткий отчет о положении дел

¹²⁶ См.: там же, С. 399.

¹²⁷ См.: там же.

¹²⁸ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 1.

¹²⁹ *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). М.: Саратов, Научная книга, 2007. С. 33.

¹³⁰ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 9.

в вверенной ему семинарии, а в конце года итоговый отчет по учебно-воспитательной части¹³¹. Также ректор возглавлял педагогическое и административное собрания духовной школы. В состав педагогического собрания входили: семь преподавателей, избранные на общем заседании профессорско-преподавательской корпорации, инспектор, а также три делегата от епархиального духовенства. В свою очередь в состав административного собрания входили: инспектор, два епархиальных священника и один преподаватель. Задача первого административного органа семинарии заключалась в решении проблем учебно-воспитательного характера, тогда как цель административного собрания состояла в хозяйственном обеспечении духовной школы. Протоколы заседаний данных органов предоставлялись на утверждение епархиальному архиерею.

Не менее ответственной административной должностью в духовной школе была должность инспектора, который также, как и ректор, назначался Св. Синодом. В отличие от ректора для инспектора наличие священного сана не было обязательным условием при приеме на должность. Инспектор должен был контролировать все сферы учебно-воспитательного процесса: наблюдать за поведением учащихся и их успехами в учебе, бытовыми условиями проживания учеников, даже за их внешним видом. Кроме исполнения воспитательных функций, инспектор в большинстве случаев преподавал Св. Писание в пятом классе¹³². Естественно, что одному человеку невозможно было уследить за большим количеством учащихся и поэтому у него были помощники и надзиратели. У должности инспектора был определенный образовательный ценз. Так, для помощников инспектора обязательным было получение звания кандидата или магистра богословия, а для надзирателей семинарского диплома с отличием и положительной рекомендации от администрации. В среднем таких помощников было 5 – 6 человек, количество помощников варьировалось в зависимости от статуса той или иной семинарии. В помощь инспекции назначались дежурные из числа учащихся, следящие за порядком в классах, общежитиях и столовой. Через

¹³¹ Там же, Гл. III. С. 11.

¹³² См.: там же, Гл. IV. С. 12.

дежурных остальные воспитанники заявляли свои жалобы начальству. Дежурные по классу отмечали отсутствующих на уроках в классных журналах. В них же преподаватели записывали проступки учеников, совершенные ими во время уроков.

Инспекция проверяла спальные и классные помещения, в которых учились и жили семинаристы. Члены инспекции посещали квартиры учеников, интересовались бытовыми условиями проживания, расспрашивали хозяев о поведении квартирующих. Нередко они осуществляли проверки квартирующих воспитанников поздней ночью после объявления отбоя в общежитии. Данные проверки проводились с целью выявления и изъятия запрещенных предметов у учащихся. И это было оправдано, поскольку квартиранты, находившиеся вдалеке от инспекторского контроля, зачастую использовали свое положение для нецелесообразного проведения своего свободного времени. Они устраивали собрания, читали запрещенную литературу, общались с учащимися других учебных заведений (снимавших по соседству комнаты), флиртовали с дочками хозяев. Чаще всего семинаристы проживали в самых дешевых жилищах и в связи с этим администрации весьма сложно было иметь с ними сообщение¹³³. Также стоит учитывать и занятость воспитателей. Все это приводило к тому, что в инспекторы некоторых духовных школах не успевали контролировать, либо контролировали весьма редко воспитанников, живущих в частных квартирах.

Особое внимание уделялось надзору за выполнением семинаристами религиозных обязанностей – посещению церкви и соблюдению постов. Поэтому лица инспекции неустанно следили за воспитанниками во время богослужений в храме, чтобы «все ученики являлись в храм своевременно, занимали в нем назначенное для них место, становились рядами, стояли чинно и благоговейно, не разговаривая и не оглядываясь назад и по сторонам, крестились истово»¹³⁴. Это правило с некоторыми стилистическими изменениями содержалось в инструкциях

¹³³ Леонтьева Т. Г. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века. Революция и человек. М. 1997. С. 26; Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 46.

¹³⁴ Полосин Н. И. Православное духовное образование Пензенской губернии в XIX - начале XX вв. Дис. канд. ист. наук. М., 2005. С. 184.

для инспекторов всех духовных учебных заведений¹³⁵. Все проступки учащихся заносились в кондуитный журнал, на основе которого инспектор составлял ежемесячные и годовые ведомости об успехах и поведении учеников.

Также, как и на множество административных постов духовной школы на преподавательский пост назначались лица со степенью кандидата или магистра богословия по определению Св. Синода. Свой учебный курс они должны были соотносить с учебными программами, установленными Св. Синодом. Любое отступление и изменение от предписанных норм должно было оговариваться с ректором, а после отражаться в отчетах о пройденном материале. Помимо своих учебных функций преподаватели привлекались в качестве воспитателей. В их компетенцию входило наблюдение за порядком в аудиториях и наказание нарушителей дисциплины. Бывали случаи, когда преподаватели пренебрегали данными обязанностями. Так, например, в Красноярской семинарии преподаватели вошли в конфликт по данному вопросу с инспектором¹³⁶. Преподаватели не желали подвергать наказаниям провинившихся учащихся, тогда как инспектор настаивал на выполнении требований семинарской инструкции о мерах воспитательного воздействия. Во избежание подобного рода конфликтных ситуаций священноначалием была введена должность классных наставников. Отныне педагогам этого учебного заведения предписывалось следить и воспитывать учеников только того класса, за которым было закреплено его классное руководство.

Также из числа лиц педагогического состава избирался библиотекарь, получавший за это дополнительное вознаграждение. Однако нередко он отсутствовал на своем посту, будучи обремененным преподавательскими обязанностями. В связи с этим учащиеся в своих петициях требовали назначать на данную должность представителей студенчества. Также один из пунктов устава

¹³⁵ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 47.

¹³⁶ Отчет ревизора Савvaitского о результатах проверки Красноярской духовной семинарии // РГИА. Ф. 797. Оп. 74. Д. 38. Л. 68.

1867 года разрешал иметь так называемые ученические библиотеки¹³⁷. Фонд таких библиотек должен был пополняться на благотворительные средства. Его формированием должно было заниматься правление духовной школы во главе с епархиальным архиереем. К сожалению, на практике выходило так, что эти библиотеки практически не функционировали, тогда как доступ учащихся в самые ключевые фонды официальной семинарской библиотеки был ограничен. В том числе благодаря этому обстоятельству возникли так называемые подпольные студенческие библиотеки.

Из всех вышеперечисленных должностей формировался состав правления семинарии, в который входили: ректор, инспектор, несколько преподавателей и столько же епархиальных священников. Данные собрания проводились либо по вопросу учебно-воспитательного процесса, либо по хозяйственным вопросам. Журналы отчетов заверялись епархиальным архиереем. Созывались они ежемесячно, хотя в экстренных случаях не исключены были и срочные собрания.

Жизнь воспитанников духовных школ была строго регламентирована. В первую половину дня входили: подъем, молитва, завтрак, занятия и обед. После обеда у студентов был час свободного времени. Выход за пределы семинарии в свободное время дозволялся только тем студентам, которые проживали в квартирах, либо с позволения инспектора. Далее следовали послушания и самоподготовка, которая заканчивалась в 9 часов вечера. После нее читались вечерние молитвы и проходил ужин в 10 часов вечера, после которого в 11 часов следовал отбой. Естественно, что вышеизложенный уклад жизни семинаристов не всегда был таким размеренным и дисциплинированным. Но, в общем и целом, насколько нам известно, такой распорядок дня был характерен для всех семинарий Российской империи¹³⁸.

Подводя итоги данной главе, мы пришли к следующим выводам:

¹³⁷ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 30.

¹³⁸ См.: *Адамов М. А.* Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII-начале XX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 176; *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 53.

1. Во второй половине XIX века назрела острая необходимость реформирования системы среднего духовного образования. Прежде всего это было обусловлено распространением протестных настроений в семинариях. Помимо этого, процессу реформирования духовных школ способствовали государственные реформы.
2. Первой попыткой преобразования семинарий стал устав от 1867 года. К явным достоинствам данного устава можно отнести: модернизацию учебно-воспитательного и административного процессов, улучшение материальной базы духовных семинарий, открытие доступа представителям других сословий. К числу недостатков данного устава можно отнести: массовый отток воспитанников духовных школ в светские учебные заведения, превалирование общеобразовательного цикла учебных дисциплин над богословскими, несоответствие данного устава главной цели духовных семинарий – подготовке священнослужителей.
3. Устав от 1884 года был реакционным, поскольку отменил практически все основные положения предыдущего устава. Главная причина указанного противоречия состояла в смене идеологического курса государства с либерального на консервативный. Данная реформа, как и последующие несколько преобразований априори были обречены на провал, поскольку не могли решить сословную проблему духовных семинарий, которая коренилась в социальном устройстве Российской империи, точнее сказать в положении Церкви и духовенства в государственной системе.

Осуществленный обзор позволяет вычленить основные проблемы учебно-воспитательной системы духовных семинарий на рубеже столетий. В следующей главе мы рассмотрим суждения церковных деятелей по поводу проблем сословной замкнутости и способов реформирования административного процесса отечественных духовных семинарий.

Глава 2. Сословная замкнутость духовенства как ключевая проблема учебно-воспитательного строя духовных семинарий

2.1. Негативное влияние сословной замкнутости на постановку учебного процесса в духовных семинариях

Проблема замкнутости духовного сословия и семинарии не получила своего решения вплоть до событий революции 1917 года. Выражаясь словами епископа Тамбовского Иннокентия (Беляева), «здесь открывается другая коренная ненормальность нашей школы – ее замкнутая сословность, кастовый характер... Духовная школа – собственно не столько духовная, сколько школа для духовенства»¹³⁹. С одной стороны, эта школа должна была давать образование детям духовенства, а с другой, – подготовить будущих пастырей Церкви. Задача общеобразовательной школы в дореволюционное время заключалась в сообщении учащемуся некоторой суммы знаний и его сильном нравственном воспитании. В то же время светская школа не принуждала своих воспитанников к избранию конкретного жизненного пути, предоставляя им определенную свободу выбора. В свою очередь в духовных школах в этом отношении ситуация складывалась парадоксальным образом. Первые четыре года семинаристы изучали учебную программу, которая в большинстве своем состояла из различных светских дисциплин, имевших опосредованное отношение к пастырскому служению. По меткому замечанию епископа Пермского Никанора (Надеждина), все это время «воспитанники семинарии вплоть до богословских классов стоят не на прямой дороге, ведущей к конечной цели семинарии; они находятся несколько лет в стороне от этой цели, и весьма естественно, что многие из учеников упускают ее из виду и смотрят на семинарию только как на общеобразовательное заведение»¹⁴⁰. В то же время нельзя сказать, что в течение этого периода учащиеся не изучали богословских дисциплин, однако их было гораздо меньше, чем светских. Так, например, по уставу 1867 года в первые четыре года в семинариях количество светских дисциплин составляло 10 предметов, тогда как богословские науки были

¹³⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 451.

¹⁴⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 943.

представлены только лишь Священным Писанием. Учебная программа духовных школ в это время была во многом аналогичной курсам классических гимназий.

В этой сфере ситуация изменилась после публикации нового учебного устава семинарий в 1884 году. Количество богословских наук в общеобразовательном курсе семинарий достигло 6 единиц. Однако, несмотря на это, в семинарской учебной программе был очевиден дисбаланс в распределении между светскими и богословскими дисциплинами по шестилетнему курсу духовных школ. Это было прямым следствием разнонаправленности целей духовных семинарий. С одной стороны, семинария должна была предоставлять детям духовенства общее образование. Для этого первые четыре года семинарской программы были насыщены светскими дисциплинами при относительно небольшом количестве богословских наук. С другой стороны, эта же духовная школа должна была готовить будущих священнослужителей. Но в таком случае, каким образом объяснить малое количество богословских предметов на протяжении большей части учебного курса семинарии? По мысли некоторых преосвященных, недостаток богословских дисциплин в первые четыре года компенсировался строем духовной школы, который, по их мнению, формировал в воспитанниках необходимые качества для священства. Об этом более подробно будет сказано в следующем параграфе, где пойдет речь о проблемах воспитательного процесса.

Еще одна проблема учебного процесса, порожденная двузадачностью духовных школ, заключалась в том, что образовательные курсы духовных школ не представляли собой стройной системы, вследствие своей фрагментарности и предметной разрозненности. Это обстоятельство не позволяло секулярно настроенным учащимся получить достаточное образование для дальнейшего обучения в светских заведениях. В то же время не менее противоречивым образом складывалась ситуация для тех учащихся, которые поступили в семинарию с целью стать священнослужителями. Помимо того, что они должны были избежать негативного нравственного влияния «студентов-невольников» и не уклониться от своей цели на путь мирской жизни, к тому же они вынуждены были мириться с тем,

что большую часть своего обучения в духовной школе они посвятят изучению светских дисциплин. В то же время их профессиональному обучению в учебном курсе семинарий отводилось всего лишь два года. На основании вышесказанного можно согласиться со словами епископа Костромского Тихона (Василевского), который в своем отзыве констатировал проблему двузадачности духовных школ следующим образом: «Две цели – профессиональная и общая (сословная) – семинарского воспитания и обучения совершенно разнородны. Их соединили механически, только внешним образом. От этого искусственного соединения двух разнородных требований и происходит великое множество всяких недоразумений и затруднений в жизни семинарий и всего русского духовенства. Из этой двойственной цели семинарского образования истекает и ненормальная постановка обучения в современных семинариях»¹⁴¹.

В первую очередь к числу этих недостатков можно отнести многопредметность семинарского учебного курса. Как уже было отмечено выше, семинария должна была предоставлять общее образование детям духовенства и при этом заниматься подготовкой будущих священнослужителей. Именно из этого обстоятельства проистекал факт дисциплинарной перегруженности учебных курсов духовных школ. Помимо этого, практически каждая учебная дисциплина имела обширную программу. В семинариях сообщали «такое обилие сведений, что юный неокрепший ум решительно не успевает всего переработать. Это – непосильная задача подчас даже для лучших, способных учеников, каковых в классе всегда бывает меньшинство»¹⁴², – отмечал в своем отзыве епископ Тихон (Василевский). Переизбыток учебного материала вынуждал учащихся к поверхностному, а порой и к механическому его изучению. Это в свою очередь негативным образом отражалось на развитии умственных способностей учащихся, что в конечном итоге вызывало у многих воспитанников семинарий отвращение к дальнейшему занятию образованием.

¹⁴¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 139.

¹⁴² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 143.

Небезынтересным представляется мнение архиепископа Харьковского Арсения (Брянцева) о несоответствии учебной программы возрастным особенностям учащихся¹⁴³. Стоит отметить, что в семинарию зачислялись подростки в возрасте от 14 до 18 лет. Такие дисциплины как древние языки, философия и богословие изучались совсем еще юными учащимися, что, как правило, вело к механическому воспроизведению изучаемого предмета, а не живому его усвоению. Да и как могли юноши, еще не сложившиеся ни в духовном, ни в психосоматическом плане, освоить такие высокие и «абстрактные» для их разума дисциплины, тем более еще и в большом количестве. Епископ Курский Питирим (Окнов) в своем отзыве следующим образом обозначил данную проблему: «Изучение некоторых весьма важных отделов из поименованных наук приходится вести с воспитанниками, недостаточно подготовленными к сознательному усвоению их; а при таком условии о возбуждении интереса к изучаемому предмету не может быть и речи: все дело ограничивается обычно в таких случаях поверхностным, механическим заучиванием учебников, часто не оставляющим никакого следа»¹⁴⁴. В результате мы предполагаем, что многие студенты вследствие когнитивной незрелости не могли осуществить серьезный анализ пройденного материала и выстроить из полученных знаний определенную мировоззренческую систему.

Помимо этого, схоластический метод обучения формировал в учащихся индифферентное отношение к изучаемому материалу. «Невозможно без насилия над природой заставлять учеников усваивать вещи, смысла которых и значения в жизни они понимать еще не могут, небезопасно приучать ум смотреть на предметы веры и духа, как на нечто абстрактное, отвлеченное, тогда как они должны быть для души ученика вещами живыми, близкими и священными»¹⁴⁵, – отмечал в своем отзыве епископ Курский Питирим (Окнов).

¹⁴³ Там же, С. 53–54.

¹⁴⁴ Там же, С. 858.

¹⁴⁵ Там же, С. 947.

Авторы устава 1884 года предприняли попытку по поиску в учебном курсе семинарий верного соотношения между светскими и богословскими дисциплинами. Стоит отметить, что перед ними стояла достаточно сложная задача. С одной стороны, они должны были сформировать такой учебный курс, который учитывал и в то же время не ущемлял интересов детей духовенства, не собиравшихся становиться на путь священства. В идеале это предполагало такую программу, где подавляющее число дисциплин будут составлять общеобразовательные дисциплины. Не стоит забывать, что таковым было положение дел при действии устава 1867 года, следствием чего стал массовый отток учащихся в светские учебные заведения. Новый устав был призван изменить такое положение дел, но при этом хотя бы частично удовлетворить нужды тех представителей духовного сословия, которые желали получить в семинарии только общее образование.

С другой стороны, авторы устава прекрасно осознавали, что первоочередная задача духовной школы заключалась в подготовке священнослужителей. Это, в свою очередь, предполагало расширение курса богословских наук в учебной программе семинарий. Суть сложившейся ситуации можно описать словами епископа Тамбовского Иннокентия (Беляева), который в своем отзыве отметил следующее: «Две цели, преследуемые нашей школой, вносят туда страшный разлад, в ней идет постоянная борьба за перевес или светского, или духовного влияния»¹⁴⁶. Авторы устава 1884 года решили пойти по относительно компромиссному пути, расширив курс богословских дисциплин в общеобразовательных классах семинарии. Однако, несмотря на это, по выражению епископа Курского Питирима (Окнова), добавленные предметы «оказались как бы излишними привесками, не имеющими никакой связи с общим характером и содержанием изучаемых в этих классах наук»¹⁴⁷.

Это мнение можно проиллюстрировать на следующем примере. Согласно уставу 1884 года курс гомилетики начинался в IV классе. Необходимо помнить, что

¹⁴⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 450.

¹⁴⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 858.

этот класс завершал собой общеобразовательный цикл семинарской программы. По утверждению епископа Курского Питирима (Окнова) практически все учебное время учащихся было посвящено «изучению философских наук и физики»¹⁴⁸. В этих обстоятельствах многие воспитанники, желавшие уйти на светский путь, делали особый акцент на изучение светских дисциплин в ущерб богословским предметам. В этой связи вполне естественно, что гомилетика не входила в список необходимых для изучения предметов для таких учащихся. Несмотря на то, что курс гомилетики продолжался и в последующих двух классах, в итоге получалось, что многие из оставшихся учеников имели смутные представления о теоретических положениях гомилетики, которые изучались на IV курсе ввиду означенных причин.

На первый взгляд может показаться, что в уставе 1884 года вновь взяло верх светское влияние, как об этом писал епископ Иннокентий (Беляев) в своем отзыве, однако это недостаточно корректный вывод. С одной стороны, количество светских дисциплин в общеобразовательных классах осталось преобладающим. С другой стороны, соотношение между светскими и богословскими предметами в этих классах стало не таким однозначным. Если конкретизировать, то выяснится, что на 16 предметов общеобразовательного цикла семинарий приходилось 10 светских дисциплин и 6 богословских. В этом отношении разница с предыдущим уставом 1867 года очевидна. Казалось бы, авторам устава 1884 года удалось приблизиться к оптимальному соотношению дисциплин в образовательной программе духовных школ. Однако на практике вышло так, что учебная программа общеобразовательного цикла, предложенная уставом 1884 года, по выражению профессора М.А. Остроумова, представляла собой «конгломерат разнородных и несродных между собой предметов, рассеивающих и развлекающих внимание воспитанников в разные стороны»¹⁴⁹. Выражаясь словами из отзыва архиепископа Арсения (Брянцева), предпринятое авторами устава смешение дисциплин сделало «учеников как отстающими в общеобразовательном отношении, так и плохими богословами. Словом, учебный план представляет какую-то путаницу и смешение.

¹⁴⁸ Там же, С. 859.

¹⁴⁹ *Остроумов М. А., Глубоковский Н. Н.* О реформе духовной школы. С.-Петербург: Синод. тип., 1908. С. 9.

Произошло это от того, что составители Устава 1884 года, желая дать питомцам семинарии и общее образование, и богословское, стали на количественную точку зрения»¹⁵⁰.

Несмотря на это, некоторые преосвященные полагали, что проблема постановки учебного процесса в духовных школах проистекала не из многопредметности, но вследствие неверного распределения дисциплин по учебной программе семинарий. В частности, об этом писал епископ Нижегородский Назарий (Кириллов)¹⁵¹. Но в таком случае возникает вопрос о том, каким образом найти такое соотношение между светскими и богословскими дисциплинами, которое одновременно отвечало бы озвученным целям духовных школ того времени. По нашему мнению, такого соотношения без ущерба одной из двух целей семинарий найти было невозможно. В защиту авторов устава 1884 года стоит сказать, что если бы они попытались выстроить имеющиеся дисциплины в стройную систему, то их реформа немногим бы отличалась от программы преобразований устава 1867 года. То есть в таком случае общеобразовательные предметы изучались бы учащимися в первых четырех классах семинарий, а богословские – в последних двух. Таким образом, духовная школа вновь носила бы секулярный характер и своим же строем способствовала оттоку кадров, как это было при действии устава 1867 года. К тому же сама проблема неверного распределения дисциплин в семинарских учебных программах была отчасти обусловлена многопредметностью. В противном случае авторы устава 1884 года могли бы уровнять в количественном отношении светские и богословские науки, расширив учебную программу таким образом, чтобы в ней была стройность и систематичность. Однако этого быть не могло, во-первых, по причине того, что это не соответствовало бы общеобразовательной цели семинарий, а во-вторых, потому что это сделало бы курс духовной школы чрезмерно насыщенным в первые четыре года. В этой связи достаточно сложно согласиться с мнением епископа Нижегородского Назария (Кириллова), хотя его замечание о неверном

¹⁵⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 54.

¹⁵¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 17.

распределении дисциплин имеет определенную логику, но оно утрачивает свою силу, если учитывать фактор двойственности целей среднего духовного образования того времени.

Еще одной проблемой в области постановки учебного процесса являлась отвлеченность семинарского образования от современных жизненных реалий. Так, например, митрополит Владимир (Богоявленский) в своем отзыве сетовал на то, что «семинарии большею частью знакомили своих питомцев лишь с теми идеями и течениями умственной и нравственной общественной жизни, которые отжили свое время и стали уже достоянием истории, а о новых веяниях, новых идеях ничего не говорится»¹⁵². Учебная программа данной дисциплины не включала изучение современных отечественных и западных философов, ограничиваясь разбором идей, во многом потерявших свою актуальность для своего времени. Русский богослов и философ П.В. Тихомиров в одной из своих статей отмечал, что «внешние условия, в каких поставлено преподавание философии в семинариях, нельзя назвать благоприятными: состав программ, число учебных часов и качество учебников оставляют желать немало лучшего»¹⁵³. Аналогичным образом ситуация складывалась и со многими другими дисциплинами семинарской учебной программы.

Одним из негативных последствий подобного положения дел стало увлечение семинаристов так называемой запретной литературой. Стоит отметить, что в число данных книг далеко не всегда включались произведения революционеров или философов-нигилистов. Зачастую в семинарских библиотеках под запретом находились многие произведения русских и зарубежных классиков, а также труды некоторых церковных деятелей (например, профессоров МДА Е.Е. Голубинского и А.П. Лебедева)¹⁵⁴. Естественно, что такая политика приводила к противоположным результатам, стимулируя учащихся к деятельности

¹⁵² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 402.

¹⁵³ Тихомиров П. В. Значение философских наук в системе семинарского образования. Сергиев Посад: 2 тип. А.И. Снегиревой, ценз. М.: 1898. С. 8.

¹⁵⁴ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 93; Адамов М. А. Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII - начале XX веков. С. 186, 187, 189, 233.

по поиску и распространению нелегальной литературы. Так, например, в 60-х годах XIX века начали массово появляться так называемые ученические библиотеки и кружки самообразования, членами которых в том числе являлись учащиеся духовных семинарий. Впоследствии такие заведения появились во Владимирской, Тифлисской, Черниговской и Тобольской семинариях. Иногда ученические библиотеки и кружки самообразования становились местом вербовки различных подпольных революционных организаций. Более подробно об этом было сказано в предыдущей главе. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением епископа Нижегородского Назария (Кириллова) о том, что «неумеренно строгая цензура книг, посеяя в учениках недоверие к педагогическому персоналу, тем самым содействует тому, что воспитанники слепо поддаются стороннему вредному влиянию»¹⁵⁵.

После того как администрации духовных школ были осведомлены о подобной деятельности некоторой части учащихся, они стали предпринимать различные репрессивные меры к провинившимся в этом деле. В их число входили: лишение казенного содержания, понижение балла за поведение, выговоры и, в редких случаях, провинившихся исключали из состава учащихся. При этом стоит отметить, что данная мера принималась по отношению к тем воспитанникам, которые активно занимались распространением нелегальной литературы, причем политического характера. По замечанию преподавателя Вятской семинарии А. Красовского, семинаристы в образовательном плане пребывали в следующем противоречивом положении: «С одной стороны, духовная школа требует, чтобы ученик стоял на высоте современного уровня умственной жизни, чтобы он отчетливо, например, разбирался чуть не во всех богословских, философских и научных системах; с другой – она же налагает строгие запреты на чтение не только этих систем, но и вещей гораздо более невинных»¹⁵⁶.

Возможно, недостаток сведений у семинаристов по интересующим их вопросам могли бы компенсировать преподаватели, однако они сами были

¹⁵⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 21–22.

¹⁵⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 114.

ограничены семинарскими программами и содержанием учебника. Цитируемый выше преподаватель Вятской семинарии А. Красовский следующим образом охарактеризовал положение педагогов в духовной школе того времени: «Преподаватели находятся, пожалуй, не в лучшем положении, чем их питомцы: эти люди, проучившиеся целых 15 лет и призванные, наконец, руководить духовным ростом других, сами, однако, все еще считаются настолько несовершеннолетними, что не только не имеют, например, права сами выбирать себе учебник, отступить в чем-нибудь от программы, но подчас опекаются включительно до вопроса о том, что должны они читать и что нет»¹⁵⁷. Более того, в некоторых семинариях высшая администрация инициировала наблюдение за педагогами. В частности, преподаватель Рижской духовной семинарии в своих воспоминаниях отмечал: «Бывали и такие грустные случаи, что какое-нибудь замечание преподавателя в сборной (учительской) услужливо передавалось ректору, что вызывало странные объяснения и недоразумения... а в следствии этого в сборной царит почти гробовое молчание: каждый опасается сказать слово из боязни, что оно будет передано в искаженном виде»¹⁵⁸.

Естественно, что в таких условиях далеко немногие педагоги пытались ознакомить своих подопечных с актуальными течениями богословской, научной и философской мысли, которые не входили в состав учебной программы той или иной семинарской дисциплины. В противном случае они могли получить строгий выговор от администрации семинарии и даже лишиться своего места в профессорско-преподавательской корпорации. К тому же педагогическому энтузиазму преподавателей не способствовала их материальная необеспеченность, что являлось еще одной проблемой образовательного процесса духовных школ. Говоря о данной проблеме, нельзя не обратить внимание на статью магистра богословия П.В. Левитова под названием «Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход

¹⁵⁷ Там же, С. 115.

¹⁵⁸ Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.). С. 259.

воспитательного дела». Если исходить из содержания этой публикации, то средний заработок преподавателя семинарии в начала XX века составлял 73 рубля. В свою очередь в светских университетах оклад молодых преподавателей уже после 3-4-х лет рабочей практики был гораздо более высоким, чем у их коллег в семинариях. В этом случае необходимо помнить, что семинарские преподаватели по уровню своего образования и объему своих знаний не слишком сильно отставали от своих светских педагогов. По утверждению С.П. Шумова, «многие служащие с низшим и средним образованием обеспечены лучше, чем преподаватели семинарии»¹⁵⁹. Вышеуказанный размер жалования для преподавателей стал таковым в 1876 году, когда было утверждено «Положение о правах и преимуществах лиц, служащих при духовно-учебных заведениях и лиц, получивших ученые богословские степени и звания». До публикации данного документа материальное положение семинарских педагогов было гораздо хуже¹⁶⁰.

Многие члены профессорско-преподавательских корпораций имели семьи, которые зачастую были многодетными. Это обстоятельство вынуждало многих педагогов искать сторонний источник дохода, что уже само по себе не могло сказаться на качестве их преподавания в семинарии. Так, например, преподаватель Тульской духовной семинарии П.М. Заведеев вследствие финансовой необходимости «был вынужден стать преподавателем и делопроизводителем в местном епархиальном женском училище, брать на себя уроки в частных домах, сотрудничать в издательстве Тульских епархиальных ведомостей»¹⁶¹. В аналогичной ситуации находились многие преподаватели семинарий. Стоит отметить, что нагрузка преподавателей в семинарии была достаточно серьезной, но несмотря на это, большинство из них вынуждены были брать дополнительную работу, чтобы обеспечить свою семью¹⁶². Естественно, что в таких обстоятельствах педагогам было крайне сложно полностью сосредоточиться на своем предмете. По

¹⁵⁹ Шумов С. П. Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом в духовных школах. О влиянии житейских условий на деятельность учебно-педагогического персонала // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1111.

¹⁶⁰ См.: Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.). С. 247.

¹⁶¹ Цит. по: там же, С. 252.

¹⁶² Там же, С. 248.

выражению С.П. Шумова, преподаватель, «вместо того, чтобы следить за литературой по своей специальности, знакомиться с новыми веяниями в области науки и знакомить с ними учеников, им приходится проводить вечера за исправлением орфографических ошибок. Затем, обременение занятиями порождает равнодушие к ним и даже отвращение»¹⁶³. Именно поэтому епископ Кишеневский Владимир (Сеньковский) в своем отзыве настаивал на том, что необходимо «улучшать материальное положение преподавателей настолько, чтобы они, не ища сторонних занятий, всецело посвящали себя учебному заведению»¹⁶⁴.

Подводя итоги данному параграфу, на основании представленных выше отзывов преосвященных в качестве основных проблем учебного процесса в духовных семинариях можно указать следующие:

1. Коренным недостатком семинарий того времени являлась сословная замкнутость и проистекающая из нее двойственность целей духовного образования. Стремление совместить в одном учебном заведении духовную и общеобразовательную школу негативным образом отражалось на качестве семинарского образования в целом и двух его составляющих в частности.

2. Вследствие двузадачности учебная программа семинарии не представляла собой стройной системы по причине своей фрагментарности и предметной разрозненности, что, в свою очередь, вело к дисциплинарной перегруженности на определенных стадиях обучения. При этом многие предметы имели обширные программы.

3. Высокая учебная нагрузка, несоответствие программы возрастным особенностям учащихся, схоластический характер изложения материала преподавателем и учебными пособиями, отвлеченность духовного образования от запросов современности, ограниченность преподавателя содержанием учебных программ и отсутствие у него возможности повлиять на учебно-воспитательный процесс, материальная необеспеченность педагогов, отсутствие доступа в светские

¹⁶³ Шумов С. П. Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом в духовных школах... // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1112.

¹⁶⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 237–238.

учебные заведения для нежелающих быть священнослужителями – данные факторы негативно влияли на постановку учебного дела в духовной школе.

2.2. Негативное влияние сословной замкнутости на постановку воспитательного процесса в духовных семинариях

По замечанию епископа Паисия (Виноградова), «для будущих пастырей едва ли не важнее образования – воспитание их. Никакое образование не заменит дурного поведения в человеке, а особенно в пастыре Церкви. Поэтому в духовно-учебных заведениях необходимо вести дело воспитания так, чтобы из них выходили истинные пастыри, вполне могущие служить для пасомых примером христианской жизни»¹⁶⁵. Большинство епископата было солидарно с данным мнением преосвященного Паисия. Архипастыри в своих отзывах неоднократно отмечали, что вопрос постановки воспитательного процесса в духовных школах требовал срочного вмешательства и решительных мер. В данном параграфе проанализированы отзывы преосвященных, в которых наиболее информативно отражаются проблемы воспитательного процесса дореволюционных семинарий.

В предыдущем параграфе было отмечено, что коренным недостатком дореволюционных духовных школ являлась их сословная замкнутость и как следствие двузадачность. Вполне естественно, что данная проблема негативным образом отразилась не только на учебном процессе, но и на воспитательном строе семинарий. Не стоит забывать, что дореволюционная духовная школа была обязана заниматься не только подготовкой будущих пастырей, но и служить интересам духовного сословия, предоставляя детям духовенства общее образование. Как уже было показано выше, обучение воспитанников, стремящихся к светскому пути, изначально составляло 4 года, а затем 6 лет.

При данном положении вещей было сложно найти соответствующий целям духовной школы воспитательный режим. С одной стороны, к учащимся, получающим только лишь общее образование для дальнейшего поступления в светские заведения, был бы крайне затруднительным воспитательный строй

¹⁶⁵ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 88.

пастырской школы. С другой стороны, учащимся, желающим посвятить себя священническому служению, было необходимо создать среду, пропитанную духом церковности. «Что для первых будет может быть игом благим и добрым, то для последних покажется бременем тяжким и неудобноносимым»¹⁶⁶, – отмечал в своем отзыве епископ Питирим (Окнов).

Решить возникшие противоречия при сохранении практики совмещения профессиональной и сословной целей образования, по мнению многих преосвященных, было невозможным по нескольким причинам. Во-первых, сложно определить, каким должно быть верное соотношение образовательного и воспитательного аспектов в такой духовной школе. Во-вторых, неясно, каким должен быть воспитательный строй в учебном заведении при сочетании профессиональной и сословной целей в семинарии. В-третьих, сложно сказать, какими педагогическими принципами должны были руководствоваться администрация, инспекция и преподавательский состав духовных семинарий в вопросах воспитания.

Помимо этих коллизий в воспитательном процессе духовных школ сословная замкнутость самим фактом своего существования сформировала феномен так называемых «студентов-невольников». По нашему мнению, это печальное явление было неизбежным в силу тех неблагоприятных исторических обстоятельств, в которых находились представители духовного сословия в конце XIX - начале XX вв. К числу этих обстоятельств можно отнести: сословную замкнутость духовенства и духовной школы, материальную необеспеченность и низкий социальный статус представителей духовного сословия. Несмотря на то, что эти факторы были тесно связаны между собой в данном случае необходимо особо выделить материальную необеспеченность большей части представителей духовного сословия. В этой связи примечательно, что обучение в семинариях было относительно недорогим, а учитывая материальную необеспеченность духовенства выбор их в этой связи становился очевидным. Епископ Пермский Никанор

¹⁶⁶ Там же, С. 856.

(Надеждин) в своем отзыве констатировал эту проблему следующим образом: «Многие из родителей, если не большинство, в особенности принадлежащее к сельскому духовенству, определяют своих детей в духовно-учебные заведения не потому, что имеют в виду конечную цель воспитания в семинарии, а просто потому, что эти заведения – их собственные, духовно-сословные, притом более доступные по средствам содержания, а в других учебных заведениях они не имеют возможности и способов содержать своих детей»¹⁶⁷. Преосвященный верно обозначил мотивы многих родителей семинаристов, однако, стоит отметить, что такое стремление было обусловлено безысходностью их положения, а не прагматическим расчетом. «Чувство экономического закрепощения, которое все больше развивалось в духовном сословии и уже перерождалось в чувство классовой горечи, обиды, социальной несправедливости... Отсюда именно та болезненная психология, которую обличительно называли “корыстолюбием” нашего духовенства, болезненная мечта о житейском благополучии и достатке, ради семьи, что обычно бывает отражением бытового пауперизма»¹⁶⁸, – отмечал протоиерей Георгий Флоровский.

По мнению епископа Симбирского Гурия (Буртасовского) подобное положение вещей стало возможным после 1867 года, когда государством была предоставлена возможность выхода детям духовенства из духовных школ в светские. После этого, как полагает преосвященный, родители будущих семинаристов начали целенаправленно готовить своих детей к поступлению в светские учебные заведения, используя духовные школы в качестве подспорья в деле получения начального среднего образования. Владыка Гурий небезосновательно предполагал, что если до 1867 года родители «с раннего детства старались подготовить их к духовной школе, воспитывая в них любовь к Церкви и ко всему церковному»¹⁶⁹, то после означенного разрешения уровень религиозного воспитания в семьях духовного сословия резко снизился. Все это в своей

¹⁶⁷ Там же, С. 943–944.

¹⁶⁸ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Харвест, 2006. С. 469–470.

¹⁶⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 639; См.: О важности для кандидатов священства воспитания в них церковности // Прибавление к Церковным ведомостям. 1901. № 35. С. 1260.

совокупности привело к росту индифферентизма и формализма среди абитуриентов духовных школ¹⁷⁰. По утверждению известного церковного историка И.К. Смолича, «большой урон академиям наносило то, что многие семинаристы с хорошими аттестатами предпочитали академиям университеты или государственную службу»¹⁷¹. В результате эти «студенты-невольники» вынуждены были на некоторое время «подчиниться режиму, пригодному только для будущих пастырей Церкви, для людей, сознательно избравших себе будущее служение»¹⁷².

Ситуация стала еще более парадоксальной для этой категории воспитанников после того, как им было позволено поступать в университеты только после окончания полного курса семинарии, который составлял шесть лет. Противоречивость ситуации заключалась в том, что не желающие быть священнослужителями ученики, изучали богословские дисциплины «только потому, что без этого они не получают прав для поступления в доступные им высшие учебные заведения»¹⁷³. В результате получалось так, что часть воспитанников, пополняющих контингент учащихся духовных школ, делала это не из желания стать пастырем, а от безысходности своего положения. Наиболее ярко и полно эта проблема была освещена в отзыве будущего патриарха Тихона (Беллавина), который в своем отзыве отмечал: «Главный недостаток наших духовных школ тот, что они преследуют две цели, которые сами по себе весьма почтенны, но на практике не всегда мирно уживаются. Духовные школы существуют, во-первых, для того, чтобы давать воспитание детям духовенства, во-вторых, чтобы приготавливать кандидатов на священство. Не все же дети духовенства желают идти в духовное звание, а их насильно к тому принуждают, так как из семинарии другого выхода почти нет... В результате в кадры клира вступают иные, не только не желающие этого, но и сами нежелательные для него... Кастовый характер

¹⁷⁰ См.: Тихомиров Д. И. О реформе духовной школы. С. 7.

¹⁷¹ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700-1917. // Седмица. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436672/> (дата обращения 20.05.2022).

¹⁷² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 799.

¹⁷³ Там же, С. 943.

духовенства способствует вырождению этого сословия, ибо все-таки даровитые и лучшие из детей духовенства бегут по светским путям»¹⁷⁴.

В этом отношении представляются интересными мнения некоторых архиереев о том, что духовная школа способна сформировать желание к священническому пути посредством своего учебно-воспитательного строя. В частности, архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин) в своем отзыве настаивал на том, что в семинариях «призвание вырабатывается воспитанием и образованием. Поэтому необходимо с юных лет, еще с низших классов общеобразовательной духовной школы, самым строем этой школы внушить питомцам мысль о высоте пастырства и о том, что Церковь хочет сделать из своих питомцев пастырей»¹⁷⁵. Приведенное утверждение представляется неоднозначным и спорным, если исходить из материалов отзывов других преосвященных и повсеместных фактов протестной активности воспитанников духовных школ в начале XX века. Что касается отзывов преосвященных по данному вопросу, то в этом случае примечательна точка зрения преосвященного Евлогия (Георгиевского), который следующий образом характеризовал подобный педагогический подход: «Если всмотреться поглубже, то нельзя не увидеть во взгляде этой фракции отражения духа и склада католических семинарий, где сущность воспитания будущих пастырей сводится по преимуществу к внешней муштровке, а не к духовной настроенности»¹⁷⁶.

Однако, если несмотря на это принять во внимание данную мысль, то нельзя не отметить, что по крайней мере к некоторой части воспитанников в духовной школе применялось насилие и принуждение. К этой группе учащихся можно отнести тех, кто являлся «заложниками» своего происхождения, то есть детей из духовного сословия. Вследствие этого у них не было иного способа вступления на светский путь кроме обучения в первых четырех общеобразовательных, а затем во всех шести классах семинарии. Этого не стоит исключать в силу того, что родители

¹⁷⁴ Там же, С. 586.

¹⁷⁵ Там же, С. 193.

¹⁷⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 71.

отдавали своих чад на обучение в духовные школы в раннем возрасте, когда их сознательность находилась только лишь в зачаточном состоянии. Для многих учащихся это означало, что возможность получения образования тесно сопрягалась с обязательствами по принятию священнического сана. Положение этих воспитанников усугублялось еще более тем, что выход из сложившихся обстоятельств предполагался только лишь для малой части таких воспитанников. В свою очередь все остальные «студенты-невольники» вынуждены были смириться с тем, что их «жизненный жребий решен бесповоротно»¹⁷⁷. Подытожить анализ этой проблемы можно словами епископа Евлогия (Георгиевского), который характеризовал положение «студентов-невольников» следующим образом: «На свое положение такой школьник будет смотреть как на подневольное и потому всеми мерами будет стремиться, если может, на свободу, или же с отвращением и ненавистью будет продолжать свое невольничество, приучаясь лицемерить и маскироваться перед начальством»¹⁷⁸.

Еще одним негативным последствием феномена «студентов-невольников» для воспитательной системы духовных школ являлось их тлетворное влияние на тех учащихся, которые желали по окончании семинарии принять священный сан. Например, епископ Минский Михаил (Темнорусов) в своем отзыве высказал небезосновательное предположение о том, что «едва ли возможно допустить, чтобы все семинаристы воспитались так, чтобы каждый из них пожелал быть пастырем Церкви. Без сомнения, найдется в семинарии немало таких, которые, воспитавшись под крайне неблагоприятными домашними и школьными влияниями, не имеют никакого расположения к пастырству, тяготятся семинарской дисциплиной, крайне неохотно изучают преподаваемые предметы. Такие ученики, конечно, не могут не влиять дурно своим примером и складом своих понятий и воззрений на других учеников»¹⁷⁹. В объективности этой позиции преосвященного Михаила можно убедиться, если обратиться к анализу содержания семинарских

¹⁷⁷ Там же, С. 70.

¹⁷⁸ Там же, С. 71.

¹⁷⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 77.

петиций и резолюций так называемых семинарских протестных организаций, изданных в период 1905-1907 гг. Согласно собранным материалам исследователя Т.А. Павленко, одним из основных требований протестующих воспитанников духовных школ являлось открытие доступа в светские учебные заведения, что красноречивым образом свидетельствовало об их отрицательном влиянии на учащихся готовящихся к пастырскому служению, если учитывать тот факт, что в это движение входила значительная часть учащихся практически в каждой семинарии¹⁸⁰.

Удовлетворение данного требования семинаристов означало коренное реформирование воспитательного строя духовных школ. В конечном итоге, это должно было трансформировать семинарии в теологические курсы со светским уклоном, где бы, по замечанию епископа Минского Михаила (Темнорусова), учащиеся «изучали бы предметы, необходимые для университета, и жили бы так, как живут студенты университета – с той же свободой занятий и поведения»¹⁸¹. Вполне естественно, что это требование осталось неудовлетворенным администрациями семинарий, поскольку в противном случае это лишало практически всякого смысла существование духовной школы как института подготовки пастырских кадров. Что касается самого феномена «студентов-невольников» в духовных школах, то он просуществовал до самой революции, несмотря на то, что сословные ограничения по приему в духовные семинарии были полностью отменены 12 июля 1913 года¹⁸².

Еще одна проблема, проистекающая из двузадачности духовных школ, заключалась в малочисленности воспитательских кадров семинарии и их загруженности послушаниями учебно-административного и хозяйственного характера при высокой укомплектованности духовных школ. Многие дореволюционные духовные школы Российской империи имели в своих стенах большое количество воспитанников. Если исходить из статистических показателей

¹⁸⁰ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий.... С. 314.

¹⁸¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 77.

¹⁸² Адамов М. А. Повседневная жизнь учащихся... С. 74.

того времени, то в каждой семинарии обучалось от 300 до 600 воспитанников¹⁸³. Факт плотной укомплектованности духовных школ был прямым следствием синодальной системы сословной замкнутости духовенства. В свою очередь число воспитательских кадров, которые ежедневно взаимодействовали с учащимися, в большинстве случаев составляло не более 5-7 человек. В результате получалось, что в среднем на одного воспитателя приходилось минимум 60 воспитанников. Если даже брать только уставной список обязанностей члена инспекции духовной семинарии, то станет ясно, что данная деятельность требовала затраты большого количества сил и времени.

Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в своем отзыве предоставил следующий перечень обязанностей члена воспитательной инспекции: «Ему по классам надо проверить учеников – все ли явились они на уроки; ему необходимо заглянуть то в один, то в другой класс, чтобы остановить поющих и шумящих перед приходом наставников, и во время уроков ему нередко приходится заглянуть в потаенные уголки, где иногда позволяют себе воспитанники безмятежно проводить время в приятных разговорах, самовольно уклоняясь от того или другого предмета; к нему часто обращаются сами воспитанники за разными справками и проч. и проч.»¹⁸⁴. Если же к уставному перечню обязанностей воспитателя добавить задачу по духовно-нравственному влиянию на подопечных, то выяснится, что на практике выполнение всего вышеперечисленного является делом крайне затруднительным и сложным. Выражаясь словами епископа Пензенского Тихона (Никанорова), «при такой массе работы инспектор, при всей своей энергии, педагогической опытности, усердии в исполнении своих обязанностей, не может надлежащим образом выполнить главной своей функции - воспитательного воздействия на учеников»¹⁸⁵. Также по замечанию высокопреосвященного Владимира, заслуга члена воспитательной инспекции в данных обстоятельствах уже будет заключаться в том, «если он при всех случаях

¹⁸³ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 36.

¹⁸⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 404.

¹⁸⁵ Там же, С. 490–491.

сохранит спокойствие и равновесие духа в отношениях к воспитанникам, в состоянии авторитетно беседовать с ними для поддержания порядка по разным злободневным вопросам»¹⁸⁶. Стоит отметить, что ситуация складывалась таким образом только в лучших случаях, тогда как при обычном порядке дел жизнь воспитанников шла «сама собой, монотонная и скучная, давящая, без всякого вмешательства и прямого воздействия на них со стороны воспитателей и преподавателей», – как отмечал преосвященный епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)¹⁸⁷. Таким образом, все вышесказанное можно подытожить словами архимандрита Никона (Бессонова), ректора Иркутской семинарии, «Из этой двойственной цели семинарского образования истекает и ненормальная постановка обучения и воспитания в современных семинариях»¹⁸⁸.

Подобное положение дел в некоторой степени оправдывает упущения администрации духовных школ в области воспитательного процесса, поскольку высокая укомплектованность семинарий при малочисленности лиц воспитательного состава не давала последним физической возможности контроля за воспитанниками. Это в свою очередь приводило к следующему. Практически перед каждым членом воспитательной инспекции в тот или иной момент его деятельности в духовной семинарии возникал вопрос о формах воспитания и взаимодействия с учащимися. В данном случае вариантов было несколько. Либо преподаватели, воспитывающие своих учеников, должны быть людьми искренними, открытыми, авторитетными, и они должны добиться того, чтобы им поверили их воспитанники. Либо то, что гораздо проще – создать систему оповещения. В большинстве случаев, так или иначе, педагоги делали выбор в пользу второго варианта. Результатами такой педагогики, как говорится в одном из отзывов, стала следующая картина: «Не удивительно, если многие из питомцев духовной школы не выдерживают, наконец, таких мучительных экспериментов над личностью и выходят из школы с разбитым сердцем, без веры в Бога... А иные,

¹⁸⁶ Там же, С. 404.

¹⁸⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 452.

¹⁸⁸ Там же.

пройдя этот иску́с, становятся настолько забитыми, обезличенными, искалеченными, что в них замирают все чувства, кроме безотчетной робости пред окружающими»¹⁸⁹, –отмечал в своей записке преподаватель А. Красовский. Данный метод воспитания, к сожалению, был гораздо более распространенным в стенах дореволюционных духовных школ.

Все это в совокупности приводило к тому, что весь воспитательный процесс в духовных семинариях сводился к полицейскому надзору за учащимися. Епископ Иннокентий (Беляев) в своем отзыве писал об этом следующим образом: «Строго говоря, у нас в духовных школах воспитания нет, а при существующем порядке и условиях жизни школы – и быть не может. Есть только внешний надзор. Никакой возможности не представляется при таком числе учащихся войти с каждым учеником в непосредственные чисто личные духовно-нравственные отношения и следить за его духовным миром. Дай Бог через год хотя узнать фамилии и лица учеников и как-нибудь поддерживать внешний порядок и дисциплину»¹⁹⁰.

Одним из негативных последствий такого положения дел была духовно-нравственная беспризорность воспитанников духовных семинарий. С одной стороны, учащиеся дореволюционных духовных школ пребывали под постоянным контролем своих воспитателей. Обязательное посещение утреннего и вечернего правил, богослужений, занятий, приема пищи, самоподготовки и всех остальных пунктов, предусмотренных уставным распорядком дня, подлежало строгой фиксации в соответствующих журналах воспитательной инспекции. К этому можно также добавить ограничение свободы передвижения и отсутствие возможности использовать свободное от учебы время по своему усмотрению, запрещение посещать общественные учреждения: публичные библиотеки, театры, концерты. С другой стороны, внутренний мир воспитанника, его склонности, стремления и интересы оставались недоступными для администрации духовной школы. В результате возникала парадоксальная ситуация, при которой воспитанник одновременно находился под строгим контролем семинарского

¹⁸⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 116.

¹⁹⁰ Там же, С. 452.

начальства и в то же время был предоставлен самому себе в области духовной жизни. По замечанию историка духовного образования Б.В. Титлинова, «подавленные суровым обращением и строгостью домашних кар, ученики были забиты и угрюмы; они смотрели на воспитателей как на врагов и старались по возможности не попадаться им на глаза»¹⁹¹.

Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному является следующий фрагмент из мемуаров митрополита Евлогия (Георгиевского), где он вспоминает о начале своей деятельности во Владимирской семинарии: «Семинария была огромная (500 человек семинаристов). Дух в ней был “бурсацкий” и в то же время крайне либеральный. Дисциплину начальство поддерживало строжайшую, но это не мешало распущенности семинарских нравов и распространению в среде учащихся революционных идей»¹⁹². Эта часть мемуаров владыки Евлогия с определенной ясностью свидетельствует о том, что дисциплина основанная только лишь на строгой муштре и дрессуре не способна в полной мере пресечь нравственной деградации душ учащихся, потому что по своей сути направлена только на внешнюю сторону жизни учащихся, которая при известных усилиях со стороны последних могла без особого ущерба для их свободы мимикрировать как под требования устава, так и под протестные настроения.

По мнению большинства архиереев, система воспитательного процесса духовных школ по своей сути была противоречивой, поскольку с одной стороны, была призвана сформировать высокие волевые качества у воспитанников, а с другой стороны, вследствие тотального контроля за учащимися подавляла любые зачатки самостоятельности и индивидуальности. Главной причиной вышеозначенного противоречия являлась педагогическая модель, основанная на страхе и репрессиях. В этом отношении можно согласиться с мнением профессора Б.В. Титлинова по поводу постановки воспитательной системы семинарий, которая, по его мнению, «действовала только на внешность, действовала страхом,

¹⁹¹ Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. II. Вильна, М.: «Рус. почин» 1909. С. 175.

¹⁹² Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, 1994. С. 73.

и была бессильна не только исправить порочных, но даже и просто предупредить проступки»¹⁹³. В результате такая воспитательная политика приводила к следующему: «Рознь, доходящая зачастую до решительной неприязни, когда воспитатели и воспитываемые составляют как бы два противоположных лагеря, ведущих между собой постоянную борьбу, не стесняясь при этом в выборе средств борьбы»¹⁹⁴, – писал в своем отзыве епископ Архангельский Иоанний (Казанский). Исходя из вышесказанного можно заключить, что, строгая дисциплина не является показателем и гарантом должного правопорядка в духовной школе. Более того, можно предположить, что педагогика, основанная только лишь на одной внешней муштре, свидетельствует об отсутствии достаточного количества педагогических компетенций у лиц, ее насаждающих. Это свидетельствует об еще одной проблеме воспитательного строя дореволюционных духовных семинарий, которая заключалась в отсутствии живой связи между педагогами и учащимися.

Также постановке и укреплению конструктивных взаимоотношений между преподавателями и учащимися не способствовало наличие так называемой двойной морали. В таком учебном заведении как семинария, где воспитательный аспект проходит красной нитью через весь ее строй, личный пример педагогов должен быть определяющим фактором нравственного влияния на воспитанников. Однако в этом отношении многие преподаватели были далеко не на высоте. Известно, что многие преподаватели занимались распространением среди учащихся запрещенной литературы и революционных идей. Так, например, преподаватель Орловской семинарии в 1906 году на похоронах одного студента в своей погребальной речи призывал собравшихся «всеми силами способствовать освобождению страждущего народа»¹⁹⁵. Стоит отметить, что данная похоронная процессия сопровождалась различными протестными акциями и пением революционных гимнов. В этом отношении неудивительно следующие замечание

¹⁹³ Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. С. 176.

¹⁹⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 431.

¹⁹⁵ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 160.

обер-прокурора К.П. Победоносцева о том, что «то же развращающее чтение, которое запретным своим свойством привлекало воспитанников, составляло в то же время любимую духовную пищу... у самих начальников и преподавателей»¹⁹⁶. И наконец ректор одной из семинарии «вел жизнь унижающую честь не только священника, но даже мирянина. Он лишил невинности молодую девицу Е. Ларченкову, ... имел связь с госпожою Турыкиной, ... а также с дочерьми семинарского портного еврея Замшона»¹⁹⁷. В этой связи можно отчасти согласиться со словами епископа Екатеринбургского Владимира (Соколовского-Автономова), который констатировал в своем отзыве следующее: «Главная причина ослабление влияния воспитателей и учителей на воспитанников лежит в нас самих»¹⁹⁸.

Относительно причин безнравственного поведения лиц администрации и преподавателей семинарии преосвященные полагали, что это является следствием отсутствия регламентации в уставе частной жизни педагогов, а также отсутствием мер воздействия со стороны высшего начальства на них. В итоге это привело к тому, что многие внешние и внутренние требования, предъявлявшиеся администрацией духовной школы к воспитанникам были необязательны для их воспитателей. Так, например, об этом писал епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев): «Нравственные требования, предъявляемые ученикам относительно храма, молитвы, постов и прочих заповедей, весьма часто необязательны для корпорации учебного заведения, и их жизнь весьма расходится с тем, что они по долгу службы проповедают ученикам. Выходит так: вот это нужно исполнять теперь, а когда вырастете и будете жить самостоятельно, тогда можно и не исполнять этого»¹⁹⁹. Такое поведение воспитателей формировало в сознании учащихся мысль об относительности и даже условности необходимости исполнения тех религиозно-нравственных правил, которых они придерживались на протяжении всего времени своего обучения. Помимо этого, сам строй семинарии

¹⁹⁶ Цит. по: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 15.

¹⁹⁷ Цит. по: Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861-1884 гг.). С. 252.

¹⁹⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 177.

¹⁹⁹ Там же, С. 453.

способствовал развитию внешнего благочестия, оставляя без внимания духовное состояние учащихся. Все это в своей совокупности способствовало развитию лицемерия, формализма и индифферентизма среди семинаристов.

Проделанный экскурс показал, что существовавшая на тот момент система воспитания нуждалась в коренных переменах, ввиду своего несоответствия высокой цели формирования и подготовки будущих пастырей. Подводя итоги данному параграфу, всю совокупность суждений преосвященных по вышеозначенному вопросу можно представить следующим образом:

1. Одной из коренных проблем воспитательного строя дореволюционных духовных семинарий являлась сословная замкнутость духовенства. Данная практика производила множество противоречий в области постановки воспитательного процесса ввиду того, что в ней пытались совместить цели, которые невозможно было согласовать между собой в рамках одного учебного заведения.
2. Одним из главных отрицательных последствий кастового характера духовенства для воспитательного строя духовных школ являлась двойственность целей семинарского образования и как следствие наличие в ней так называемых «студентов-невольников», которые негативно влияли на учащихся, желающих принять священный сан.
3. Высокая загруженность малочисленного состава лиц администрации послушаниями учебного и административно-хозяйственного характера порождала полицейско-карательную систему воспитания, основанную на страхе и репрессиях.
4. Логическим следствием применения палочной дисциплины являлись формализм, лицемерие, индифферентизм, инфантилизм, отсутствие живой связи между педагогами и учащимися и как результат духовно-нравственная автономность учащихся.
5. Отсутствие регламентации в уставе духовных школ частной жизни педагогов порождало феномен так называемой «двойной морали».

2.3. Предложения преосвященных по решению проблемы сословной замкнутости духовной школы

В первую очередь стоит отметить, что подавляющая часть епископата выступала за отмену сословной замкнутости духовной школы. В то же время многие преосвященные предлагали различные проекты решения данной проблемы, которые условно можно разделить на два направления: умеренные и радикальные планы преобразований. Обратимся к анализу этих проектов реформ.

К числу умеренных реформаторов можно отнести тех иерархов²⁰⁰, которые предлагали вернуться к положениям устава 1867 года. То есть оставить семинарии в прежнем виде, выделив последние два курса семинарии в особое пастырское отделение, где обучения проходили бы только те учащиеся, которые желают стать священнослужителями. В свою очередь все остальные учащиеся могли покинуть духовную школу после 4-го класса. Сторонники этих реформ выступали за полное восстановление основных принципов устава 1867 года вместе с сохранением структурного деления духовных школ на училища и семинарии. Несмотря на то, что сторонники этой фракции епископата предлагали за основу реформы взять либеральный устав 1867 года, все же их в определенной мере можно назвать консерваторами. Все дело в том, что в отличие от радикальных реформаторов они стояли за сохранение исторического типа духовной школы и в определенной мере занимали охранительную позицию. Так, например, митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в своем отзыве отмечал, что «духовные семинарии, просуществовавшие уже не одну сотню лет и за это почтенное время выпустившие из своих стен немалое количество глубоко образованных серьезных мужей, с честью послуживших своему отечеству на разных видных местах церковной и общественной жизни, имеют все исторические основания для продолжения своего существования»²⁰¹.

²⁰⁰ Митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архиепископ Воронежский Анастасий (Добрадин), архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин), архиепископ Донской Афанасий (Пархомович), епископ Вологодский Алексей (Соболев), епископ Владимирский Никон (Софийский), епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), епископ Архангельский Иоанникий (Казанский), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), епископ Симбирский Гурий (Буртасовский), епископ Пензенский Тихон (Никаноров), епископ Смоленский Петр (Другов).

²⁰¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 730.

Таким образом, подводя итоги аналитике проектов умеренной фракции реформаторов, можно сказать, что хотя они и имели ввиду проблему сословной замкнутости духовенства и духовной школы, но вместе с тем они не учитывали многих негативных последствий, которые возникли после реализации положений устава 1867 года. К имеющимся сведениям стоит добавить мнение епископа Никона (Софийского), который полагал, что «простое возвращение к уставу 1867 года не может удовлетворять потребностям настоящего времени ни в отношении общеобразовательного, ни в отношении специально богословского курса; оба они нуждаются в существенных изменениях. Общеобразовательный курс того времени в основании своем имел классическую систему образования, обрывки коей остались и в уставе 1884 года. Эта система теперь отжила свой век, как система обучения: она до последней степени ослаблена даже в классических гимназиях, и нет оснований сохранять ее в духовно-учебных заведениях»²⁰². В связи с вышесказанным программу преобразований умеренных реформаторов достаточно сложно назвать эффективной.

Реформаторы²⁰³, выступавшие за радикальные изменения, которых оказалось не так много, полагали, что целесообразней будет упразднить имеющиеся духовные школы, учредив вместо них средние учебные заведения и пастырские курсы на принципах устава 1867 года. Продолжительность обучения в средней школе по плану «радикальных» реформаторов должна была составлять 7-8 лет, тогда как длительность так называемых пастырских курсов равнялась трем годам. По окончании общеобразовательного курса учащиеся могли поступать в высшие учебные заведения. С этой целью реформаторами этого направления предполагалось приведение учебных программ по общеобразовательным предметам в полное соответствие с программами министерских гимназий. Как утверждал один из авторов этого плана преобразований, «общее образование в школе должно быть строго отграничено от специального»²⁰⁴. Эту позицию

²⁰² Там же, С. 282.

²⁰³ Архиепископ Карталинский и Катехинский Николай (Налимов), епископ Орловский Кирион (Садзагелов), епископ Ставропольский Агафодор (Преображенский).

²⁰⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 578.

наиболее ярко выразил в своем отзыве епископ Антоний (Храповицкий): «О реформе духовной школы и толковать не стоит: должно всю ее разогнать, разломать, вырыть фундамент семинарских и академических зданий и взамен прежних на новом месте выстроить новые и наполнить их новыми людьми»²⁰⁵. Также выпускники этих заведений могли продолжить свое обучение в пастырских школах. Проектируемая школа должна быть открытой для всех сословий. Данную программу в разной мере поддержали 28 иерархов, но их можно условно разделить на три группы иерархов. Рассмотрим позицию каждой из них.

Первая группа архиереев²⁰⁶ полагала, что в проектируемой пастырской школе должен быть строго церковный режим, где на протяжении 10 лет учащиеся изучали, помимо церковных дисциплин, значительное количество светских предметов. Доступ в нее должен быть открыт для всех сословий с раннего возраста. Характеризуя позицию первой группы авторов, можно сказать, что несмотря на то, что по их проекту духовная школа будет всесословной, она в то же время сохранит один из главных недостатков реформируемой школы – ограничение свободы выбора воспитанников и сословную замкнутость духовного образования, как бы парадоксально это не звучало. Ограничение свободы абитуриентов заключалось в их низком возрастном цензе, который не позволял принять им зрелое решение о поступлении в духовную школу. Как заметил по этому поводу епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков), в эти школы «будут поступать дети, не отдающие себе отчета в своих стремлениях, и определение в них детей всегда будет вытекать из стремления родителей (преимущественно беднейшего класса) устроить где-нибудь получше (сообразно своим понятиям и средствам) своего ребенка, сообразуясь не с его склонностями (которых очень часто и не видно), а с возможностью и материальными средствами»²⁰⁷. С другой стороны, эта проблема стояла, казалось бы, не так остро, поскольку в любой момент воспитанники, неудовлетворенные своим положением, могли выйти из состава учащихся духовной школы. Но в таком

²⁰⁵ Там же, С. 726.

²⁰⁶ За данную программу высказался епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов), отдельные представители духовенства, входившие в епархиальную комиссию Симбирской епархии.

²⁰⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 215.

случае не вполне ясно, куда они могли уйти для того, чтобы закончить свое образование. «Не окончившие почему-либо всего курса общеобразовательных классов или окончившие, но не имеющие средств продолжать обучение в высших учебных заведениях, не избавляются от необходимости искать в церковных должностях материального обеспечения, ибо никакая общеобразовательная школа не дает умения устроиться в практической жизни»²⁰⁸, – справедливо замечали представители правления Самарского духовного училища. Также слабая сторона данного плана преобразований, по мнению епископа Пермского Никанора (Надеждина), заключалась в том, что он «сливает жизненно с общеобразовательной школой специально-пастырское отделение ее, которое по своему общему воспитательному жизненному строю будет прямым продолжением и завершением общеобразовательной школы»²⁰⁹.

При таком устройстве духовной школы было практически невозможно внедрить оптимальный (как для общеобразовательного, так и для пастырского отделений) воспитательный режим. Если установить церковное воспитание во всех отделениях, то, как справедливо отмечал один из преосвященных, «тогда повторится грех теперешних школ, снова пойдут выражения недовольства, требования большей свободы со стороны учеников первых восьми классов, имеющих не церковный, а общеобразовательный характер»²¹⁰. В свою очередь, если его распространить только на одни пастырские курсы, то в плане постановки воспитательного дела в такой школе будет очевидный дисбаланс. Епископ Пермский Никанор (Надеждин) следующим образом проиллюстрировал эту мысль: «Представим себе на время начальника этого заведения, положим – ректора. Он, как начальник пастырского отделения, где все должно быть проникнуто духом церковности и сообразовано с задачами пастырского служения, не может отпускать учащихся хотя бы в цирк, устроить танцевальные вечера и пр., а как у начальника общеобразовательной школы, ученики справедливо могут ожидать

²⁰⁸ Там же, С. 563.

²⁰⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 69.

²¹⁰ Там же.

положительного решения вопроса о театре, цирке, танцевальных вечерах и проч. Итак, одному и тому же начальнику приходится постоянно представлять собой два лица: одно – светское, а другое – глубоко духовное, пастырски настроенное, что, очевидно, невозможно, если не допускать фальши»²¹¹. Также проблематичность проекта первой фракции епископов заключалась в перегруженности и многопредметности учебной программы.

Другая часть преосвященных²¹² также считала, что пастырскую школу необходимо сделать всесословной. Но при этом в отличие от предыдущей группы они полагали, что право на поступление в такое учебное заведение должны были иметь только те лица, которые получили среднее образование в школе духовного ведомства. На практике это означало, что абитуриентами пастырских школ должны были быть «юноши не моложе 18–20 лет и взрослые всякого сословия, звания и состояния, имеющие призвание к пастырскому служению, известные добрым поведением и получившие среднее образование для подготовки себя специально к священству»²¹³. Данный тип проекта решал множество проблем духовного образования того времени, но в то же время, выражаясь словами отца Георгия Флоровского, «при последовательном проведении в жизнь этот план в короткое время должен был привести к разложению всей существующей церковно-политической системы, к освобождению Церкви от государства, от его опеки и власти»²¹⁴. Приведенные слова отца Георгия относились к проекту архиепископа Димитрия (Муретова), который предлагал во многом аналогичный план преобразований. Если конкретизировать, каким образом данные проекты разрушали синодальную систему взаимоотношений между Церковью и государством, то можно указать следующие причины. Во-первых, предлагаемые проекты реформ упраздняли сословную замкнутость духовенства. Во-вторых, по замечанию протоиерея Георгия Флоровского, «передача духовных школ на местное обеспечение тем самым означала бы ослабление центральной власти

²¹¹ Там же, С. 69–70.

²¹² За данную программу высказались 27 иерархов.

²¹³ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 71.

²¹⁴ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. С. 349–350.

Учебного Управления, т. е. и всего обер-прокурорского надзора, всей бюрократической системы Синодального ведомства»²¹⁵.

У оппонентов этого проекта было несколько критических замечаний по двум его положениям. В первую очередь, если пойти по пути строгого разделения духовного и среднего образования, который предлагает эта группа преосвященных, то, с экономической точки зрения, не вполне ясно, на какие средства будут созданы предлагаемые учебные заведения. По мнению епископа Владимира (Софийского), реформированию административного устройства семинарий могли воспрепятствовать огромные материальные затраты²¹⁶. На эту претензию во многом отвечал проект епископа Вятского Филарета (Никольского). Согласно плану иерарха, планируемые школы могли содержаться на церковные средства, которые выделялись на обеспечение материальной базы имевшихся духовных училищ и семинарий. Еще одним источником финансирования будущих пастырских и общеобразовательных школ, по мнению епископа Филарета, могли стать «суммы, отпускаемые на учительские церковные, второклассные и двухклассные церковные школы»²¹⁷. Более конкретный список источников содержания этих духовных школ можно встретить в отзыве епископа Вениамина (Муратовского). В частности, иерарх предлагал следующие потенциальные источники финансирования: епархиальный сбор с духовенства и монастырей, государственные субсидии и доходы от операций свечного завода²¹⁸.

Вторая проблема, которую справедливо отмечали оппоненты данного проекта, заключалась в том, что при таком устройстве духовных школ велика вероятность недостатка пастырских кадров. В свою очередь сторонники данного проекта полагали, что «возможное выбытие из пастырской школы воспитанников, не желающих посвящать себя пастырскому служению, может быть восполнено

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 282.

²¹⁷ Там же, С. 107.

²¹⁸ См.: Там же, С. 71.

поступлением в эту школу желающих из всех других сословий»²¹⁹. С последним утверждением достаточно сложно согласиться, если иметь в виду следующий факт. Представители иных сословий, когда они имели такую возможность, не заполнили своим присутствием даже те семинарии, где был кадровый кризис, не говоря уже о тех духовных школах, которые его не испытывали. В этой связи не совсем ясно, по какой причине инсословные студенты должны были поступать в массовом порядке в училища и семинарии в начале XX века. Как отмечал в своем отзыве епископ Пермский Никанор (Надеждин), «при неудержимых стремлениях современного общества к легкой карьере и комфорту сколько можно насчитать таких подвижников, которые променяли бы легкую и широкую дорогу университетскую на смиренную и скромную долю пастырскую? Таких идеалистов, несомненно, оказалось бы немного, а между тем дело Божие растет и множится... Что же будет тогда с многочисленными приходами, когда из “духовной” школы большая часть побежит в светские высшие учебные заведения, а лишь единицы останутся для специально пастырской школы?!»²²⁰. В то же время, несмотря на эти опасения, семинария могла избежать и избежала, как показала история, кадрового кризиса по следующей причине, указанной в отзыве преосвященного Сергия (Страгородского): «Большинство детей духовенства, хотя бы только по недостатку средств и по инерции, пойдет по-прежнему на духовную службу»²²¹.

Получение среднего образования в духовных школах для священно- и церковнослужителей обходилось гораздо дешевле в отличие от обучения в светских учебных заведениях. Если учитывать фактор малообеспеченности духовного сословия в общей своей массе, то их выбор в данном случае вновь останавливался на училищах и семинариях. Это во многом объясняет причины, по которым представители духовного сословия оставались в духовных школах в преобладающем количестве, вплоть до самой революции 1917 года. В итоге, вопреки всем проектам, которые постулировали принцип всесословности,

²¹⁹ Там же, С. 640.

²²⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 72.

²²¹ Там же, С. 426.

духовная школа по составу учащихся осталась сословной. По нашему мнению, ни одна реформа подобного рода априори не могла решить данной проблемы, потому что она коренилась ни в образовательной сфере, а в социальном устройстве Российской империи, точнее сказать в положении Церкви и духовенства в государственной системе²²². Возможно предположить, что ситуация кардинальным образом могла измениться либо с повышением материального и социального статуса представителей духовного сословия, либо с предоставлением целого ряда льгот для них со стороны государства.

Стоит отметить, что у вышеназванного типа проекта даже была во многом аналогичная версия со следующим небольшим отличием. Десять преосвященных²²³ высказали предложение о том, чтобы в отдельную пастырскую школу были выделены последние три класса семинарии. Духовные училища с оставшимися двумя классами предполагалось соединить и образовать шестиклассные прогимназии «с курсом и правами министерских гимназий, с направлением же, хотя и в духе православной Церкви, но без нарочитых задач подготовки к пастырству»²²⁴. Выпускники этих учебных заведений впоследствии могли поступить либо на пастырские курсы, либо продолжить свое обучение в 7-ом классе светских гимназий. Стоит отметить, что в дневниках митрополита Арсения (Стадницкого) также можно встретить подобного рода проект²²⁵. Среди преимуществ этого плана преобразований епископ Антоний (Храповицкий) выделял следующие: во-первых, курс богословских предметов в таком случае составлял бы не 2 года, а уже 4. Во-вторых, как выражался сам иерарх, «церковных денег меньше пойдет на сословные интересы, а больше на законные, профессиональные»²²⁶. В-третьих, по мнению владыки Антония, тот возраст, в

²²² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 215; См.: Тихомиров Д. И. По вопросу о реформе духовной школы // Церковные ведомости. 1906. № 19. С. 1155.

²²³ Архиепископ Минский Михаил (Темнорусов), архиепископ Новгородский Гурий (Охотин), епископ Владикавказский Гедеон (Покровский), епископ Черниговский Антоний (Соколов), епископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Могилевский Стефан (Архангельский), епископ Псковский Арсений (Стадницкий), епископ Финляндский Сергей (Страгородский), епископ Саратовский Гермоген (Долганев).

²²⁴ Там же, С. 136.

²²⁵ См.: Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 4. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 43.

²²⁶ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 730.

котором юношами делался бы выбор жизненного пути, был бы лучшим для избрания пастырства. Причиной этому епископ Антоний считал нравственную чистоту учащихся в этом возрасте.

Также был маргинальный проект преосвященного Никодима (Бокова), план преобразований которого был предельно прост²²⁷. Он заключался в том, чтобы сократить, насколько возможно, общеобразовательный курс дисциплин в семинарии. Это обстоятельство привело бы к тому, что семинаристам будет закрыт доступ в светские учебные заведения по причине их неподготовленности. Такое решение нельзя назвать эффективным по нескольким причинам. Во-первых, очевидно, что отсутствие достаточного общего образования у воспитанников духовных школ будет контрпродуктивно, как для изучения богословских дисциплин в частности, так и для пастырского служения в целом. Во-вторых, данная мера абсолютно не учитывает фактор протеста семинаристов, которые выступали за секуляризацию духовной школы. Реализация этого проекта спровоцировала бы недовольных своим положением учащихся к новым акциям протеста. В-третьих, это предложение не решало проблемы так называемых «студентов-невольников» и их негативного влияния на духовную школу. В этом отношении представляется верным следующее утверждение епископа Пермского Никанора (Надеждина): «Система искусственного закрепощения семинаристов в Духовном Ведомстве – прием старый, и печальные результаты его налицо: сколько чуть ли не магистров богословия теперь служат в разных ведомствах и учреждениях, ничего общего с богословием не имеющих»²²⁸. На основании вышесказанного этот проект достаточно сложно назвать эффективным.

Подводя итоги аналитическому обзору проектов решения проблемы сословной замкнутости, можно сказать, что наиболее эффективным из них являлся план второй группы фракции «епископов-радикалов». По нашему мнению, их преобразования практически не воспроизводили проблемы реформируемой

²²⁷ См.: Крылова Т. В. Предложения по реформированию духовного образования на основе «отзывов епархиальных архиереев» // Вестник Свято-Филаретовского института. Вып. 13. 2015. С. 19.

²²⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 68.

духовной школы, но и решали их. При этом стоит отметить, что этот проект реформ требовал значительной поддержки со стороны государства и церковных властей. В противном случае данный план преобразований в основных своих положениях был бы нивелирован. Что касается других планов по преобразованию духовной школы, то они во многом воспроизводили проблемы, сформированные предыдущими семинарскими уставами. Выражаясь словами преосвященного Сергия (Страгородского), «изложенные проекты хотят, так сказать, выпустить из нашей духовной школы все зараженные соки и, постепенно заменяя их свежими из других сословий и классов, со временем достигнуть полного обновления и духовного сословия, и духовной школы»²²⁹.

Анализ проектов по реформированию строя духовной школы, в частности, показал, что большинство преосвященных считало необходимым отмену сословной замкнутости духовной школы. Если говорить об этом более конкретно, то 53 иерарха из 56 высказались за отмену сословных ограничений в духовной школе²³⁰. Однако в среде епископата были и те, кто считал неконструктивным для Церкви беспрепятственный допуск представителей всех сословий к духовному образованию. Так, например, преосвященный Антоний (Храповицкий) по этому вопросу придерживался сдержанной позиции. С одной стороны, он выступал за то, чтобы детям церковно- и священнослужителей при поступлении в училища и семинарии отдавалось значительное предпочтение перед иносословными студентами. С другой стороны, владыка полагал, что далеко не всех представителей других сословий можно допускать в духовные школы. В частности, он утверждал по этому поводу следующее: «Если же мы перейдем на почву практическую и спросим: может ли нам представить в духовную школу лучший педагогический материал дворянство, купечество, мещанство, крестьянство, – то придется ответить отрицательно»²³¹. Он считал, что даже из самой плохой семьи священнослужителя дети будут гораздо лучше подготовлены к семинарии, чем

²²⁹ Там же, С. 425.

²³⁰ См.: Крылова Т. В. Предложения по реформированию духовного образования на основе «отзывов епархиальных архиереев». С. 20.

²³¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 731.

представители других сословий. Мы не беремся судить о верности этого утверждения. На наш взгляд лучше заострить внимание на причинах, по которым преосвященный Антоний стоял за тщательный отбор среди иносословных при поступлении в духовную школу.

В этой связи примечательны его замечания относительно побудительных причин поступления крестьянских детей в училища и семинарии. Во-первых, по мнению владыки Антония, для крестьянина принятие священного сана на практике означало переход «от бедности к (сравнительному) богатству, от ничтожества общественного к знатности»²³². В данном случае иерарх вполне резонно замечает, что для необеспеченных слоев русского населения принятие священного сана представлялось хорошим источником дохода в будущем, а также выгодным, с точки зрения социального положения. Мы частично разделяем данную точку зрения, потому что на примере самих представителей духовного сословия можно было увидеть, на что сподвигает малообеспеченность и низкий социальный статус. Во-вторых, перспектива получения относительно дешевого среднего образования и пансиона в училищах и семинариях была заманчива для крестьян на фоне практически недоступного для большинства из них обучения в светских заведениях. В итоге можно констатировать, что для многих представителей крестьянства побудительной причиной поступления в духовное ведомство являлась материальная необеспеченность. При этом нельзя отрицать, что наверняка среди них были и те, для кого основной причиной стремления к священному сану являлась идея служения Богу и ближнему. Таким образом, можно согласиться с утверждением преосвященного Антония о том, что «если казенное воспитание в духовной школе окажется доступным всем желающим и притом почти единственной дверью от положения пахаря или чернорабочего к почетному и обеспеченному (сравнительно) положению священника, то в нее, конечно, жадно бросятся все те натуры, которые одарены силой борьбы за свое личное благополучие, что, конечно, всего менее совпадает с желательным настроением

²³² Там же, С. 732.

служителей Божиих»²³³. Что касается доступа в духовную школу для более обеспеченных слоев населения, то из их числа, по мнению иерарха, стоит принимать самых лучших, поскольку их религиозное воспитание оставляло желать лучшего. В конечном итоге, позиция епископа Антония заключалась в том, что значительную часть учащихся духовных школ должны составлять дети из духовного сословия, тогда как остальные места можно предоставить лучшим представителям иных сословий. Эта позиция имеет определенную логику и аргументационную базу, если учитывать вышеописанные мотивы поступления иносословных в духовную школу, но в практическом отношении в ней был один значительный недостаток. Если говорить конкретнее, то не было понятно, каким образом среди иносословных абитуриентов выявить лучших и что считать критерием этого превосходства? На этот вопрос преосвященный не дал ответа в своем отзыве. Поэтому можно утверждать, что его мнение содержит в себе верные теоретические замечания, однако в практической плоскости оно является не вполне разработанным и законченным.

Завершая анализ проблемы сословного состава духовных школ, стоит отметить, что были преосвященные, которые выделяли положительный аспект в оттоке кадров из пастырских школ. Так, например, епископ Евлогий (Георгиевский) считал, что посредством открытия доступа в высшие учебные заведения детям духовенства и церковнослужителей «Церковь освободится от пастырей, принимающих на себя служение по нужде, а не по призванию, и кроме того будет приобретать в среде прихожан лиц, коим понятны и близки ее интересы»²³⁴.

На этом завершаем обзор проектов преосвященных по преобразованию воспитательного процесса. Подводя итоги данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Большинство преосвященных выступало за проведение реформ в области постановки административного процесса духовных семинарий. Однако, несмотря

²³³ Там же.

²³⁴ Там же, С. 883.

на это, после публикации материалов «Отзывов» стало очевидно, что по многим спорным вопросам епископат не имел единой точки зрения, а разделился на те или иные группы.

2. Одним из ключевых и одновременно спорных вопросов стала задача по решению проблемы сословной замкнутости духовного образования. Это предполагало решение вопроса о типе будущей семинарии.

а) В среде епископата по этому поводу можно выделить две группы преосвященных, которых мы наименовали «умеренными» и «радикальными» реформаторами. Первые предлагали сохранить исторический тип духовной школы, реформируя ее согласно положениям устава 1867 года.

б) Вторые выступали за полное разделение общего и духовного образования в составе единой духовной школы. Эти реформаторы предлагали упразднить имеющиеся семинарии и училища, учредив вместо них средние учебные заведения для детей духовенства и пастырские курсы для подготовки священнослужителей, устроив их на принципах устава 1867 года. В среде «радикальных» реформаторов можно выделить 3 фракции иерархов.

с) По нашему мнению, наиболее оптимальный и эффективный проект из всех предложила вторая фракция «епископов-радикалов». Их преобразования практически не воспроизводили проблемы реформируемой духовной школы, но и во многом решали их. В частности, он решал следующие проблемы: устранял сословную замкнутость и двойственность целей духовного образования; позволял сформировать учебные программы семинарий в единую целую систему, а также привести их в соответствие с возрастными особенностями учащихся; в определенной мере облегчал учебную нагрузку на учащихся и преподавателей.

д) Вместе с тем этот проект требовал значительной поддержки со стороны государства и церковных властей. В противном случае данный план преобразований в основных своих положениях был бы нивелирован. Что касается

других планов по преобразованию духовной школы, то они во многом повторяли проблемы, сформированные предыдущими семинарскими уставами.

3. Для того чтобы преодолеть разнь между педагогами и воспитанниками преосвященными был предложен следующий комплекс мер:

а) Прекратить практику частой смены начальствующих лиц по причине ее деструктивного влияния на качество постановки учебно-воспитательного процесса в духовной школе. При выборе на руководящую должность в первую очередь стоит руководствоваться личностными качествами кандидата, а не его принадлежностью к белому или черному духовенству;

б) Для того чтобы оптимизировать поиск достойных кандидатов многие преосвященные выступали за расширение прав преподавательских корпораций вплоть до предоставления им возможности выбора кандидата на должность ректора. Наиболее компромиссным проектом в этом отношении являлся план архиепископа Казанского Димитрия (Самбикина), который предложил предоставить право выбора кандидата делегату от учебной корпорации, епархиальному духовенству, местному архиерею, а окончательное решение об избрании оставить во власти Святейшего Синода.

2.4. Дискуссия о типе духовной школы по материалам Предсоборного Присутствия

В 1905 году Святейший Синод выступил с предложением о созыве Поместного Собора, на что получил Высочайший ответ в форме учреждения церковного органа Предсоборного Присутствия, главной задачей которого являлось проведение «всякого рода подготовительных к Собору работ, в коих может оказаться необходимость»²³⁵. Основной целью Предсоборного Присутствия являлась подготовка материалов к предстоящему Поместному Собору. В работе данного органа приняли участие видные иерархи и церковные деятели того

²³⁵ Цит. по: *Воронец Е. Н.* Почему не созывается Всероссийский Церковный Собор? / Санкт-Петербург: Лань, 2014. С. 3.

времени, которые рассмотрели ряд различных проблем и высказали предложения по их решению. Деятельность Предсоборного Присутствия была разделена на семь отделов. Проблемы духовно-учебных заведений и проекты их решения были рассмотрены V Отделом под руководством епископа Псковского Арсения (Стадницкого). Одна из ключевых задач, которая стояла перед участниками заседаний заключалась в необходимости решения вопроса о типе духовной школы. Его суть состояла в решении следующего вопроса: целесообразно ли совмещать в семинарии общеобразовательную и духовную школы, или же их необходимо отделить друг от друга²³⁶. Вопросы о типе духовной школы обсуждались с 1 по 4, 7 и 13 заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия. В этой связи в данном параграфе будет рассмотрена дискуссия по вопросу о типе духовной школы и проанализированы проекты решения данной проблемы.

Епископ Арсений (Стадницкий) в своей вступительной речи к присутствующим обозначил данный вопрос в качестве основной проблемы духовного образования того времени и призвал коллег к его обсуждению. Помимо этого, преосвященный председатель справедливо указал на то, что эта проблема не должна рассматриваться в отрыве от церковно-общественной жизни: «Вопрос о духовной школе должен быть рассматриваем в связи с общим строением церковной жизни»²³⁷. В противном случае, по мнению иерарха, любые попытки по решению этой проблемы обречены на провал. Заседатели с готовностью восприняли призыв владыки Арсения к обсуждению вопроса о типе духовной школы. Участников прений можно условно разделить на две группы.

Первые, в основном профессора, не имеющие священного сана, выступали за разделение духовной школы на общеобразовательную и богословскую школы, а также за последующую их трансформацию в духовную гимназию и пастырскую школу соответственно. Тогда как другая часть заседателей, преимущественно в священном сане, высказывалась в пользу сохранения традиционного типа духовной школы с учетом конструктивных и положительных аспектов устава 1867

²³⁶ См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 6.

²³⁷ Там же, С. 3.

года. Суть их предложений емко выразил профессор С.Т. Голубев следующей фразой: «Добрая старина должна быть соединена с жизнеспособной новизной»²³⁸. В дальнейшем представители первой партии будут именоваться «реформаторами»²³⁹, а их оппоненты «консерваторами»²⁴⁰. Данное деление носит условный характер и обозначает позицию того или иного члена только по вопросу о типе духовной школы в данной дискуссии. Стоит отметить, что представители обоих течений в своих предложениях и проектах имели главной целью соблюдение интересов Церкви. Однако понимание, в чем эти интересы заключились, было диаметрально противоположным. Это станет очевидно после обзора точек зрения каждой из сторон. Теперь обратимся к аналитике позиций каждой из сторон дискуссии и после этого сравним их между собой.

Первый аргумент реформаторов в защиту своей позиции заключался в широком понимании задач духовной школы. Так, например, профессор Н.Н. Глубоковский в своем выступлении отмечал, что «задача духовной школы заключается не в том только, чтобы готовить пастырей... Эта задача шире: она состоит в том, чтобы воспитывать в христианском духе всех верующих чад, и потому для школы важно не одно профессиональное, но и общее образование»²⁴¹. Согласно его проекту, традиционная духовная школа должна была быть разделена на христианско-гуманитарную и специально-пастырскую школы. По мысли профессора Н.Н. Глубоковского, христианско-гуманитарные школы должны были находиться в ведении Церкви и давать общее образование представителям всех сословий, в том числе и детям духовенства. Данные школы могли одновременно послужить как для подготовки учащихся к поступлению в семинарию, так и в

²³⁸ Там же, С. 15.

²³⁹ К их числу мы отнесли следующих участников V отдела: профессор С.Т. Голубев, профессор Н.Н. Глубоковский, профессор А.И. Алмазов, профессор И.С. Бердников, профессор В.Ф. Певницкий, профессор Н.И. Ивановский, общественный деятель Ф.Д. Самарин. Среди «реформаторов» был один священнослужитель: протоиерей Феодор Титов.

²⁴⁰ К их числу мы отнесли следующих участников V отдела: епископ Арсений (Стадницкий), профессор - протоиерей Павел Светлов, протоиерей Константин Левитский, протоиерей Алексей Мальцев, протоиерей Александр Рождественский, профессор А.И. Бриллиантов, профессор В.З. Завитневич, профессор М.А. Машанов, профессор В.И. Несмелов, профессор Н.П. Аксаков, член-ревизор Учебного комитета Д.И. Тихомиров, профессор И.С. Бердников.

²⁴¹ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 6.

светские учебные заведения. Таким образом Н.Н. Глубоковский предлагал решить проблему сословной замкнутости духовной школы. Именно поэтому он так широко рассматривал задачи духовной школы. По той же причине он не видел проблемы в потенциальном оттоке кадров из духовного сословия в мир. Говоря иными словами, для него это было неизбежным следствием «раскрепощения» духовной школы и реализации права на самоопределение для детей духовенства. К тому же профессор Н.Н. Глубоковский видел в этом процессе позитивные стороны. Во-первых, по его мнению, семинарии в таком случае комплектовались бы из людей, добровольно избравших путь пастырства, что не могло не сказаться положительно на состоянии духовных школ. Во-вторых, как утверждал сам профессор, «пусть из духовных школ некоторые питомцы уходят на другие поприща; но и о них мы все-таки не можем сказать, что они не наши, что они потеряны для Церкви, ибо служат ей же и на других жизненных путях»²⁴². В этом же ключе высказывался профессор В.З. Заветневич, который предлагал умножить количество христианских гимназий на территории Российской империи и сделать в них особый акцент на гуманитарном образовании. По его мнению, это позволило бы духовной школе гораздо эффективнее исполнить свою профессиональную задачу по подготовке будущих пастырей и в тоже время в полной мере реализовать свою образовательную миссию по просвещению верующих²⁴³.

Священник Александр Рождественский и профессор Н.П. Аксаков полагали, что реализация этого проекта ко всему прочему позволила бы, во-первых, подготовить верующих к грядущим реформам церковной жизни; во-вторых, самим пастырям стать более близкими к верующим; в-третьих, решить проблему финансирования данных школ. В начале XX века на страницах официальных и публицистических изданий широко обсуждалась необходимость реформирования различных аспектов церковной жизни. С целью выработки проектов решения данных проблем неоднократно проводились заседания духовенства и мирян. Одним из самых резонансных стал вопрос о расширении степени влияния мирян на

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

положение дел в церковной жизни, а также вопрос о возможности реализации принципов соборности Церкви. Наиболее очевидно эти проблемы проявились во время прений по поводу состава будущего Поместного Собора. Протоиерей Георгий Флоровский выразил данную дилемму следующим образом: «Должен ли собор состоять из одних только епископов, или представителей клира и мирян»²⁴⁴. Как показала история церковным деятелям удалось найти правильное соотношение между соборным и иерархическим началом, что выразилось в деятельности Поместного Собора 1917–1918 гг. Однако дальнейшая реализация данных принципов была бы невозможна без просвещения мирян, также, как и невозможна правильная рецепция церковным народом тех реформ, которые обсуждались в начале XX столетия. Таким образом, можно сказать, что первый довод в пользу широкого понимания задач духовной школы, выраженный священником Александром Рождественским и профессором Н.П. Аксаковым, имел под собой определенные основания.

Сущность их второго довода состояла в указании на отсутствие живой связи между духовенством и мирянами, в том числе обусловленное в том числе и схоластическим характером богословского образования. Священник Александр Рождественский в своем выступлении отметил следующее: «Наше духовенство отделено от своей паствы каменной стеной. И народ бежит от Церкви, ища удовлетворения своим религиозным потребностям вне ограды церковной. В создании такой стены виновата отчасти и наша школа, и чем больше мы будем культивировать в ней элемент богословско-схоластический, тем стена будет все толще»²⁴⁵. Во многом мы разделяем последний тезис о схоластичности духовного образования того времени. Как уже было показано в предыдущей главе дореволюционное духовное образование во многих своих аспектах не соответствовало запросам своего времени. Вполне естественно, что это приводило к тому, что Церковь с течением времени утрачивала свой авторитет среди верующих и предоставляла широкое поле для деятельности светским властителям

²⁴⁴ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. С. 469.

²⁴⁵ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 6–7.

дум. В этих обстоятельствах, по мнению профессора В.З. Завитневича, необходимо было привлечь в церковные школы как можно большее количество рядовых верующих для того, чтобы вооружить их соответствующими знаниями против различных секулярных течений. Согласно его точке зрения, это позволило бы восстановить пошатнувшийся учительный авторитет Церкви среди народа, а также, как выражался профессор «обновить нашу интеллигенцию»²⁴⁶.

Что касается третьего довода в пользу широкого понимания задач духовного образования, то он состоял в том, что в случае учреждения так называемых христианско-гуманитарных школ Церкви удастся решить вопрос по финансированию общеобразовательных школ для духовенства. С данной идеей выступил Н.П. Аксаков²⁴⁷. Он полагал, что в новые школы удастся привлечь широкие массы народа, поскольку она будет всеобщей. По его мнению, расширение образовательной миссии Церкви среди народа повлечет за собой приток финансовых средств как со стороны государства, так и со стороны простого народа. Данную мысль развил в своем выступлении профессор В.З. Завитневич. Он утверждал следующее: «Нужно поднять народ, и если из народа будем набирать кандидатов в школы, то привлечем симпатии народа. Из народа охотнее пойдут в пастыри»²⁴⁸. Аналогичную идею можно встретить в выступлении профессора Н.Н. Глубоковского²⁴⁹.

Профессор А.И. Алмазов полагал, что «существование средних школ с одновременной двойственной их задачей станет невозможным. Выдвигаемые жизнью все большие и большие требования от среднего общего образования, несомненно, в близком времени потребуют изучения в этих школах столь обширного цикла общеобразовательных предметов, при должном изучении которого не останется места для усвоения еще предметов специального характера»²⁵⁰. Он считал, что необходимо территориально разделить духовную

²⁴⁶ Там же, С. 8.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 54.

²⁵⁰ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 69.

школу на общеобразовательную и пастырскую. Первая, согласно его проекту, будет именоваться гимназией духовного ведомства. Она будет представлять собой самостоятельное учебное заведение с 8-летним курсом, соответствующим программам светских средних школ. В первую очередь она будет предназначена для детей духовенства, но в случае дефицита кадров в нее могут поступать иносословные при условии внесения платы за обучение. Подготовкой будущих священнослужителей, по мысли профессора А.И. Алмазова, будут заниматься так называемые «пастырские семинарии». Их программа будет состоять из трех курсов. Доступ в данное учебное заведение могли иметь не только выпускники гимназий духовного ведомства, но и представители иных сословий, получившие среднее образование при условии успешной сдачи экзаменов по специальности. В данном случае обучение для всех бесплатное²⁵¹.

Среди сторонников учреждения христианско-гуманитарных школ были и те, кто констатировал в своих отзывах определенную ограниченность данного проекта. В частности, протоиерей Феодор Титов, ссылаясь на пример деятельности униатских семинарий, расположенных на территории Галиции, в ином ракурсе рассматривал необходимость создания духовной гуманитарной школы. Чтобы лучше понять позицию данного автора необходимо обратиться к краткому очерку структуры духовного образования в Галиции. Согласно сведениям протоиерея Феодора Титова, будущие униатские пастыри получали начальное и среднее образование в государственных школах. После чего они одновременно поступали в высшее светское учебное заведение на богословский факультет и Львовскую духовную семинарию, именуемую в простом народе академией. По словам протоиерея Феодора Титова, галицкая семинария, расположенная во Львове, «представляет, собственно, учебный пансион, в котором академики живут и занимаются изучением некоторых практических предметов, например, литургики, церковного устава, каноники»²⁵². Необходимым условием поступления в семинарию являлось наличие аттестата зрелости. Доступ в данную духовную

²⁵¹ Там же, С. 70.

²⁵² Там же, С. 99.

школу имели представители всех сословий, но по утверждению протоиерея Феодора Титова в ней преимущественно обучались дети духовенства²⁵³. «Особенности в строе и жизни греко-католической галицкой духовной семинарии явились результатом двойственного влияния: римско-католического и общегосударственного австрийского порядков в учебном-воспитательном деле»²⁵⁴ – утверждал протоиерей Феодор Титов в своей книге, посвященной галицкому духовенству. По окончании своего обучения кандидаты в священник сан проходили специальный экзамен перед испытательной комиссией и уже по его результатам допускались до служения. В результате такой подготовки, согласно сведениям протоиерея Ф.И. Титова, священники становились не только хорошими пастырями, но и широко привлекались к общественной жизни. Исходя из данной практики подготовки галицких семинаристов, протоиерей Феодор Титов полагал, что целесообразно территориально разделить имеющиеся духовные семинарии на общеобразовательные и пастырские школы. Первые должны будут включать в себя низшую и среднюю школы с 8-летней программой обучения. По утверждению протоиерея Феодора Титова, данная школа «должна быть устроена так, чтобы, с одной стороны, переход воспитанников ее в другие низшие и средние школы (гимназии, реальные училища и т. п.), равно как и прием учеников этих последних в различные классы духовной школы был свободен и возможен»²⁵⁵. Что касается пастырских школ, то, по его мнению, они в первую очередь должны быть тесно связаны с общеобразовательными школами духовного ведомства. Курс их будет составлять 2 или 3 года. Согласно проекту протоиерея Феодора Титова, для студентов из светских учебных заведений должен быть устроен подготовительный класс, где они смогли бы восполнить пробел в богословских дисциплинах. Он категорически настаивал на том, что пастырские школы должны быть территориально разделены с общеобразовательными 8-классными учебными заведениями. Данное требование протоиерея Феодора Титова обосновывал

²⁵³ См.: там же, С. 100.

²⁵⁴ *Титов Ф., свящ.* Русское духовенство в Галиции: (Из наблюдений путешественника). Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира 1903. С. 9–10.

²⁵⁵ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 48.

следующим образом. Во-первых, этому способствовало различие конечных целей вышеуказанных заведений. Во-вторых, значительная разница в возрасте между воспитанниками той и другой школы, что в случае совместного обучения, могла привести к практическим проблемам в области постановки воспитательного процесса.

Проектируемая духовная школа должна быть устроена согласно принципам устава 1867 года и готовить образованных кандидатов для священнослужения, из которых специальной комиссией будут избираться достойные пастыри. В тоже время протоиерей Феодор Титов утверждал, что даже при таком устройстве духовной школы такая проблема как отток потенциальных кадров не будет решена по причине низкого социального положения духовенства. «Какое бы образование человек ни получил, но он затрудняется идти в священники вследствие жалкого положения нашего пастырства»²⁵⁶ – отмечал в своем выступлении протоиерей Феодор Титов. Он, в отличие от своих единомышленников, по вопросу о типе духовной школы констатировал нецелесообразность каких-либо реформ семинарий в отрыве от преобразования церковной жизни в целом и жизни духовенства в частности.

Обратный пример из опыта зарубежных инославных духовных школ привел в своем выступлении профессор Н.Н. Глубоковский. В частности, он указал на положение дел католических семинарий во Франции. По его мнению, их система духовного образования во многом была аналогичной отечественной. До начала XIX века во Франции существовала единая духовная школа, но декретами 1809 и 1811 гг. она была разделена на «семинарии малые» и «семинарии большие»²⁵⁷. Изначально задача «малых семинарий» заключалась в предоставлении будущим священнослужителям светского образования. Однако по причине выгодных условий обучения в нее поступали люди, которые не желали получать духовного образования и становиться священнослужителями. В результате в скором времени эти учреждения потеряли связь с так называемыми «большими семинариями».

²⁵⁶ Там же, С. 9.

²⁵⁷ Там же, С. 56.

Согласно статистическим сведениям профессора Н.Н. Глубоковского, за 1894 год, свое обучение в пастырских школах после «малых семинарий» продолжило не более 20 процентов от общей массы выпускников²⁵⁸. Исходя из этого факта профессор утверждал следующее: «Важный для нас вывод заключается в том, что даже католичество, умеющее овладевать питомцами до полного порабощения своим интересам, было не в силах сделать общеобразовательную школу пригодной для пастырских потребностей и теперь почерпает контингент священнослужителей преимущественно из свободных соискателей в среде зажиточного крестьянства и буржуазии, для которых это поприще является лестным и завидным»²⁵⁹. В свою очередь в «больших семинариях» на протяжении шести лет изучались одни лишь богословские дисциплины, что, по мнению профессора Н.Н. Глубоковского, вело к узкому и схоластическому мышлению. В конечном итоге, он резюмировал свое выступление по данному поводу следующим образом, «пастырское образование должно созидаться на законченном общем обучении»²⁶⁰.

Ф.Д. Самарин поддержал проект христианско-гуманитарных школ и предложил способ их финансирования. Он полагал, что материальную поддержку данным школам может оказать государство в форме различных пособий. Также он не исключал и участия Церкви в субсидировании этих образовательных учреждений, но при этом отмечал, что «церковные сборы, конечно, пойдут прежде всего на устройство церковно-практических школ, а общеобразовательные будут содержаться на остатки от этих сборов»²⁶¹. Также Ф.Д. Самарин предполагал, что в случае реализации вышеозвученного проекта многие родители предпочтут такую школу имеющимся светским учебным заведениям. Это в свою очередь позволит рассчитывать на то, что в христианско-гуманитарных гимназиях «будет значительное число платных воспитанников, которые дадут средства для содержания школы»²⁶².

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же, С. 57.

²⁶¹ Там же, С. 22.

²⁶² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 22.

Практически все сторонники христианско-гуманитарной школы в качестве источников их материального обеспечения указывали на помощь со стороны Церкви, государства и родителей. В качестве оценки возможности субсидирования данных школ со стороны Церкви можно привести следующие слова профессора В.И. Несмелова: «Пастырские школы обязательно потребуют для себя и необходимых зданий, и необходимых средств, и если они, как специальные церковные школы, водворятся в существующих семинарских зданиях и поглотят на свое содержание ассигнуемые на содержание духовных семинарий денежные средства, то само собой разумеется, что проектируемые светские гимназии духовного ведомства должны будут оказаться существующими только в проектах»²⁶³.

В итоге совокупность доводов реформаторов в пользу широкого понимания задач духовной школы можно резюмировать следующим образом. Реализация данного проекта с точки зрения реформаторов позволила бы решить проблему сословной замкнутости духовной школы, улучшить качество богословского образования мирян и тем самым подготовить их к будущим церковным реформам, преодолеть барьер непонимания между духовенством и народом, увеличить финансирование духовных школ.

Что касается позиции консерваторов по данному вопросу, то они в большинстве своем негативно отреагировали на проект своих оппонентов. Прежде чем обратиться к их контраргументам, стоит отметить, что преосвященный председатель в своем выступлении положительно отнесся к идее учреждения христианско-гуманитарных школ, однако в качестве недостатка этого проекта указал на то, что такая школа «едва ли даст достаточный контингент пастырей»²⁶⁴. Во избежание подобной ситуации епископ Арсений (Стадницкий) предложил учредить наряду с христианско-гуманитарной школой учебное заведение главная задача которого будет состоять в подготовке «пастырей для народа»²⁶⁵. В конечном

²⁶³ Там же, С. 59.

²⁶⁴ Там же, С. 25.

²⁶⁵ Там же.

итоге, согласно его проекту, гимназии будут комплектовать духовенством городские храмы, а подобного рода школы предоставлять кадры для сельских приходов. При этом преосвященный ссылаясь на практику Румынской Православной Церкви, где до учреждения богословского факультета в Бухаресте «в сельские священники назначались лица, прошедшие 7-классную школу, а в городские 10 – классную»²⁶⁶. Положительную оценку этому предложению преосвященного председателя дал в своем выступлении священник Александр Рождественский.

Профессор - протоиерей Феодор Титов вступил в полемику с епископом Арсением (Стадницким). По его мнению, создание начетнических школ будет способствовать снижению общеобразовательного уровня сельского духовенства²⁶⁷. Это обстоятельство повлечет за собой снижение степени влияния пастыря на свою паству. Данное утверждение протоиерея Феодора Титова не лишено оснований. Как уже неоднократно было отмечено выше, в условиях смутного времени с одной стороны и повышения общеобразовательного уровня населения с другой стороны, священнику необходимо было обладать достаточным уровнем знаний и компетенций. В этом отношении примечательны слова протоиерея Павла Светлова о том, что «нужно, чтобы образование пастыря было не ниже среднего. И в деревнях существует теперь спрос на интеллигентных деятелей – пастырей. Наша деревня пробуждается, она не в диком состоянии»²⁶⁸.

В ответ на данные критические замечания епископ Арсений заметил следующее: «Я не говорю о священниках начетчиках как о желательном типе священников. Повторяю, – я говорю о нем только как о временной мере. В Псковской епархии, равно как и в других, по необходимости приходится ставить в священники людей даже с низшим образованием. Что делать, когда у меня нет достойных кандидатов священства с семинарским образованием?»²⁶⁹. Данное утверждение епископа Арсения имело под собой определенные основания.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ См.: там же, С. 30.

²⁶⁸ Там же, С. 32.

²⁶⁹ Журналы и протоколы...Т. 2. С. 31.

Действительно, многие епархии в то время, несмотря на большое количество духовных школ в Российской империи, испытывали дефицит кадров. Так, например, исследователь Т.А. Павленко в своей диссертации на основании изучения отчетов 48 семинарий, предоставленных в V Отдел Предсоборного Присутствия, пришла к выводу о том, что «должности священнослужителей замещали иноепархиальные лица, семинаристы, не имеющие полного образования, дьяконы и псаломщики»²⁷⁰. По нашему мнению, подобные меры многих епархиальных архиереев были вынужденными. Не стоит забывать, что процесс широкого оттока выпускников духовных школ в светские учебные заведения начался еще во второй половине XIX века. Как уже сказано выше, этот процесс государство пыталось сдерживать разного рода ограничительными мерами. Несмотря на это, количество желающих покинуть духовное сословие при наличии такой возможности не сократилось. Об этом ярко свидетельствует факт повсеместной протестной активности семинаристов, одним из главных факторов которой являлась борьба против сословной замкнутости духовной школы. Также характерны в этом отношении следующие слова профессора В.И. Несмелова: «Лишение семинаристов однажды дарованного им важного права естественно вызвало с их стороны глухое раздражение и озлобление как на тяжкий гнет намеренной несправедливости к ним, так и на грубый способ насильственного закрепощения их в недрах духовного ведомства. И в течение четверти века это глухое раздражение возросло наконец до такой степени, что никакими актами новых насилий подавить его оказалось невозможным, и потому наши духовные семинарии влачат теперь такое жалкое существование»²⁷¹. Все это в своей совокупности приводило к тому, что многие епархии сталкивались с проблемой дефицита кадров. В этом отношении примечательна характеристика положения дел в региональных семинариях Правителя дел Учебного комитета А.В. Добрякова. В частности, он отмечал следующее: «Настоящая практика, особенно в Сибирских епархиях, такова, что семинарии не могут удовлетворить потребности епархий.

²⁷⁰ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 333.

²⁷¹ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 58.

Несмотря на увеличение приходов и духовенства, наши окраинные семинарии по-прежнему выпускают немного воспитанников. Семинаристы сейчас же расхватываются, а нужды епархии остаются неудовлетворенными»²⁷². В этих обстоятельствах иерархам было достаточно сложно предъявлять высокие требования к кандидатам в священник сан. В данном случае мы в первую очередь подразумеваем соответствие образовательному цензу, о котором говорил протоиерей Павел Светлов. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что большая часть архиереев вынуждена была руководствоваться прагматичными мотивами и зачастую рукополагать не получивших достаточного образования кандидатов. В этой связи в данной дискуссии более объективной и реалистичной была точка зрения епископа Арсения (Стадницкого).

В определенной мере оригинальным был проект профессора И.С. Бердникова, который предлагал «компромиссную» концепцию структуры духовного образования. В отличие от большинства своих единомышленников он считал возможным сохранение училищ и семинарий вместе с учреждением так называемых епархиальных богословских школ. Стоит отметить, что в данном случае суммарно курс училищ и семинарий составлял бы суммарно 7 лет²⁷³. Их программы должны были соответствовать программам светских учебных заведений. Это обстоятельство, по мысли профессора И.С. Бердникова, нежелающим становиться на путь пастырства дало бы возможность выхода в высшие светские учебные заведения для нежелающих становиться на путь пастырства, а будущим священнослужителям – высокий уровень знаний по общеобразовательным дисциплинам. «Окончание курса в духовной семинарии должно давать права, соединенные с аттестатом средних учебных заведений Министерства Народного Просвещения», – утверждал профессор И.С. Бердников. Духовные семинарии и училища должны быть открыты для представителей всех сословий. Вместе с тем предпочтение и определенные привилегии в таких учебных заведениях будут даны детям из духовного сословия. Иносословным, в отличие от

²⁷² Там же, С. 32.

²⁷³ 4 года в училище и 3 в семинарии.

своих сверстников из духовного сословия придется платить за обучение и проживание в этих школах. Последнее можно отнести и к богословским епархиальным школам. Однако их основная задача уже будет заключаться в подготовке будущих пастырей. Их курс обучения будет составлять 3 или 4 года. По утверждению профессора И.С. Бердникова, программы таких учебных заведений могут измениться в соответствии с епархиальными нуждами. «Например, в епархиях с инородческим населением – при волжских, сибирских, кавказских – необходимо в курс богословской школы должно входить преподавание инородческих языков, знание которых так важно для священника в деле религиозного назидания и просвещения инородцев»²⁷⁴. Помимо этого, он предложил взимать плату за обучение и содержание с выпускников епархиальных богословских школ в том случае, если они не приняли священный сан. По нашему мнению, реализация данной меры могла конструктивным образом отразиться на качестве учебно-воспитательной подготовки выпускников духовных школ. Говоря иными словами, такие превентивные меры позволили бы абитуриентам пастырских школ ощутить всю ответственность своего выбора и предохранить ее от нежелательных элементов. Последнее в свою очередь позволило бы Церкви сэкономить значительное количество финансовых средств, на немалую часть которых зачастую содержались «студенты-невольники». Это станет очевидно если обратиться к вышеприведенным статистическим данным о кадровом кризисе. В результате, по нашему мнению, данную идею профессора И.С. Бердникова целесообразно было бы интегрировать в практику традиционных духовных школ.

Что касается позиции консерваторов по поводу широкого понимания задач духовной школы, то некоторые из них подобно своим оппонентам рассматривали задачи духовной школы. Например, профессор - протоиерей Павел Светлов утверждал, что семинарии, помимо реализации своих традиционных задач²⁷⁵, должны были предоставлять религиозное образование светским студентам. Согласно проекту отца Павла, духовная школа может успешно совмещать в себе

²⁷⁴ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 50.

²⁷⁵ Имеется ввиду предоставление общего образования детям духовенства и подготовка будущих пастырей.

реализацию трех этих задач в том случае, если она будет устроена по уставу 1867 года. Религиозное образование для светских студентов будет сосредоточено в последних двух классах семинарии, где будут обучаться будущие пастыри. По мысли протоиерея Павла Светлова, реализация данного проекта была необходима потому, что преподавание «Закона Божия в гимназиях нельзя назвать серьезным, в университетах поставлено оно также неудовлетворительно... В светской школе такое образование, быть может, будет стеснено»²⁷⁶. Во многом можно согласиться с тем, что преподавание Закона Божия в светских учебных заведениях было поставлено неудовлетворительно. Об этом писали как светские, так и церковные писатели²⁷⁷. К тому же протоиерей Павел Светлов утверждал, что в случае разделения духовной школы получение религиозного образования для светских студентов в пастырских школах будет непривлекательным по причине их особого воспитательного режима. В связи с этим он констатировал: «Ошибочно думать, что для готовящихся к пастырству необходим особый режим, начинающийся с молодых лет... И незачем, поэтому, связывать не расположенных к пастырству особым режимом»²⁷⁸.

Вопрос о необходимости подготовки будущих пастырей к служению с раннего возраста заочно обсуждался в отзывах преосвященных. В ходе прений был выдвинут проект²⁷⁹ пастырской школы, в которой обучались и воспитывались бы с ранних лет представители всех сословий. Данный проект не получил поддержки среди епископата. Большая часть преосвященных наоборот высказалась за повышение возрастного ценза абитуриентов духовных семинарий. В этой связи можно согласиться с первым утверждением протоиерея Павла Светлова об ошибочности ранней подготовки учащихся к пастырству. В тоже время достаточно противоречивым представляется его суждение о том, что не стоит обременять

²⁷⁶ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 8–9.

²⁷⁷ См.: Розанов В. В. Собрание сочинений. Около церковных стен. М.: из-во Республика, 1995. Т. 1. С. 71; Антипенко Н., священник. Проблемы преподавания Закона Божия в начале XX в. (по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.)) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 40.

²⁷⁸ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 8–9.

²⁷⁹ За данную программу высказался епископ Екатеринбургский Владимир (Соколовский-Автономов), отдельные представители духовенства, входившие в епархиальную комиссию Симбирской епархии, а также член комиссии Олонецкой духовной консистории ректор семинарии архимандрит Фаддей в своем особом мнении.

церковным режимом ту часть воспитанников, которые не желали принимать священный сан. Сложно отрицать справедливость этого тезиса, однако в рамках его же воззрений о задачах духовной школы это было невозможно. Не ясно, каким образом он предполагал совместить в проектируемой школе три задачи и при этом не ущемить интересов ни одной из трех категорий учащихся. В частности, каким образом он предполагал совместное обучение будущих пастырей и сыновей духовенства, желающих уйти на светских путь, на первых курсах семинарии при двух разных воспитательных режимах. Исходя из материалов полемики преосвященных по данному поводу можно утверждать, что при таком устройстве духовной школы было практически невозможно внедрить оптимальный как для общеобразовательного, так и для пастырского отделения воспитательный режим²⁸⁰. Проект протоиерея Павла Светлова при определенных положительных сторонах имел ряд недостатков и не мог конструктивным образом изменить сложившихся проблем учебно-воспитательного процесса духовных школ.

С обстоятельной критикой проекта создания духовной гуманитарной школы выступил член-ревизор Учебного комитета Д.И. Тихомиров. Стоит отметить, что указанный автор за год до заседаний V отдела Предсоборного Присутствия опубликовал брошюру под названием «О реформе духовной школы». Главные тезисы данной публикации были изложены им в его выступлении. В первую очередь ревизор Д.И. Тихомиров указал на то, что в случае учреждения духовных гимназий и пастырских школ в последних не будет достаточного количества учащихся. По его мнению, подобный кадровый кризис мог быть обусловлен несколькими причинами. Сложно было представить, что получившие свободу выбора дети духовенства, после окончания средней школы в массовом порядке изберут 3-х летние пастырские школы вместо 4-летнего курса светских учебных заведений. В тоже время надеяться на то, что представители других сословий пополнят контингент учащихся пастырских школ было достаточно сложно. Во

²⁸⁰ См.: *Иннокентий, еп.* Мысли по поводу предстоящей церковной реформы // Известия братства Православной Церкви в Китае. 1905. Выпуск 17-18. С. 4.

второй половине XIX века они имели возможность²⁸¹ свободного доступа в семинарии, но несмотря на это они не заполнили своим присутствием даже те семинарии, где был кадровый кризис, не говоря уже о тех духовных школах, которые его не испытывали. Ввиду этих обстоятельств в проектируемых пастырских школах действительно мог возникнуть кадровый дефицит.

Среди членов V отдела были и те, кто полагал, что прогнозы о грозящем духовной школе кризисе кадров были несколько преувеличены. Священник Александр Рождественский в своем выступлении высказал точку зрения о том, что сокращение учащихся, желающих принять священный сан, является временным явлением, возникшим в результате общественных движений в стране. По его мнению, некорректно было брать за основу в подобного рода прогнозах период смутного времени в жизни русского государства по причине его специфического и неординарного влияния на общество. С точки зрения отца Александра, отправной точкой для таких прогнозов должны были послужить предреволюционные статистические данные о динамике заполняемости священнических и церковнослужительских вакансий выпускниками духовных школ. Согласно его утверждению, в конце XIX века сложно было вести речь о каком-либо кадровом дефиците²⁸². Однако, как уже было показано выше, все же таковой кризис имел место и процесс оттока кадров из духовного сословия начался задолго до смутного времени. В этой связи достаточно сложно согласиться с вышеприведенной аргументацией священника Александра Рождественского.

Возвращаясь к критическим замечаниям член-реvisора Учебного комитета Д.И. Тихомирова, стоит отметить, что в качестве недостатка проекта духовных гимназий он указывал на его не разработанность с экономической точки зрения. Было не ясно, где разместятся эти учебные заведения, ведь пастырские школы должны быть устроены в зданиях имеющихся семинарий. Необходимо отметить, что под эти учебные заведения реформаторами первой группы планировалось отдать здания духовных училищ. Согласно точке зрения Д.И. Тихомирова, здания

²⁸¹ Речь идет о периоде с момента публикации Высочайшего указа от 26 мая 1869 года.

²⁸² Журналы и протоколы... Т. 2. С. 28

духовных училищ по причине своей «малости» функционально не могли послужить целям планируемых духовных гимназий. Но даже в том случае, если бы для духовных гимназий были найдены помещения, то было не ясно, кто взял бы на себя бремя финансирования этих учебных заведений. Церковь в данном случае взяла бы на себя обеспечение пастырских школ²⁸³. Государство, как выразился сам ревизор, «едва ли согласно будет давать средства на сословную школу для духовенства»²⁸⁴. По его мнению, государство согласилось бы финансировать эти школы при условии доступа в нее представителей всех сословий и религий. Но в таком случае, как верно заметил ревизор Д.И. Тихомиров, «она потеряет значение и для духовенства, которое лишится возможности без особых усиленных затрат воспитывать в ней своих детей, и для Церкви, нуждам которой она будет служить не более, как и всякая иная общеобразовательная школа»²⁸⁵.

По проекту самого ревизора Д.И. Тихомирова, курс духовного училища становится пятилетним и приравнивается окончанию пяти классов гимназий. Согласно его проекту, окончившие пятилетний курс обучения в училище имели возможность перехода без экзаменов в 6-й класс светской гимназии. Таким образом, по его мнению, можно было добиться того, чтобы в семинариях обучались лица, желающие послужить Церкви²⁸⁶. По мнению Д.И. Тихомирова, положительные стороны данного проекта заключались в том, что он позволял учащимся, не желающим становиться священнослужителями, выйти из духовной школы и поступать в светские учебные заведения, а также сформировать из семинарий специализированные духовные школы, главной задачей которых будет подготовка пастырей.

Некоторые участники заседания не согласились с его аргументами. Например, протоиерей Павел Светлов заметил, что для подготовки будущих пастырей недостаточно 5 классов общего образования. По его мнению, в условиях

²⁸³ См.: *Вознесенский Н. свящ.* К вопросу о преобразовании учебных курсов в наших духовных училищах и семинариях // *Вера и разум.* 1906. № 7. С. 356.

²⁸⁴ Там же, С. 10.

²⁸⁵ Там же, С. 11.

²⁸⁶ См.: там же.

того времени сокращение общеобразовательного курса дисциплин в духовных школах оказало бы негативное влияние на качество пастырского служения священнослужителей. Помимо этого, отец Павел также отметил, что в случае реализации проекта Тихомирова в пастырскую школу будут поступать лица, достигшие 16-летнего возраста: «В таком возрасте юноши могут поступать в пастырскую школу не вполне сознательно, и на половине курса они могут оказаться на распутье»²⁸⁷. В данном случае мы согласны с вышеозвученной точкой зрения. Действительно, достаточно сложно было ожидать от лиц в таком возрасте зрелого и взвешенного решения о своем будущем. К тому же, как показали материалы отзывов преосвященных, зачастую юный возраст воспитанников негативно отражался на качестве усвоения учебного материала²⁸⁸.

Против проекта ревизора Д.И. Тихомирова высказался профессор С.Т. Голубев. По его мнению, данный проект во многом защищает интересы той части духовенства, которая желала отправить своих детей на светский путь. Если говорить более конкретно, то профессор С.Т. Голубев полагал, что предполагаемое уравнение общеобразовательного курса дисциплин со светским гимназическим курсом есть не что иное, как «замаскированный прием воспользоваться капиталами Церкви для целей, если и не чуждых ей, то, во всяком случае, довольно отдаленных от нее»²⁸⁹. В данном случае профессор подразумевает следующее. Такие учащиеся оканчивали пятилетний курс духовных училищ, которые согласно проекту ревизора Д.И. Тихомирова, приравнивались бы первыми первым 5 курсам светских гимназий, а затем переходили бы в эти самые гимназии и на протяжении последующих трех лет получали бы светское среднее образование. При таком положении дел учащиеся и их родители в первые пять обучения существенно бы сэкономили финансовые средства за счет Церкви. Действительно, в случае реализации проекта Тихомирова Церковь взяла бы на себя бремя финансирования и обеспечения учащихся, которые не желали служить ей, а также существенно

²⁸⁷ Там же, С. 11; См.: Один из проектов духовно-учебной реформы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 39. С. 1649.

²⁸⁸ См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 858.

²⁸⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 15.

облегчила бы им путь выхода в светские учебные заведения. В результате, по утверждению профессора С.Т. Голубева, «означенный проект не удовлетворяет насущным потребностям Церкви, и защищать его можно или по недоразумению, или по сочувствию к указанной части духовенства»²⁹⁰.

Представитель Учебного комитета А.В. Добряков сделал одно замечание относительно доклада своего коллеги Д.И. Тихомирова. По его мнению, «семинарский курс в научном отношении выше гимназического»²⁹¹. В данном случае Добряков подразумевает общеобразовательный курс духовных семинарий. Действительно, в состав семинарской программы первых четырех классов входили такие предметы как физика, математика, всемирная и отечественная история, психология, философия, история литературы²⁹². При этом сам Добряков отмечал, что в светских гимназиях делается особый акцент на так называемых прикладных науках, тогда как в семинариях более изучались гуманитарные науки за исключением нескольких дисциплин. Можно сказать, что представитель Учебного комитета в вышеуказанном тезисе предполагал то, что изучение гуманитарных наук поставлено в духовных школах гораздо лучше, чем в светских гимназиях, а значит в этой сфере образовательной деятельности семинарии превосходят гимназии. В подтверждение своего тезиса о превалировании семинарского образования над светским гимназическим он привел следующий факт: «Ректорами всех почти университетов в 1895 году состояли бывшие воспитанники семинарий (Никитин, Некрасов, Будилович, Фортинский, Судаков и др.)»²⁹³. Также А.В. Добряков указал еще на то обстоятельство, что Министерство народного просвещения неоднократно обращалось в духовное ведомство «с просьбой о допущении семинаристов в университеты в виду именно их научной трудоспособности»²⁹⁴. Нам неизвестны сведения о подобного рода обращениях со стороны указанного Министерства в духовное ведомство, однако мы не исключаем

²⁹⁰ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 15.

²⁹¹ Там же, С. 20.

²⁹² См.: *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). С. 222.

²⁹³ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 20.

²⁹⁴ Там же.

того, что такого рода контакты имели место быть, исходя из следующего факта. В 80-х годах XIX века 32,4 % преподавателей светских учебных заведений были выходцами из духовного сословия²⁹⁵. Что касается сравнения гимназического и семинарского образований, то в данном случае можно привести слова Л. Манчестер, которая по этому вопросу высказала следующую точку зрения: «Хотя обучение в семинарии и будило критическое мышление, а также прививало учащимся навык составления письменных работ, в целом оно все же носило оттенок схоластики, оставалось более теоретическим и абстрактным, нежели обучение в гимназиях»²⁹⁶.

Профессор С.Т. Голубев во избежание коренного реформирования традиционной структуры духовного образования предложил сделать общеобразовательными первые два класса семинарий, а при переходе в III класс духовной школы учащиеся, согласно их волеизъявлению, будут распределяться по двум отделениям: пастырское и общеобразовательное²⁹⁷. Таким образом, семинария сохранит свое единство и целостность. «Но это единство механическое», – возразил преосвященный председатель. По нашему мнению, в данном случае замечание епископа Арсения было справедливым. Как уже было неоднократно показано выше совмещение в одном здании пастырской и общеобразовательной школ негативным образом скажется на учащих, которые будут там обучаться.

В продолжение дебатов о типе духовной школы между членами V отдела Предсоборного Присутствия состоялась дискуссия о том, целесообразно ли реформировать духовные семинарии согласно основным положениям устава 1867 года. В данном случае очевидно, что сторонниками такой формы изменений были консерваторы, тогда как ее оппонентами являлись представители реформаторов. Протоиерей Павел Светлов привел целый ряд доводов в пользу реформирования духовных школ согласно уставу 1867 года. Его первый аргумент состоял в том, что

²⁹⁵ Манчестер Л. Поповичи в миру... С. 282.

²⁹⁶ Там же, С. 213.

²⁹⁷ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 27.

«уравнением семинарского курса с гимназическим облегчится свободный выход из семинарии всем нецерковным элементам»²⁹⁸. В таком случае, по его мнению, семинарии освободились бы от так называемых «студентов-невольников». Во-вторых, посредством этого уравнивания курсов можно было сделать доступным богословское образование для студентов из светских духовных школ, что позволило бы в определенной мере преодолеть разобщенность между интеллигенцией и духовенством. В частности, отец Павел утверждал следующее: «Соединение богословских классов с общеобразовательными имеет религиозно-воспитательное значение, христианизует всю семинарию. У меня лично развился интерес к богословским наукам, благодаря общению с семинаристами-богословами»²⁹⁹.

В-третьих, он полагал, что общеобразовательный курс проектируемой семинарии предоставит учащимся достаточный уровень знаний для их будущего пастырского служения. И наконец, в-четвертых, по его мнению, с финансовой точки зрения для Церкви было выгоднее сохранить имеющийся тип духовной школы. Изложенные доводы поддержал профессор - протоиерей Феодор Титов. Однако далеко не все члены V отдела разделяли данную точку зрения. Более того, многие из них высказали свои критические замечания относительно предложенных аргументов в пользу устава 1867 года.

Протоиерей Константин Левитский в своем выступлении заметил, что «семинарии по уставу 1867 года не вырабатывали пастырского настроения, и если бы не ограничительные меры, то воспитанники не пошли бы в богословские классы»³⁰⁰. В данном случае под ограничительными мерами подразумевается в первую очередь указ императора Александра II от 20 марта 1879 года, текст которого был приведен в первой главе данного исследования. Его суть состояла в том, что выпускникам духовных школ перед поступлением в университеты необходимо было сдать экзамены либо в гимназии, либо в реальном училище. По

²⁹⁸ Там же, С. 17.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же, С. 18.

утверждению исследователя Л. Манчестер, «из-за разрывов в программах между церковными и светскими учебными заведениями дополнительные экзамены стали для семинаристов серьезным барьером на пути в университеты»³⁰¹. Помимо этого, в комплекс ограничительных мер для выпускников духовных школ входило сокращение для выпускников духовных школ доступа в светские учебные заведения. Стоит отметить, что подобный род мер практиковался семинарскими администрациями еще в начале 70-х годов XIX века. Данный процесс был обусловлен фактом массового оттока семинаристов в университеты. Для того чтобы убедиться в этом достаточно привести соответствующие статистические данные. Согласно данным доктора исторических наук С.В. Римского, количество семинаристов, обучавшихся в высших светских учебных заведениях после публикации устава 1867 года, составляло 46 процентов от общей массы учащихся духовных школ³⁰². К 1884 году, согласно данным Л. Манчестер этот показатель составлял 9 процентов³⁰³. На основании этого можно согласиться с вышеозвученным тезисом протоиерея Константина Левитского.

Д.И. Тихомиров отметил два недостатка в проекте протоиерея Павла Светлова. Во-первых, по его мнению, предложение отца Павла о реализации принципа сословности в духовной школе непрактично и самое важное неактуально по причине того, что согласно уставам 1867 и 1884 годов в духовную семинарию и училища принимались дети всех сословий. Несмотря на это, желающих поступить в духовную школы из светских сословий, особенно высших, было немного³⁰⁴. Действительно, согласно параграфу 6 уставов 1867 и 1884 годов в духовные семинарии сначала «по надлежащем испытании»³⁰⁵, а затем и на общих основаниях³⁰⁶ принимались представители всех сословий. В тоже время, согласно сведениям исследователя Л. Шалимовой, «в 1898/99 учебном году в семинариях

³⁰¹ Манчестер Л. Поповичи в миру... С. 258.

³⁰² Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 173.

³⁰³ Манчестер Л. Поповичи в миру... С. 258.

³⁰⁴ См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 19.

³⁰⁵ Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. С. 2.

³⁰⁶ См.: Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 2.

числились 19 511 учащихся, в том числе 4321 человек, или 22,2%, были иносословными – выходцами не из духовного сословия»³⁰⁷. Аналогичные статистические данные приводит в своей работе Т.А. Павленко, утверждая при этом, что «во многих семинариях число учеников из других сословий было значительно больше, превышало даже границу 20%»³⁰⁸. И наконец, в отчете о состоянии Ставропольской семинарии за 1904 год самого члена-ревизора Д.И. Тихомирова говорится следующее: «Иносословные часто не отличаются поведением, но правление семинарии ежегодно ходатайствует о приеме в семинарию сверх 10 % нормы»³⁰⁹. Исходя из этого, можно сказать, что иносословные в определенной мере пользовались предоставленной им возможностью поступать в духовные школы. Но вместе с тем количество иносословных в духовной школе, в общем и целом, не достигало даже трети от общей массы учащихся. При таком положении дел достаточно сложно говорить о реализации принципа сословности духовной школы в полной мере, за который выступал протоиерей Павел Светлов.

Также достаточно сложно отрицать правоту слов Д.И. Тихомирова о том, что в большинстве своем путь пастырства из иносословных выбирали представители низших слоев населения Российской империи. Так, например, в Санкт-Петербургской семинарии в 1902 году обучались 63 представителя иных сословий. Согласно отчету статского советника Петра Нечаева, «среди них дети чиновников – 21 человек, крестьян – 14, мещан – 8, ремесленников – 6, военных – 5, дворян – 1, прочих – 8»³¹⁰. В ревизионном отчете статского советника М.И. Савваитского за 1904 год о Саратовской семинарии приводятся следующие данные: «Всех учеников в семинарии числилось 435, из них 334 духовных и 101 (23,21%) иносословных (в частности 13 детей крестьян, 18 мещан, 12 купцов, 57 чиновников и 1 сын дворянина)»³¹¹. Данные статистические сведения можно рассмотреть с двух точек

³⁰⁷ Шалимова Л. Кризис системы духовного образования в России в начале XX века // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 54–55.

³⁰⁸ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 39.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Цит. по: Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 232.

зрения. Одна часть церковных авторов полагала, что представители низших слоев населения таким образом пытались повысить свой социальный статус или же получить доступ к бюджетному образованию, чтобы далее продолжить обучение в светских университетах. Так, например, в церковной периодике того времени можно было встретить подобного рода утверждения: «Иносословные элементы, поступающие в семинарию, принадлежат к низшему сословию – крестьянам, мелким горожанам, бедным чиновникам, рабочим, иногда купцам, словом, к тем кругам, для которых священник – лицо очень высокое по социальное лестнице»³¹². Аналогичную мысль высказывал в своем отзыве преосвященный Антоний (Храповицкий), который утверждал, что для крестьян духовная школа «представляет собой все соблазны, которые неизбежно соединены с переходом от бедности к (сравнительному) богатству, от ничтожества общественного к знатности, каковым, конечно, является в глазах крестьянина звание священника. Многие ли из крестьянских детей сохраняют взгляд на священство, как на подвиг, а не на лакомый кусок, как на служение ближним, а не собственное наслаждение?»³¹³.

В исследовании церковного публициста Д.И. Ростиславова под названием «О православном белом и черном духовенстве в России» говорится о том, что в глазах представителей низших сословий, «быт священника покажется не просто сносным, но даже завидным. Крестьяне укажут на роскошные дома и меблировку жилищ духовенства, которое, будучи землевладельцами, беспечно и живет за счет чужого труда и одевает своих жен и дочерей в дорогой шелк и ситец. Горожане в своем отзыве присоединятся к крестьянам: мещане, купцы и мелкие чиновники, сетуя на свою долю, расскажут о спокойной, сытой, безбедной жизни духовенства»³¹⁴. Стоит отметить, что Д.И. Ростиславов не разделял подобной точки зрения относительно духовенства, поскольку был родом из этого сословия и имел ясное представление о жизни и быте священства³¹⁵. Но все же вышеприведенные

³¹² Там же, С. 335.

³¹³ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 732.

³¹⁴ *Ростиславов Д. И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Лейпциг, 1866. Т. I. С. 1, 18–19.

³¹⁵ Там же, С. 9.

фрагменты свидетельствуют о том, что для представителей низших сословий статус священнослужителей был привлекательным с точки зрения относительного повышения материального достатка и социального положения. В свою очередь другая часть церковных авторов полагала, что представители низших сословий были самым религиозным элементом в обществе Российской империи. Так, например, в одной из проповедей святитель Макарий (Невский) утверждал, что «только низшее сословие пока держится унаследованной от предков верой и обычаями»³¹⁶.

По нашему мнению, в разной мере справедливыми были обе точки зрения. Достаточно сложно отрицать тот факт, что для представителей низших сословий сан священника был привлекательным с точки зрения относительного повышения материального достатка и социального положения. И некоторые из представителей иных сословий поступали в семинарию для реализации данных целей. В то же время не верно полагать, что большая часть иносословных при поступлении в духовную школу преследовала только лишь корыстные цели и руководствовалась прагматичными мотивами.

В качестве второго недостатка проекта протоиерея Павла Светлова Д.И. Тихомиров указал на то, что при имевшемся на тот момент распределении дисциплин в учебной программе духовных школ было сложно говорить о каком-либо религиозном влиянии семинаристов на светских студентов. Более того он утверждал, что «ученик IV класса духовной семинарии знает по Закону Божию значительно меньше ученика светской средней школы, знакомого и с небольшим курсом церковной истории, и с кратким курсом богословия (догматического, нравственного и основного)»³¹⁷. Если учитывать структуру распределения учебных дисциплин по курсу семинарской программы, то в вышеприведенных словах нет ничего удивительного. Действительно, что в первых четырех классах духовной школы семинаристы больше изучали светские дисциплины. Богословские науки в

³¹⁶ Цит. по: Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. С. 111.

³¹⁷ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 19.

основном были сосредоточены на последних курсах семинарии. В свою очередь в программы средних учебных заведений Министерства Народного Просвещения входили следующие дисциплины: священная история Ветхого и Нового Заветов, богослужение христианской Православной Церкви с объяснением церковных песнопений, пространный православный катехизис, история христианской и русской Церкви, вероучение Православной Церкви³¹⁸. Исходя из этого можно заключить, что учащиеся первых четырех классов духовных школ обладали гораздо меньшими компетенциями в области православного вероучения в отличие от своих сверстников из светских учебных заведений. По этой причине сложно согласиться с точкой зрения протоиерея Павла Светлова о том, что совместное обучение семинаристов и гимназистов будет способствовать религиозному просвещению последних. В свою очередь приведенные критические замечания Д.И. Тихомирова можно считать аргументированными и объективными.

В заключение III заседания на обсуждение были вынесены вопросы Д.И. Тихомирова о реформе духовной школы. По его собственному мнению, составленные им вопросы «поставлены совершенно объективно и ими обнимаются все выяснившиеся во время заседаний собрания главные точки зрения на реформу духовной школы и каждый свободно может избрать себе такое решение, которое представляется ему наиболее правильным»³¹⁹. Однако далеко не все члены V отдела были удовлетворены формулировкой и содержанием этих вопросов. В результате участники прений решили предоставить каждому члену право на изложение собственного видения будущей реформы духовных семинарий. Свои точки зрения по данному вопросу в форме докладов изложили следующие члены V отдела: протоиереи Павел Светлов и Феодор Титов, профессора В.И. Несмелов, И.С. Бердников, В.Ф. Певницкий, Н.Н. Глубоковский, В.З. Завитневич и А.И. Алмазов³²⁰. В данном случае мы не будем подвергать анализу каждый тезис выступлений вышеперечисленных докладчиков. Вместо этого приведем наиболее

³¹⁸ См.: Синельников С. П. Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/453126> (дата обращения 12.07.22).

³¹⁹ Там же, С. 36.

³²⁰ См.: там же, С. 40.

интересные положения из этих докладов, продемонстрируем реакцию на них участников прений, а также проанализируем их с целью выявления слабых и сильных сторон тех или иных проектов.

По нашему мнению, информативным представляется доклад профессора В.И. Несмелова. Он выступил против деления духовной школы на пастырскую и общеобразовательную, поскольку он полагал, что подобного рода проекты предельно упрощают проблемы духовного образования и не решают их. В первую очередь профессор Несмелов указывал на непрактичность данных проектов с финансовой точки зрения: в случае учреждения так называемых пастырских школ все финансы пойдут именно на их обеспечение. Не ясно, на какие средства будут содержаться общеобразовательные школы, которые согласно проектам должны будут располагаться на базе семинарий. Стоит отметить, что многие противники данного проекта указывали на этот его недостаток. Однако, в отличие от всех критиков профессор В.И. Несмелов был более проницательным в своих размышлениях. Оригинальность его мнения заключалась в том, что помимо констатации несостоятельности проекта с экономической точки зрения, он к тому же указал на отсутствие возможностей для учреждения общеобразовательной школы для будущих пастырей. По его мнению, такие учебные заведения не могли подготовить квалифицированных абитуриентов для духовных школ либо по причине низкого образовательного уровня (училища, церковно-приходские школы), либо по причине своей светской направленности (светские средние школы). Это обстоятельство в свою очередь повлечет за собой дефицит кадров в пастырских школах. Поскольку данный недостаток рассматриваемого проекта уже неоднократно указывался в этой части работы, то вместо этого перейдем к аналитике других аргументов профессора В.И. Несмелова против учреждения пастырской школы.

Особый интерес представляют его суждения о том, почему «существующая духовная школа не давала, или слишком мало давала достойных кандидатов на

замещение пастырских должностей»³²¹. В качестве основных причин подобного положения дел профессор В.И. Несмелов указывал на скованность преподавателей положениями и пунктами устава, на высокий уровень требований к успеваемости учащихся, а также на низкий социально-правовой статус духовенства. Что касается первого, то по этому поводу он утверждал следующее: «Виноват Устав, презрительно трактующий школьных руководителей как умственно незрелых и потому обязательно подсказывающий им решительно все и еже хотети, и еже деяти им по их ответственной должности»³²². Если в основе реформ останется доминирование буквы устава, это не приведет духовную школу к качественным изменениям, и в таком случае их учреждение теряет смысл, так как семинарии не смогут подготовить хороших выпускников.

Что же касается высоких стандартов к успеваемости учащихся, то в данном случае профессор В.И. Несмелов подразумевает требования церковных властей от семинаристов одинаковой компетентности как в богословских, так и в светских дисциплинах. На основании изучения разрядных списков он констатировал следующий факт: «До IV класса духовной семинарии обыкновенно доходит не более 50% того количества, которое поступает в I-й класс; остальные же 50% изгоняются из семинарии еще в первые три года семинарского обучения, т. е. в те годы, когда никаких богословских и философских предметов наши семинаристы еще не изучают»³²³. В предыдущей главе был зафиксирован факт превалирования светских дисциплин над богословскими в общеобразовательном курсе семинарий. Также были продемонстрированы негативные стороны подобного рода доминирования. В ходе изучения различных материалов нами не было обнаружено аналогичных статистических данных, которые бы приводил в своем выступлении профессор В.И. Несмелов. Более того исследователь Г.Е. Колыванов в своей работе приводит более «скромные» статистические показатели. Так, например, в 1914 году итоговые экзамены в семинариях сдавали 22 тысяч 85 воспитанников. Общее

³²¹ Там же, С. 60.

³²² Там же, С. 61.

³²³ Там же, С. 62.

количество успешно сдавших экзамены и переэкзаменовку составило 19 тысяч 361 учащихся. «На второй год оказались оставленными две тысячи 85 учащихся и уволенными по неуспеваемости 639 человек (2,9 %)»³²⁴. Исходя из данных сведений, сложно согласиться с тезисом профессора В.И. Несмелова о том, что одной из основных причин недостатка потенциальных пастырей является высокий уровень требований к успеваемости учащихся по светским дисциплинам. Возможно, вопрос нуждается в дальнейшем исследовании и уточнении.

И наконец, в качестве последней причины дефицита кадров профессор В.И. Несмелов указывал на низкий социально-правовой статус духовенства. Его обоснование данной проблемы во многом ничем не отличается от аргументации авторов, которые ее констатировали. Аналогичную оценку можно дать и предложенному им способу решения этой проблемы. В этой связи можно закончить анализ аргументации профессора В.И. Несмелова и перейти к другим информативным докладам членов V отдела.

Не менее оригинальные рассуждения по поводу кадрового дефицита привел в своем докладе профессор А.И. Алмазов. В первую очередь в качестве основной причины оттока кадров из духовных семинарий он указал на бурное экономической развитие Российской империи во второй половине XIX века. В это время происходил постепенный переход от аграрного общества к индустриальному. Исследователь А.Г. Донгаров следующим образом охарактеризовал темпы экономического роста Российской империи в это время: «В России не стали ждать покуда отечественный капитал наберет силу и сумеет провернуть скрипучее колесо телеги российского народного хозяйства. Вместо этого допотопную евразийскую колымагу взяли и прицепили к разогнавшемуся “локомотиву” европейской промышленности»³²⁵. Это в свою очередь повлекло за собой большое количество изменений в разных областях социальной жизни, в том числе и в духовной. Как утверждал профессор А.И. Алмазов, все это «невольнo поставило в народной массе на первом плане интересы реальной жизни и значительно отодвинуло на задний

³²⁴ Колыванов Г. Е. Духовные семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 170–171.

³²⁵ Донгаров А. Г. Иностраннй капитал в России и СССР. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 9.

план интересы морально-духовные, а отсюда невольно же имело своим последствием ослабление значения духовенства в общественной жизни»³²⁶. Помимо этого, по мнению Алмазова, данные обстоятельства предоставили широкие возможности для образованных людей. Без сомнения, к числу последних можно отнести представителей духовенства. Однако их материальный достаток был несопоставим с доходами светских специалистов, которые зачастую обладали гораздо меньшим уровнем образования. Вполне естественно, что это обстоятельство вызывало недовольство в среде духовенства. В результате, как только у детей духовенства появилась возможность выхода из духовного сословия на светский путь, то они массово воспользовались ей, о чем свидетельствуют статистические данные, уже приводившиеся в данной работе. Как отмечали некоторые церковные деятели, в том числе и профессор А.И. Алмазов, выходцы из духовного сословия с легкостью находили себе места среди светских профессий. «При особенной работоспособности духовного юношества, при его сравнительной культурности, дающей ему возможность легко усвоить высшее общее и специальное образование, – невольно и стало привлекать его к деятельности на различных новых поприщах, дотоле ему неведомых» – так объяснял причины этого процесса Алмазов. Все вышеперечисленное повлияло на массовый отток представителей духовного сословия из духовных школ во второй половине XIX столетия.

Еще одной причиной кадрового дефицита в Церкви, по мнению профессора А.И. Алмазова, стало повсеместное обмирщение духовенства. Выше отмечалось, что бурный экономический рост спровоцировал коренные социальные изменения и способствовал развитию секулярного мышления у жителей страны. По его мнению, данный процесс не обошел стороной духовенство. В свою очередь это умонастроение естественным образом передалось их детям. Таким образом, профессор пришел к следующему выводу: «Не наблюдая светлого взгляда в семье на конечный итог образования именно в духовной школе, такие питомцы ее,

³²⁶ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 68.

конечно, всегда будут тяготиться ею»³²⁷. Учитывая указанные обстоятельства, с данным предположением профессора А.И. Алмазова достаточно сложно не согласиться.

На 7 заседании V отдела Предсоборного Присутствия был рассмотрен итоговый свод мнений ее членов по вопросу о типе духовной школы. Преосвященный председатель в своем выступлении дал краткий обзор дискуссии по данному вопросу. Он отметил, что участников прений о типе духовной школы можно разделить на 2 группы: «Одни стоят за необходимость разделения духовной школы на общеобразовательную и пастырскую, различны по своим задачам и общему строю школы и территориально разъединенные, другие – за единую десятилетнюю школу, применительно к уставу 1867 года, включая сюда и два специальные курса»³²⁸. При этом епископ Арсений (Стадницкий) указал на общие основания вышеуказанных проектов. К их числу можно отнести требование большинства заседателей о том, чтобы общеобразовательная школа духовного ведомства носила религиозный характер. Также он констатировал, что многие его коллеги выступали против сословного характера духовной школы. И наконец все заседатели единодушно настаивали на необходимости наличия у священнослужителей высокого уровня образования. В этой связи иерарх полагал, что стоит «избежать однообразной обязательной регламентации в столь живом деле и предоставить в отдельных случаях желательную свободу в устройстве духовных школ по тому или другому типу отдельной школы, соответственно местным условиям и потребностям»³²⁹.

Данное выступление епископа Арсения вновь вызвало дискуссию среди членов V отдела. Поскольку полемика по этому вопросу была рассмотрена выше, то мы не будем вновь воспроизводить аргументы каждой из сторон в защиту своих проектов. Вместо этого стоит указать на результат данных прений. В результате голосования из 19 присутствовавших членов V отдела, 9 человек проголосовали за

³²⁷ Там же, С. 68.

³²⁸ Там же, С. 79.

³²⁹ Там же, С. 80.

полное отделение богословских классов от общеобразовательных (епископ Арсений, протоиерей Феодор Титов, профессора А.И. Алмазов, И.С. Бердников, Н.Н. Глубоковский, С.Т. Голубев, Н.И. Ивановский, В.Ф. Певницкий, И.И. Соколов). Девять человек подали голоса за сохранение единой духовной школы, по принципу Устава 1867 года (протоиереи Константин Левитский, Алексей Мальцев, Павел Светлов, священник Александр Рождественский, профессора А.И. Бриллиантов, В.З. Завитневич, М.А. Машанов, В.И. Несмелов, Н.П. Аксаков). Ф.Д. Самарин, остался при особом мнении, не видя возможности присоединиться к той или иной группе. Несмотря на результаты итогового голосования Ф.Д. Самарин предложил предоставить на рассмотрение Общего Присутствия оба проекта с полным разъяснением каждого из них во избежание повтора прений³³⁰. «Последовавший обмен суждений привел к решению напечатать журналы заседаний V отдела вместе с поданными мнениями членов о типе духовной школы и все это представить Общему Присутствию для окончательного решения указанного вопроса»³³¹. Согласно сведениям церковного историка С.Л. Фирсова, «в общем собрании голосование дало иной результат: большинство проголосовало за единую школу, а довольно значительное меньшинство – за отдельную»³³².

На 13 заседании V отдела обсуждался вопрос административного устройства будущей духовной школы. Как указано в тексте протокола заседаний Предсоборного Присутствия, «вопрос этот был рассмотрен с трех сторон: а) кто должен быть во главе духовной школы – духовное или светское лицо, б) каким порядком должно происходить назначение начальников в эту школу, и в) в каком отношении к школе находится епархиальный архиерей»³³³. В случае учреждения отдельной пастырской школы поставленные вопросы по единодушному мнению заседателей не вызывали затруднений. Согласно мнению участников прений, во главе такой школы могло стоять только лицо в священном сане, которое

³³⁰ См.: там же, С. 82.

³³¹ Там же, С. 83.

³³² Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. центр "Духов. Б-ка", 2002. С. 234.

³³³ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 778.

назначалось бы по представлению епархиального архиерея. Также согласно данному проекту, пастырская школа должна была находиться в полном подчинении последнего. В данном случае очевидно, что заседатели пришли к консенсусу. Однако в случае обсуждения вопроса об административном устройстве общеобразовательной школы при духовном ведомстве мнения заседателей разделились. В первую очередь небольшую дискуссию и разногласие вызвал вопрос о том, кто должен стоять во главе общеобразовательной школы. Одна часть участников прений выступала за то, чтобы во главе этой школы также, как и в пастырской стояли лица в священном сане и в качестве исключения допускали возможность доступа к руководству такой школой светских лиц. В свою очередь их оппоненты выступали за равноправный доступ к руководству такой школой как для светских лиц, так и для лиц священном сане.

Епископ Арсений принадлежал к первой группе членов V отдела. Свою точку зрения он аргументировал тем, что лица в священном сане могут оказать положительное воспитательное влияние на юных учащихся. К тому же преосвященный председатель утверждал, что «такие начальники более, чем светские люди, могут повлиять на восприимчивые души детей и заложить в них зачатки благочестивых навыков и религиозной настроенности»³³⁴. При этом стоит отметить, что иерарх допускал возможность назначения светских лиц во главе общеобразовательной школы, но только в случае недостатка достойных для этой должности священнослужителей.

Представитель второй группы участников прений протоиерей Павел Соколов как раз обратил внимание присутствующих на наличие недостатка «лиц духовного сана для замещения начальственных должностей в духовной школе»³³⁵. В свою очередь профессор Н.П. Аксаков объяснил причины недостаточного количества лиц в священном сане в качестве преподавателей в духовных училищах. По его мнению, причина состоит в том, что «светское лицо может быть прочнее соединено со школой, так как духовные лица всегда имеют возможность перейти с учебной

³³⁴ Там же, С. 779.

³³⁵ Там же, С. 778.

службы на другую, более обеспеченную должность»³³⁶. В этой связи он полагал, что целесообразно оставить решение данного вопроса за правящим архиереем, который исходя из имеющихся возможностей будет делать соответствующие назначения. При этом Аксаков настаивал на том, что в будущем уставе духовных школ необходимо сделать оговорку о том, что «желательно назначение на начальственные должности в духовных школах лиц священного сана»³³⁷. Аналогичную мысль высказал в своем выступлении профессор А.И. Алмазов.

Профессор Н.Н. Глубоковский полагал, что в случае безусловного назначения лиц в священном сане во главе духовных школ, многие деятельные светские преподаватели остались бы не удел. К тому же он указал на то, что несмотря на тенденцию в уставе 1884 году к тому, чтобы ставить монашествующих во главе всех духовных школ, на практике выходило так, что зачастую во главе духовных училищ стояли светские люди³³⁸. По мнению Глубоковского аналогичным образом ситуация развивалась бы в случае закрепления за лицами в священном сане права возглавлять духовные школы. В свою очередь протоиерей Павел Соколов отметил, что для многих заслуженных преподавателей единственной возможностью для повышения являлось назначение на высокую административную должность в духовной школе. И как выразился сам отец Павел, «было бы обидно лишать их этой должности только потому, что они светские»³³⁹. В результате дискуссии по данному вопросу заседатели пришли к следующему решению: «Начальниками общеобразовательной духовной школы должны быть лица предпочтительно духовного сана»³⁴⁰.

После этого преосвященным председателем был поставлен вопрос о порядке избрания начальствующих лиц в духовную школу. Забегая вперед, стоит сказать, что в данном случае большинство заседателей выступало за корпоративное избрание начальствующих лиц. Однако их мнения разделились по вопросу о

³³⁶ Там же, С. 779.

³³⁷ Там же.

³³⁸ См.: там же, С. 779.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же.

составе выборщиков. Одна часть членов V отдела полагала, что в качестве выборщиков должна была выступать преподавательская корпорация. Другая часть членов V отдела выступала за то, чтобы участие в выборах помимо преподавательской корпорации принимало окружное духовенство. Рассмотрим аргументы каждой из сторон.

Протоиерей Павел Соколов в качестве одного из недостатков потенциального привлечения духовенства к выборам указал на то, что в таком случае они в большинстве случаев оказывались бы в неведении о личности и компетенциях кандидатов. В свою очередь преподавательская корпорация в силу своих профессиональных качеств и непосредственном отношении к образованию сможет сделать более объективный выбор. Достаточно сложно не согласиться с этим критическим замечанием отца Павла.

Профессор И.В. Попов на это заметил, что духовенство слышано о способностях преподавателей от своих детей. Однако, как верно заметил преосвященный председатель, «дети – не всегда справедливые судьи»³⁴¹. По нашему мнению, это утверждение было особенно справедливым в период протестной активности воспитанников духовных школ. По этой причине сложно было надеяться на то, что духовенство обладало объективной и проверенной информацией о положении дел в духовной школе.

Профессор А.И. Алмазов в своем выступлении отметил негативные аспекты практики выборов на административную должность. С одной стороны, в случае выбора кандидатов епархиальным архиереем, по его мнению, преобладали субъективные соображения. С другой стороны, при выборе кандидатов «корпоративным методом», «имеют место чуждые интересам дела мотивы, оказывает влияние партийность, и потому всегда возможны заблуждения относительно достоинств избираемого лица, а также отсутствие в действиях выборщиков объективности»³⁴². В этой связи Алмазов полагал, что целесообразно соединить эти практики выборов воедино. То есть преподавательская корпорация

³⁴¹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 780.

³⁴² Там же.

избирала бы двух достойных кандидатов, а окончательное избрание предоставить епархиальному архиерею. По поводу же того, кто может быть причастным к избранию, то по утверждению профессора А.И. Алмазова, «так как духовные училища по средствам своего содержания стоят ближе к духовенству, то духовенству и можно бы предоставить избрание на окружных съездах кандидатов на должности начальников в духовные училища; в семинариях же, где корпорации более многочисленны, выбор кандидатов могли бы производить сами Правления семинарий»³⁴³.

Протоиерей Павел Соколов справедливо возразил против объединения вышеназванных практик выборов воедино. Этому препятствовало несколько обстоятельств. Во-первых, согласно принятому V Отделом проекту, семинарии будут равны по количеству классов духовным училищам. В свою очередь это означает, что и по числу лиц преподавательского состава эти школы примерно будут равны между собой. Если исходить из логики аргументации профессора А.И. Алмазова, то получается, что привлечение духовенства к выборам в духовных училищах было обусловлено малочисленностью лиц преподавательской корпорации. Однако, если учесть вышеуказанное замечание протоиерея Павла Соколова, то в таком случае, следуя логике Алмазова, привлечение духовенства к выборам было без надобности. Во-вторых, по мнению отца Павла, духовенство не могло владеть большей информацией чем преподавательский состав училищ. Правоту данного утверждения достаточно сложно отрицать по определению. В результате можно согласиться с приведенными критическими замечаниями протоиерея Павла Соколова.

Протоиерей Феодор Титов выступал против полного удаления духовенства от выборов, но при этом полагал, что вполне достаточно было бы допускать до выборов отдельных представителей от лица священнослужителей. К тому же нельзя не согласиться со следующим утверждением отца Феодора о том, что «участие духовенства внесло бы коррективы в выборы Правления, где можно

³⁴³ Там же.

ожидать партийности и несогласий»³⁴⁴. Достаточно сложно отрицать, что в большинстве случаев члены семинарского правления делились на те или иные партии³⁴⁵. С одной стороны, это было естественно и неизбежно, а с другой стороны, при таком положении дел сложно было ожидать полной объективности при решении тех или иных принципиальных вопросов. По замечанию неизвестного автора, «сильная ректорская власть подчиняет себе более робких, уступчивых преподавателей, но за то вооружает других—энергичных, стойких, самостоятельных, и весь учащий персонал разделяется на партии. Эта партийность, по самому источнику своего происхождения проникнутая духом личной неприязни и интриг, несомненно причиняет много зла семинариям»³⁴⁶.

По нашему мнению, депутаты от духовенства будучи свободными от этой партийной борьбы могли бы вносить более объективные и конструктивные предложения.

В результате голосования из 16 присутствовавших членов V отдела 8 человек во главе с преосвященным председателем высказалось за выборы начальствующих лиц школы педагогическим собранием в присутствии членов правления от духовенства, и 8 членов проголосовали за выборы педагогическими собраниями, но в присутствии особо уполномоченных от местного духовенства.

После этого был поставлен вопрос о сроках назначения на административную должность в духовной школе. Протоиерей Феодор Титов и профессор А.И. Алмазов выступали за 5-летний срок избрания, после чего, по их мнению, необходимо было осуществлять последующие выборы. Согласно их точке зрения, ограничение срока полномочий для представителей высшей администрации могло оградить духовную школу от долгого пребывания в состоянии стагнации. К сожалению, история знает такие примеры, когда руководители духовных школ, не имея соответствующих их должности навыков и компетенций приводили вверенные им учебные заведения к удручающему

³⁴⁴ Там же, С. 781.

³⁴⁵ См. также: Уставы духовных семинарий 1867 и 1884 гг. // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 6. С. 318.

³⁴⁶ Там же, С. 317.

положению. С другой стороны, данное ограничение срока полномочий вряд ли бы смогло воспрепятствовать тем руководителям, которые достойно осуществляли свое служение в духовной школе. Говоря иными словами, в случае успешного руководства такие лица по истечении срока своих полномочий могли быть переизбраны в своей должности. По нашему мнению, это могло бы конструктивным образом повлиять на положение дел в духовных школах того времени.

Протоиерей Павел Соколов и профессор Н.Н. Глубоковский возразили на это следующим образом: «Принимать должность на небольшой срок мало найдется желающих, в виду неопределенности дальнейшего положения после выслуги установленного срока»³⁴⁷. К тому же протоиерей Алексей Мальцев заметил, что ограничение сроков полномочий высшей администрации ведет к частой смене руководителей, что по мнению многих церковных деятелей того времени являлось проблемой духовных школ того времени. Сложно отрицать факт наличия этой проблемы, однако, по нашему мнению, вышеприведенное утверждение протоиерея Алексея Мальцева не вполне корректно, поскольку основная причина частой смены лиц лежала в корне неверном способе подготовки ученых монахов к епископскому служению. Данный тезис будет наглядно проиллюстрирован в следующей главе. В конечном итоге большинство заседателей признало «желательным не устанавливать срока службы начальников духовной школы»³⁴⁸.

В заключении тринадцатого заседания обсуждался вопрос об отношении епархиального архиерея к семинарии. Преосвященный председатель в своем выступлении отметил, что в настоящее время заметна тенденция к ослаблению архиерейской власти и к ограничению ее в отношении к духовной школе ролью одного «попечительного наблюдения»³⁴⁹. В данном случае сложно не согласиться со словами епископа Арсения, поскольку действительно в церковной среде того времени часто озвучивались подобного рода идеи. Достаточно вспомнить

³⁴⁷ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 782.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же.

материалы отзывов преосвященных, которые были рассмотрены в прошлом разделе. Возвращаясь к полемике по данному вопросу на заседаниях Предсоборного Присутствия, стоит сказать, что членов V отдела можно условно разделить на 2 группы. Одну часть заседателей мы будем условно именовать «охранителями», поскольку они выступали за полное сохранение полномочий епархиального архиерея над духовной школой. В свою очередь их оппонентов можно условно назвать «автономистами», поскольку они выступали за ограничение власти епископов и при этом за расширение полномочий преподавательской корпорации. Обратимся к позициям каждой из сторон.

Профессор А.И. Алмазов, ссылаясь на ряд канонов утверждал, что епископу принадлежит учительная власть в Церкви. Естественно, что в таком случае епископ не должен, а обязан проявлять свою власть в духовной школе. На это профессор И.В. Попов заметил, что «епископ – учитель в делах веры и нравственности, а не в географии и арифметике»³⁵⁰. Исходя из этого он полагал, что в ведении архиерея религиозно-нравственное направление школы, тогда как учебно-методическая часть должна находиться под контролем преподавательской корпорации. Протоиерей Павел Светлов согласился с данным утверждением, но при этом заметил, что необходимо определиться о какой именно школе идет речь. Согласно его точке зрения, если речь идет о пастырской школе, то она несомненно должна находиться под контролем епископа. В свою очередь если же речь идет об общеобразовательной школе при духовном ведомстве, то в таком случае влияние архиерея ограничивается наблюдением за качеством преподавания Закона Божиего³⁵¹. В ответ на это Алмазов заметил, что несмотря на то, что «общеобразовательная духовная школа есть школа церковная, и потому она так же, как и пастырская должна находиться в ведении архиерея»³⁵².

Профессор Н.Н. Глубоковский выразил свое несогласие с вышесказанным. Во-первых, по его замечанию, «положение епископов, наблюдающих за

³⁵⁰ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 783.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же.

преподаванием Закона Божиего в светских заведениях, почти унижительно и не дает хороших результатов, даже в смысле контроля»³⁵³. Во-вторых, по мнению профессора, в курсе светских дисциплин потенциально могут преподаваться идеи противные церковному учению. Относительно последнего стоит заметить, что в стенах духовной школы преподавателем было достаточно сложно распространять разного рода сомнительные воззрения на своих занятиях. Это было обусловлено тем обстоятельством, что содержание учебных программ, пособий и преподавательских лекций подвергались строгому контролю со стороны Учебного комитета, а также ректора семинарии. Не отрицаем, что в редких случаях некоторые преподаватели могли отступать от общепринятой программы и выражать «крамольные» идеи. Однако сложно представить в силу вышеназванных причин, что они могли делать это на постоянной основе и без негативных последствий для своей карьеры. В этой связи, по нашему мнению, данное опасение профессора Н.Н. Глубоковского было излишним.

Профессор И.В. Попов справедливо заметил, что ректорам духовных школ при осуществлении контроля за постановкой учебного процесса помимо знаний необходимо иметь педагогический опыт. Его наличие позволило ему осознать ограниченность своих познаний по той или иной дисциплине семинарской программы. Это обстоятельство по мнению Попова позволило избежать следующего: «В настоящее время случаются курьезы, в роде того, что архиерей не утверждает списка книг по математике, предположенных правлением к выписке в семинарскую библиотеку только потому, что он не читал этих книг»³⁵⁴. В конечном итоге профессор полагал, что ректору целесообразно предоставить определенную свободу преподавательской корпорации в выборе учебных пособий для лекций.

Прения по поводу отношения епархиального архиерея к духовной школе подытожил преосвященный председатель, который заметил, что «религиозный элемент в духовной школе занимает центральное место, и потому отношения архиерея к этой школе не могут быть таковы, как к гимназии. Архиерей по самому

³⁵³ Там же, С. 784.

³⁵⁴ Там же.

званию своему есть начальник духовной школы. Конечно, в таком начальствовании могут быть злоупотребления, но мы берем норму. А при нормальных условиях нет надобности делать разграничения в начальственных отношениях архиерея к школе. Поэтому можно остановиться на признании общего положения, что «епархиальный архиерей – начальник местной духовной школы»³⁵⁵. На этом обсуждение вопроса о реформе средних духовных учебных заведений было окончено. Все материалы были переданы на рассмотрение Общего Соборного Присутствия, после обсуждения этого вопроса Общим Соборием, Учебный Комитет разработал проект реформы. Ее суть была в возвращении к уставу (конечно же, с некоторыми изменениями) 1867 года.

Подводя итоги суждениям заседателей V отдела Предсоборного Присутствия по поводу решения проблем постановки административного процесса можно резюмировать следующее:

1. Значительное количество суждений членов V отдела посвящено решению вопроса о типе духовной школы. Участников прений по данному вопросу можно условно разделить на две группы. Первые, в основном профессора, не имеющие священного сана, выступали за разделение духовной школы на общеобразовательную и богословскую школы, а также за последующую их трансформацию в духовную гимназию и пастырскую школы соответственно. Тогда как другая часть заседателей, преимущественно в священном сане, высказывалась в пользу сохранения традиционного типа духовной школы с учетом конструктивных и положительных аспектов устава 1867 года.
2. В защиту своей позиции представители первой группы заседателей следующие аргументы:
 - а) разделение духовной школы на пастырскую и общеобразовательную позволит преодолеть сословную замкнутость и, как следствие, комплектовать семинарии кадрами, добровольно избравшими путь пастырства. Помимо этого, реализация принципа сословности в духовной

³⁵⁵ Там же, С. 785.

школе позволила бы пастырям стать более близкими к пасомым, поскольку они будут вместе получать образование в одной школе³⁵⁶. К тому же предоставление доступа в данные школы для мирян повлечет за собой приток финансовых средств как со стороны государства, так и со стороны простого народа;

b) В случае преодоления сословной замкнутости многие дети духовенства получили бы свободный доступ в светские учебные заведения и затем в мир, что по мнению сторонников данного проекта позволило бы Церкви реализовать свою образовательную миссию по просвещению верующих, а также подготовить мирян к грядущим реформам церковной жизни.

3. В защиту своей позиции представители второй группы заседателей следующие аргументы:

a) В случае разделения духовной школы на пастырскую и общеобразовательную в семинариях мог возникнуть кадровый кризис. По их мнению, многие дети духовенства уклонятся на светский путь, а рядовые верующие не смогут в должной мере восполнить данный дефицит. Об этом свидетельствуют статистические данные о количестве иносословных в духовных школах на рубеже XIX-XX веков. Планируемые первой группой заседателей общеобразовательные школы по мнению их оппонентов не смогли бы подготовить квалифицированных абитуриентов для духовных школ по причине своей светской направленности и низкой подготовки преподавателей;

b) Церковь не обладает достаточными материальными средствами для реализации вышеназванного проекта. В свою очередь надеяться на финансовую помощь общеобразовательным школам при духовном ведомстве со стороны государства и народа было нецелесообразно, поскольку в этом отношении светские средние учебные заведения были

³⁵⁶ Имеется ввиду общеобразовательная школа при духовном ведомстве.

более предпочтительными. В этой связи с финансовой точки зрения для Церкви было выгоднее сохранить имеющийся тип духовной школы;

- c) Получение религиозного образования для светских студентов в пастырских школах будет непривлекательным по причине их особого воспитательного режима.
4. Итоговое голосование не привело к утверждению какого-либо проекта о типе духовной школы, поскольку голоса членов V отдела разделились поровну. В результате окончательного решения по данному вопросу не было принято на Предсоборном Присутствии.
5. Также в ходе заседаний V отдела Предсоборного Присутствия обсуждался вопрос административного устройства будущих духовных школ. По результатам дискуссии заседатели приняли следующие решения:
 - a) Во главе пастырской школы должно стоять лицо в священном сане, назначенное епархиальным архиереем;
 - b) Пастырская школа должна находиться в подчинении епархиальному архиерею;
 - c) Во главе общеобразовательной школы при духовном ведомстве в случае ее учреждения по мнению членов V отдела желательно должны стоять лица в священном сане. В случае отсутствия достойных кандидатов среди священнослужителей на руководящий пост в данной школе могли назначаться лица без священного сана;
 - d) Большая часть заседателей выступила за корпоративное избрание начальствующих лиц. Однако, как показали результаты голосования, мнения о составе выборщиков разделились на две равные группы. Половина участников прений выступила за выборы начальствующих лиц школы педагогическим собранием в присутствии членов правления от духовенства. В свою очередь вторая половина членов V отдела проголосовала за выборы педагогическими собраниями, но в присутствии особо уполномоченных от местного духовенства;

- е) Большинство заседателей признало желательным не устанавливать сроки переизбрания ректоров как общеобразовательной, так и пастырской школ в случае учреждения таковых.

Глава 3. Проблемы и проекты реформирования учебного процесса по материалам Предсоборного Присутствия и «Отзывов епархиальных архиереев о церковной реформе»

3.1. Вопрос о преобразовании учебных программ семинарий по материалам «Отзывов преосвященных о церковной реформе»

«Реформа духовной школы не должна сводиться только к некоторого рода изменениям в программах, к передвижению и перестановке предметов... нужно, все равно, внести такие существенные изменения, которые будут равны совершенному пересозданию этой школы, созданию именно новой школы; а ограничиться немногими изменениями и ждать от этого добрых результатов для Церкви – нет оснований и по многим причинам, указываемым наличными недостатками самой духовной школы» – отмечал в своем отзыве епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев)³⁵⁷. Также это прекрасно осознавали и другие преосвященные. В данном параграфе мы осуществим систематизацию и анализ материала отзывов, связанных с реформированием учебного процесса духовных школ.

Помимо предложений по преобразованию типа духовной школы и сословного состава ее учащихся, епископат предлагал проекты по реформированию ее учебных программ. Некоторые преосвященные выступали за ревизию и кардинальное реформирование учебных программ духовных школ, поскольку они не представляли из себя стройной системы ввиду своей фрагментарности и предметной разрозненности. Это, в свою очередь, вело к дисциплинарной перегруженности на определенных стадиях обучения. Стоит отметить, что представленные проекты находились в тесной взаимосвязи с их видением будущего духовной школы, а вернее сказать ее типа дальнейшего устройства. В частности, большинство отзывов коснулось вопроса о том, каким должно быть соотношение между богословскими и образовательными дисциплинами в учебных программах семинарий. Стоит отметить, что расширение

³⁵⁷ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 455.

или сокращение курса общеобразовательных либо богословских дисциплин в учебной программе семинарий напрямую зависело от того, каким образом священноначалием будет соблюден баланс между сословными и церковными интересами. Ввиду наличия такой связи мы не будем предоставлять аналитику суждений епископата на предмет достоинств и недостатков того или иного проекта соотношения между богословскими и образовательными дисциплинами, поскольку это уже было сделано выше. Вместо этого ограничимся фиксацией позиций 2-х групп иерархов по данному вопросу. Каждая группа преосвященных видела по-разному как строй будущей духовной школы, так и содержание ее учебной программы. В этой связи преосвященных можно условно разделить на тех, кто выступал за превалирование либо сословных, либо церковных интересов.

Представители сословного³⁵⁸ направления полагали, что наиболее оптимальным решением является возврат к уставу духовных школ от 1867 года с еще более расширенным общеобразовательным курсом, который должен был стать аналогичным курсу средних светских школ. «Церкви необходимы пастыри развитые, стоящие на уровне современного образования; поэтому они должны проходить такую школу, которая в общеобразовательном отношении вполне достигает уровня признанной нормальной светской школы»³⁵⁹. По мнению этой группы преосвященных, такая школа удовлетворит интересы как представителей духовного сословия, которые желают идти по светскому пути, так и тех, кто планирует принять священный сан. Каким образом? По плану этой группы епископата для «студентов-невольников» расширение общеобразовательного курса откроет прямой доступ в университеты, а для будущих пастырей это послужит большим подспорьем в их служении. Епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), который полагал, что в современной ему духовной школе «не только возможно сократить общеобразовательный курс, существующий в настоящее время в духовных школах: духовном училище и духовной семинарии, а напротив -

³⁵⁸ Епископ Владимирский Никон (Софийский), епископ Вологодский Алексей (Соболев), архиепископ Харьковский Арсений (Брянцев), епископ Самарский Константин (Бульчев), епископ Холмский Евлогий (Георгиевский), епископ Пермский Никанор (Надеждин), епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков).

³⁵⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 882.

необходимо его расширить так, чтобы он был несколько не ниже гимназического курса, даже, насколько возможно, выше его»³⁶⁰. Данная группа преосвященных делала акцент на общеобразовательное развитие семинаристов по причине целого ряда вызовов, которые современная им эпоха предъявляла к пастырям. Так, например, архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) по этому поводу высказался следующим образом: «Современная жизнь предъявляет не меньшие, а еще большие требования к развитию и образованности пастырей Церкви, не может быть и речи о каком-либо понижении или сокращении общеобразовательного курса в духовных школах»³⁶¹. Определенная логика в суждениях этой группы преосвященных была, поскольку было время существенных перемен в обществе, особенно в его интеллектуальной жизни. Как замечал епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), «умственная зрелость, всегда по существу требовавшаяся от пастыря, тем более должна требоваться от него в настоящее время, так как, после объявления Высочайшим манифестом 17 октября свободы совести, на нем лежит обязанность оберегать свою паству чисто духовными средствами, что не может быть успешно выполнено лицом, получившим недостаточную умственную подготовку»³⁶².

Что касается представителей церковного³⁶³ направления, то они полагали, что необходимо сохранить имевшийся тип семинарии вместе с ее учебными программами. В качестве обоснования своей точки зрения ее представители ссылались на успешный исторический опыт³⁶⁴ подготовки пастырей в семинариях, а также на то, что семинарии с превалирующим общеобразовательным курсом трансформируются в сословные школы, которые откажутся финансировать как государственная казна, так и верующие³⁶⁵.

³⁶⁰ Там же, С. 17.

³⁶¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 314.

³⁶² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 17.

³⁶³ Митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архиепископ Алеутский Тихон (Белавин), архиепископ Новгородский Гурий (Охотин), епископ Пензенский Тихон (Никаноров).

³⁶⁴ См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 398.

³⁶⁵ См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 800.

Стоит отметить, что многие сторонники расширения общеобразовательного цикла предметов предполагали осуществить это либо за счет значительного сокращения курса древних языков³⁶⁶, либо за счет их изъятия из учебной программы духовных школ, поскольку «уже миновал период увлечения классицизмом»³⁶⁷. Сторонники последней точки зрения предлагали заменить изучение древних языков новыми. Действительно, курс древних языков в духовных школах был достаточно пространным. Он начинался на первых курсах училища и продолжался вплоть до 4 курса семинарии. Однако, по нашему мнению, озвученное предложение было излишне радикальным и даже ущербным как для общего, так и для богословского образования в особенности. Возможно, для этих целей было бы целесообразно определенное сокращение курса древних языков и заполнение возникших лакун в учебной программе общеобразовательными дисциплинами, в том числе изучением новых языков. Как отмечал митрополит Московский Владимир (Богоявленский), «знание новых языков в настоящее время решительно необходимо не только ввиду дальнейшего образования некоторых из воспитанников в высших светских школах или духовной академии, но и вообще полезно в широкой деятельности пастыря при возможности сношений его с людьми разного положения и разных исповеданий»³⁶⁸.

Возвращаясь к обзору суждений архипастырей по вопросу соотношения между богословскими и светскими дисциплинами, необходимо сказать, что была еще одна группа преосвященных, которая выступала за расширение курса богословских дисциплин в духовной школе. Как резонно замечали представители Новгородской епархиальной комиссии, «семинария, лишённая богословских курсов, потеряет присущую ей основную черту духовной школы и вследствие этого, при наличии других однородных учебных заведений, не будет иметь права на самое существование; превратится в сословную школу, не могущую

³⁶⁶ Там же, С. 503.

³⁶⁷ Там же, С. 400.

³⁶⁸ Там же, С. 401; См. также: Уставы духовных семинарий 1867 и 1884 гг. // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 6. С. 331–333.

рассчитывать ни на пособие от казны, ни из церковно-приходских сумм»³⁶⁹. Данный фрагмент констатирует два очевидных факта. Во-первых, если пойти по пути расширения общеобразовательного курса в ущерб богословскому образованию, то в этом случае семинария как институт по подготовке священнослужителей лишается своего смысла, о чем уже было сказано выше. Во-вторых, при таких обстоятельствах достаточно сложно рассчитывать на то, что церковный народ или государство будут выделять финансовые средства на такие «духовные школы», поскольку они не будут выполнять своего основного предназначения – готовить пастырей. Об этом писал в своем отзыве епископ Тамбовский Иннокентий (Беляев), заметив, что церковный приход «не решится учить на церковные средства ренегатов Церкви и будет прав, если откажет во взносах»³⁷⁰. По нашему мнению, вышеозвученная позиция была наиболее оптимальной и соответствующей церковным интересам того времени. При этом стоит отметить, что представители этой группы преосвященных выступали не просто за количественное умножение богословских предметов в учебной программе духовных школ, а указывали на необходимость повышения его качества.

Подводя итоги данному параграфу, можно констатировать, что многие преосвященные указывали на необходимость преобразования учебных программ духовных семинарий того времени. В частности, одной из ключевых проблем стал вопрос о соотношении между богословскими и общеобразовательными дисциплинами в учебных программах семинарий. Решение этого вопроса напрямую зависело от того, каким образом та или иная часть епископата видела будущее духовной школы, а также от того каким образом священноначалием будет соблюден баланс между сословными и церковными интересами. Наиболее оптимальной и соответствующей церковным интересам того времени являлась позиция второй группы епископата, которая выступала за превалирование богословских дисциплин в учебной программе семинарий.

³⁶⁹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 800.

³⁷⁰ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 459.

3.2. Проекты реформирования образовательного процесса по материалам «Отзывов епархиальных архиереев о церковной реформе»

В первую очередь многие преосвященные в своих отзывах констатировали отсталость учебных программ духовных школ от программ светских учебных заведений. Как утверждал в своем отзыве епископ Полтавский Иоанн (Смирнов), «программы средних учебных заведений далеко ушли вперед сравнительно с программами семинарий и духовных училищ»³⁷¹. Как уже было показано в предыдущем параграфе, учебные программы семинарий по своему содержанию не соответствовали реалиям своего времени. В этой связи большая часть иерархов выступала за приведение семинарских программ в соответствие с учебными стандартами светских заведений и запросами того времени. «Крайне необходим тщательный пересмотр и основательная переработка программ и объяснительных к ним записок по всем предметам общеобразовательного и богословского курса, соответственно современному состоянию науки и новым требованиям от духовной школы»³⁷², – утверждал в своем отзыве епископ Пензенский Тихон (Никаноров).

Некоторые преосвященные³⁷³ в своих отзывах отмечали, что в программах многих богословских дисциплин зачастую встречалось дублирование учебного материала. «В курсе некоторых богословских наук можно было бы сделать некоторое изменение и частью сокращение, устранив частичное повторение одного и того же учебного материала в разных соприкасающихся между собой науках»³⁷⁴. Естественно, что данное обстоятельство контрпродуктивно влияло на постановку образовательного процесса в духовных школах. С целью решения данной проблемы епископатом планировалось сокращение или упразднение тех дисциплин, которые утратили свою актуальность, и замещение их новыми дисциплинами. Эту мысль мы проиллюстрировали выше на примере древних языков. Однако, как полагали некоторые преосвященные, эта мера должна была

³⁷¹ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 927.

³⁷² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 2. С. 487.

³⁷³ Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин), епископ Архангельский Иоанникий (Казанский), епископ Владимирский Никон (Софийский), епископ Полтавский Иоанн (Смирнов), епископ Калужский Вениамин (Муратовский).

³⁷⁴ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 427.

коснуться не только древних языков, но и некоторых богословских дисциплин. По этому поводу епископ Архангельский Иоанникий (Казанский) в своем отзыве, в частности, писал о необходимости упразднения такого раздела в курсе догматического богословия, как «история догматов», ввиду наличия в учебной программе церковной истории, в ходе изучения которой учащиеся уже знакомы с историей догматической мысли. Сокращение учебных программ освободило бы преподавателей от лишней учебной нагрузки, предоставило бы педагогам возможность проявить собственную инициативу, а также дало бы возможность проводить в появившееся свободное время семинары и дополнительные опросы³⁷⁵.

Помимо этого, некоторые преосвященные³⁷⁶ полагали, что необходимо соразмерно распределить количество учебных часов, выделяемых в расписании на изучение той или иной дисциплины. «Относительно самых программ учебных предметов, как богословских, так и общеобразовательных, нельзя не выразить пожелания, чтобы они были пересмотрены и исправлены по соображению с временем, предназначенным для прохождения того или другого предмета» - замечал в своем отзыве епископ Архангельский Иоанникий (Казанский)³⁷⁷. Решение вопроса о том, каким предметам отдать предпочтение, а какие отодвинуть на второй план, во многом зависело от того, какого типа будет реформируемая духовная школа. Данная мера будет целесообразной для Церкви только в том случае, если авторы проекта будущей семинарии в первую очередь будут стараться удовлетворить церковные интересы. Во всех остальных случаях подобного рода распределение поставит под вопрос существование семинарии как института по подготовке пастырей.

Следующий принцип реформирования был сформулирован епископом Владимирским Никоном (Софийским). Он звучит следующим образом: «Богословское образование, обильное разными науками, в общем как-то

³⁷⁵ См.: Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 321.

³⁷⁶ Епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), епископ Пензенский Тихон (Никаноров), епископ Архангельский Иоанникий (Казанский).

³⁷⁷ Там же, С. 428–429.

отвлеченно, схоластично, и мало подготавливает к пастырскому служению с его современными все более и более осложняющимися запросами. Его нужно несколько упростить и приблизить к требованиям жизни»³⁷⁸. Для этого в первую очередь необходимо было пересмотреть и исправить учебные пособия по различным дисциплинам, для того чтобы сделать их содержание лаконичным и доступным. Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) выразил следующие пожелание по этому поводу: «Составление более кратких и в то же время более удовлетворительно изложенных учебников, которые заключали бы в себе соответственно программам общеобязательный *minimum* знаний, изложенных живым литературным языком»³⁷⁹. Также для этой цели некоторые преосвященные предлагали предоставить возможность преподавательским корпорациям ходатайствовать перед Учебным комитетом о замене одного учебного пособия другим³⁸⁰, а также самостоятельно выбирать для преподавания труды тех или иных авторов³⁸¹. По нашему мнению, последнее предложение нужно рассматривать с определенной поправкой. В предыдущей главе было показано, что некоторые преподаватели, пользуясь своим положением, так или иначе распространяли среди учащихся революционные идеи. Если бы священноначалие предоставило бы педагогам полную автономию в данном вопросе, то это означало бы, что оно в некоторой мере способствовало бы идейному разложению семинаристов. В этой связи практику надзора ректора за содержанием учебных курсов необходимо было сохранить.

Также некоторые иерархи полагали, что для реализации вышеозвученной цели самим преподавателям необходимо сделать процесс обучения более живым и эффективным. Преподавание должно быть поставлено таким образом, чтобы у воспитанников вырабатывались навыки самостоятельного мышления и рефлексии. Как верно отметил в своем отзыве епископ Архангельский Иоанникий (Казанский),

³⁷⁸ Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 282.

³⁷⁹ Там же, С. 321.

³⁸⁰ См.: Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. СПб: Синод. тип. 1906. С. 24.

³⁸¹ Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин), епископ Нижегородский Назарий (Кириллов).

«постановка образования должна выражаться как в выборе предметов, так и – главным образом – в способе преподавания этих предметов, рассчитанном не столько на низшую механическую способность рассудка – способность запоминания и ассоциации, сколько на высшую координирующую его способность – способность мышления»³⁸². Иначе такое «преподавание», в случае изучения богословских предметов, влекло за собой негативные последствия не только и не столько в образовательной, сколько в воспитательном плане. По замечанию епископа Пермского Никанора (Надеждина), «чувство ненужности или безжизненности изучаемого порождает скуку, которая переходит в неуважение к науке, а иногда положительно во враждебное отношение к ней. Но так как науки наши касаются предметов священных, то неуважение и вражда к делу вызывает иногда и *инде* кощунство и, следовательно, ведет к деморализации учеников»³⁸³.

Также всем преподавателям, по мнению епископа Пензенского Тихона (Никанорова), необходимо было обеспечить дополнительную плату за «чтение письменных работ»³⁸⁴. По всей вероятности, в данном случае иерарх подразумевал осуществление педагогами проверки письменных работ по преподаваемому ими предмету. Эта мысль была позаимствована владыкой Тихоном из практики светских учебных заведений, которые находились в ведомстве Министерства народного просвещения. Если учитывать факт высокой укомплектованности духовных школ, а также сравнительно высокий уровень требований, предъявляемых к работам учащихся, то можно предположить, что для преподавателя в таких обстоятельствах занятие проверкой письменных работ учащихся семинарии было делом достаточно затруднительным и даже обременительным. Поэтому реализация идеи о дополнительной оплате за реализацию этого аспекта педагогической практики могла конструктивным образом отразиться на повышении качества постановки учебного процесса в духовной школе.

³⁸² Отзывы епархиальных архиереев... Т. 1. С. 423–424; *Петров Г., свящ.* Школа и жизнь. С. 1.

³⁸³ Там же, С. 947.

³⁸⁴ Цит. по: Сводки отзывов епархиальных преосвященных... С. 24

Подводя итоги данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Многие преосвященные констатировали в своих отзывах отсталость учебных программ духовных школ от программ светских учебных заведений. В этой связи большая часть иерархов выступала за приведение семинарских программ в соответствие с учебными стандартами светских заведений и запросами того времени.

2. Во избежание дублирования учебного материала в семинарских программах многие иерархи предлагали значительно переработать учебные планы богословского цикла, а также сократить или упразднить те дисциплины, которые утратили свою актуальность и заместить их новыми предметами.

3. Соразмерно распределить количество учебных часов, выделяемых в расписании на изучение той или иной дисциплины.

4. С целью приближения духовного образования запросам и реалиям того времени епископат предлагал:

a) Пересмотреть и исправить учебные пособия по различным дисциплинам для того, чтобы сделать их содержание лаконичным и доступным;

b) Предоставить право преподавательским корпорациям ходатайствовать перед Учебным комитетом о замене одного учебного пособия другим, а также самостоятельно выбирать для преподавания труды тех или иных авторов;

c) Преподавателям необходимо сделать процесс обучения более живым и эффективным, чтобы оно формировало у воспитанников семинарии навыки самостоятельного мышления и рефлексии;

d) Начать выплату дополнительного жалования преподавателям, занимающимся осуществлением проверки письменных работ учащихся.

3.3. Дискуссия о содержании учебных программ реформируемой духовной школы по материалам Предсоборного Присутствия

С 8-го по 10-е заседания V отдела Предсоборного Присутствия обсуждалось содержание учебных программ как общеобразовательных школ при духовном

ведомстве, так и пастырских школ. Следуя хронологии дискуссии, мы в первую очередь обратимся к полемике по данному вопросу применительно к общеобразовательным школам духовного ведомства. Суждения заседателей в первую очередь коснулись вопроса качества преподавания и содержания программы Закона Божиего в духовных школах. В своем вступительном слове преосвященный председатель отметил, что «школа эта, обладая особым характером, будет отлична от других школьных систем – классической и реальной. Из этих систем мы должны взять все хорошее и на этой основе, в связи с новыми началами, образовать новую школу»³⁸⁵. При этом отличительным свойством данных учебных заведений, по мысли епископа Арсения (Стадницкого), должно стать преподавание богословских и философских дисциплин. Выше уже был продемонстрирован тот факт, что в учебных программах общеобразовательного курса духовных семинарий содержалось гораздо меньше богословских предметов, чем в программах светских заведений. Епископ Арсений в своем выступлении также озвучил данную мысль. В этой связи его предложение по увеличению количества богословских предметов в общеобразовательной школе семинарии было логичным и обоснованным. Что касается его предложения по поводу увеличения количества философских дисциплин, то оно также было справедливым, поскольку это во многом способствовало бы лучшему усвоению предметов богословского курса.

Вышеозвученное предложение преосвященного председателя вызвало дискуссию среди участников заседания. В первую очередь члены V отдела заострили внимание на качестве преподавания Закона Божиего в светских гимназиях. Данное обращение к опыту светских заведений было обусловлено фактом того, что по мнению многих участников прений выпускники гимназий обладали большим диапазоном знаний по богословским дисциплинам чем выпускники общеобразовательного курса при семинариях. В случае подтверждения высокого качества религиозного образования в светских гимназиях

³⁸⁵ Журналы и протоколы... Т. 2. С. 734.

члены V отдела планировали интегрировать их программы в общеобразовательной школе при духовном ведомстве. Протоиерей Феодор Титов полагал, что учебная программа светских гимназий по религиозным предметам обладает четкой структурой и систематичностью. Аналогичные позицию выразили в своих выступлениях протоиерей Павел Светлов и профессор В.З. Завитневич.

В свою очередь Ф.Д. Самарин отметил, что несмотря на вышеуказанные положительные аспекты программы светских гимназий по Закону Божию обладают целым рядом недостатков. В первую очередь к числу таковых он отнес схоластический характер преподавания этой дисциплины. По его мнению, такой метод преподавания формировал в воспитанниках индифферентное отношение к изучаемому предмету и нивелировал все положительные стороны учебной программы по религиозным дисциплинам светских заведений. «Главное зло – долбежка, приурочение преподавания к книжке, вследствие чего ученики не привыкли придавать значения беседам»³⁸⁶ - утверждал в своем выступлении протоиерей Павел Светлов. Более того такие положительные аспекты данных программ как систематичность и особенно всесторонность приводили учащихся к поверхностным знаниям. «Нужно не ставить задачей полноту курса, его всесторонность; важно углубление в предмет, сосредоточение внимания на изучении священного текста и церковных памятников... нужно изучать не учебники, а священные тексты, памятники, классические произведения»³⁸⁷ – утверждал в своем выступлении Ф.Д. Самарин. Во многом можно согласиться с тезисом Ф.Д. Самарина о том, что всеобъемлющий и схоластический характер преподавания религиозных дисциплин дает неглубокие знания учащимся. Также можно согласиться с тем, что изучение первоисточников христианской веры при условии живой подачи материала могло изменить данное положение вещей в положительную сторону. Можно даже сказать, что сообщение учащимся фундаментальных знаний было бы гораздо предпочтительнее чем всеобъемлющее, но поверхностное изучение различных аспектов христианского вероучения.

³⁸⁶ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 738.

³⁸⁷ Там же, С. 736.

Данную мысль поддержал священник Александр Рождественский, но при этом отметил, что успешность преподавания той или иной дисциплины в первую очередь зависит от личности педагога.

Вместе с тем сложно отрицать необходимость наличия систематических пособий по той или иной богословской дисциплине. В частности, преосвященный председатель возразил Ф.Д. Самарину по этому поводу следующим образом: «При изучении догматического богословия положительно невозможно ограничиться одним каким-либо отделом, или трактатом. В идеальном смысле, конечно, хорошо вести изучение Закона Божиего по священно-историческому тексту, но практически это едва ли применимо. Тогда на протяжении всего курса духовной школы пришлось бы несколько раз возвращаться к одному и тому же»³⁸⁸. Изучение богословских дисциплин только лишь на основании первоисточников задача крайне затруднительная, если не сказать, что неосуществимая. Как верно отметил владыка Арсений в случае изучения догматического богословия невозможно ограничиться каким-то лишь одним сочинением святого отца при решении того или иного вопроса. По меньшей мере в данном случае необходимо обращаться к творениям других святых с целью выявления так называемого согласия отцов по тому или иному вопросу. В свою очередь это обстоятельство поставит в затруднительное положение преподавателей, которые согласно логике этого проекта должны будут исследовать целый корпус святоотеческих сочинений для решения того или иного богословского вопроса. Но если даже допустить, что педагоги в массовом порядке займутся подобного рода изысканиями, то это в скором времени приведет к формированию корпуса избранных текстов. Согласно утверждению священника Александра Рождественского, профессор В.В. Болотов выступал за создание хрестоматий, «в которых были бы помещены в подлинниках наиболее важные отрывки из святоотеческих писаний и соборных постановлений»³⁸⁹. По нашему мнению, эффективно было бы при изучении той или иной богословской дисциплины поочередно обращаться к первоисточникам (в

³⁸⁸ Там же, С. 737.

³⁸⁹ Там же.

случае Священного Писания³⁹⁰), систематическим пособиям и хрестоматиям (сборникам наиболее авторитетных святоотеческих текстов). Профессор В.З. Завитневич в своем выступлении констатировал наличие такого педагогического подхода у протестантов. Исходя из собственного опыта присутствия на экзаменах по Закону Божию у представителей различных конфессий³⁹¹ пришел к выводу о том, что лучшие результаты демонстрировали протестанты. Согласно его точке зрения, основная причина таких результатов заключается в том, что у них «в основу положен курс систематический, и изучение этого курса сопровождается чтением текста»³⁹².

В свою очередь Ф.Д. Самарин в отличие от профессора Завитневича настаивал на обратном методе изучения богословских дисциплин. По его мнению, в первую очередь стоит изучать первоисточники христианской веры, а пособия использовать в качестве справочного материала³⁹³. Н.П. Аксаков поддержал данное предложение Ф.Д. Самарина и при этом отметил, что возможным препятствием такой постановке учебного процесса могло быть нехватка времени. При этом он же предложил путь решения этой проблемы. Согласно мысли Аксакова, значительную часть первоисточников учащиеся могли изучать на уроках по древним языкам. Стоит отметить, что данная идея озвучивалась задолго до заседаний V отдела Предсоборного Присутствия. Собственно, именно на это указал епископ Арсений в своем выступлении. Однако, несмотря на это, сама по себе данная идея была практичной и конструктивной. Забегая вперед, стоит сказать, что, к сожалению, данный вопрос не получил своей разработки на следующих заседаниях V отдела. По нашему мнению, реализация данной идеи могла конструктивным образом повлиять на качество знаний учащихся. В результате, если исходить из имеющихся материалов заседаний V отдела Предсоборного Присутствия, можно

³⁹⁰ *Вознесенский Н. свящ.* К вопросу о преобразовании учебных курсов в наших духовных училищах и семинариях // *Вера и разум.* 1906. № 10. С. 503.

³⁹¹ Профессор Завитневич присутствовал на сдаче экзаменов в православных, католических и протестантских семинариях.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же, С. 738.

констатировать, что итогового решения по поводу содержания учебной программы по Закону Божию не было принято.

На 9-ом заседании V отдела Предсоборного Присутствия уже обсуждался учебный план духовных семинарий. За основу в данном вопросе заседатели взяли отзывы Правлений духовных семинарий. Прежде всего всеми участниками прений единогласно были признаны необходимыми предметами семинарского курса: словесность, история и математика. Не таким монолитным было мнение заседателей по поводу необходимости включения в состав учебных программ духовных школ новых и древних языков. В первую очередь участники прений выразили свою точку зрения по поводу постановки преподавания новых языков. Профессор Н.Н. Глубоковский справедливо заметил, что «английский язык, например, – один из наиболее полезных в научно-богословском и утилитарно-практическом отношениях»³⁹⁴. По мнению почтенного профессора, несмотря на это постановка преподавания английского языка в духовной школе оставляет желает лучшего. Это обстоятельство в первую очередь было обусловлено отсутствием достаточного количества компетентных преподавателей. В ответ на это правитель дел Учебного комитета А. В. Добряков сообщил присутствующим о проекте Министерства народного просвещения о подготовке преподавателей иностранных языков. Согласно данному проекту, планировалось командировать за границу на стажировку лиц с высшим образованием для получения соответствующей практики. По нашему мнению, реализация вышеозвученного проекта могла положительным образом повлиять на качество преподавания иностранных языков в духовной школе. По вопросу о новых иностранных языках заседатели единогласно констатировали необходимость их преподавания на протяжении всего курса духовной школы.

³⁹⁴ Там же, С. 743; См.: Шумов С. П. Школа и жизнь. Еще по поводу реформы духовно-учебных заведений. Учебная и воспитательная стороны в духовных академиях. Воспитание академическое и семинарское. Мысли светского педагога о воспитательном воздействии на массу // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 794.

В свою очередь по вопросу о необходимости преподавания древних языков мнения заседателей можно разделить на три группы. Первые³⁹⁵ выступали за сохранение обоих древних языков в составе учебных программ духовных школ. Представители второй³⁹⁶ группы заседателей также выступали за сохранение древних языков, но при этом полагали, что необходимо преподавать их в сокращенном виде. И наконец третья³⁹⁷ группа участников прений считала необязательным преподавание древних языков. Профессор М.А. Машанов в своем выступлении отметил непрактичность изучения древних языков для будущего служения выпускников духовных школ. В ответ на это профессор Н.Н. Глубоковский заметил, что нельзя смотреть на древние языки только лишь с утилитарной точки зрения, поскольку через знакомство с ними учащиеся соприкасаются с классической культурой, что крайне необходимо для повышения общеобразовательного уровня. При этом по замечанию профессора Н.Н. Глубоковского крайне необходимо избегать механического заучивания древних языков и делать их изучение более живым и предметным³⁹⁸.

Священник Александр Рождественский отметил, что в силу того, что в учебной программе невозможно выделить достаточно времени для основательного изучения древних языков, то при такой постановке дела вольно или невольно преподаватели начнут практиковать схоластические методы обучения³⁹⁹. По замечанию профессора А.И. Алмазова целостное изучение древних языков невозможно при существующей многопредметности учебных программ духовной школы. По мнению профессора, ранее в дореформенной семинарии учащиеся обладали хорошими знаниями по классическим языкам в том числе и потому что учебные программы не были излишне перегруженными.

Профессор С.Т. Голубев отметил, что знание по крайней мере одного древнего языка необходимо при поступлении в светские учебные заведения на

³⁹⁵ Епископ Арсений (Стадницкий), протоиерей Феодор Титов, профессор Н.Н. Глубоковский, профессор И.И. Соколов, профессор С.Т. Голубев, профессор В.Ф. Певницкий, профессор А.И. Бриллиантов.

³⁹⁶ Протоиерей Алексей Мальцев, профессор А.И. Алмазов, профессор В.З. Завитневич, профессор Н.А. Заозерский.

³⁹⁷ Священник Александр Рождественский, профессор В.И. Несмелов, профессор М.А. Машанов.

³⁹⁸ См.: Журналы и протоколы... Т. 3. С. 744.

³⁹⁹ См.: там же.

филологический, юридический и медицинский факультеты. Суть данного аргумента сводилась к тому, что в случае реформирования духовной школы, по окончании первых четырех курсов выпускники могли свободно поступать в светские учебные заведения. И для того, чтобы не чинить им лишних препятствий администрации духовных школ, по мысли Голубева, должны были создать для таких учащихся оптимальные условия для получения ими светского образования. Одним из таких условий он считал сохранение изучения древних языков. Интересно отметить, что профессор В.З. Завитневич, исходя из тех же посылок, пришел к несколько иным выводам: «Если окончившим курс 4-го класса семинарии дано будет право поступать во все высшие учебные заведения, то зачем угнетать их древними языками? На древние языки нужно смотреть только как на средство к дальнейшему образованию, причем наибольшее внимание должно быть обращено на новые языки»⁴⁰⁰. В защиту древних языков профессор И.И. Соколов привел следующий аргумент: «Если в средней духовной школе не будут изучать древних языков, то ученики этой школы, поступая затем в духовные академии, окажутся в крайне затруднительном положении, так как для них все источники православно богословского знания будут тогда запечатанной книгой. Разумеется, богословская наука при таких условиях процветать не будет»⁴⁰¹. Действительно, в случае изъятия древних языков из учебных программ духовных школ был бы нанесен серьезный удар по церковной науке. Очевидно, что серьезные научные исследования по многим богословским дисциплинам не могли быть осуществлены без работы с первоисточниками, что требовало знания языков. В результате голосования семь членов (епископ Арсений, протоиерей Ф.И. Титов, профессора Н.Н. Глубоковский, И.И. Соколов, В.Ф. Певницкий, С.Т. Голубев и А. И. Бриллиантов) высказались за сохранение обоих древних языков, четыре члена (протоиерей Алексей Мальцев, профессора А.И. Алмазов, В.З. Завитневич и Н.А. Заозерский) – за сокращенное изучение древних языков в качестве вспомогательного средства к дальнейшему образованию, и три члена (священник

⁴⁰⁰ Там же, С. 745.

⁴⁰¹ Там же.

Александр Рождественский, В.И. Несмелов и М.А. Машанов) – за необязательность изучения древних языков.

Стоит отметить, что при обсуждении возможности включения в учебную программу духовных школ других предметов среди заседателей не было разномыслия. В результате члены V отдела Предсоборного Присутствия утвердили следующую программу: Священное Писание, Догматическое богословие, Введение в богословие, Нравственное богословие, Общецерковная история и История Русской Церкви (Историю Поместных Церквей, решено было включить в курс Общецерковной истории), Литургика, Каноника, Гомилетика, Патрология (основное содержание курса – изучение творений Святых Отцов), Дидактика, Греческий и Еврейский языки, Иконописание, Пение, и Чтение (Декламация).

На 10-ом заседании V отдела Предсоборного Присутствия обсуждался вопрос о постановке богословского образования в общеобразовательных школах при духовном ведомстве. По предложению епископа Арсения в первую очередь был рассмотрен вопрос о степени интенсивности изучения курса Священного Писания. Протоиерей Феодор Титов в своем выступлении привел аргументы в пользу необходимости активного преподавания и изучения Библии в школах при духовном ведомстве. По его мнению, это позволит предать данной школе религиозное направление и даст возможность учащимся получить целостное религиозное образование. К тому же, если исходить из имеющихся проектов, данная школа должна была в том числе заниматься подготовкой абитуриентов пастырских школ. В свою очередь активное изучение Священного Писания предоставила бы учащимся к священническому служению необходимую базу знаний по основам православного вероучения. Профессор Н.Н. Глубоковский согласился с позицией протоиерея Феодора Титова и при этом заметил, что изучение Библии необходимо осуществлять не фрагментарно, а опираясь на русский текст Священного Писания. В данном случае почтенный профессор призывал присутствующих отказаться от сообщения учащимся «излишних

вводных сведений и спорных рационалистических взглядов»⁴⁰² и вместо этого сосредоточиться на изучение самого текста. При этом, согласно его точке зрения, учащиеся сами могли читать Библию, а на уроках они получали бы должное толкование и разъяснение со стороны преподавателя. В таком случае учащимся возможно было бы полностью освоить за годы своего обучения в общеобразовательной школе текст Священного Писания. «Если Священное Писание ввести в курс общеобразовательной духовной школы, то что же останется для богословской школы?»⁴⁰³ - критически заметил профессор В.Ф. Певницкий. В ответ на это Глубоковский отметил, что Библия включает в себе неисчерпаемое количество материала для изучения, поэтому говорить об его дефиците не приходится. К тому же, по его мнению, в пастырских школах можно было бы изучать те фрагменты Священного Писания, которые так или иначе связаны с пастырским служением⁴⁰⁴.

Профессор А.И. Алмазов выступил против углубленного изучения Ветхого Завета в общеобразовательной школе при духовном ведомстве. В защиту своей позиции он привел следующие аргументы. Во-первых, если изучать Писание в образовательной школе, согласно проекту профессора Н.Н. Глубоковского, то вполне возможно, что у воспитанников семинарий возникнут пробелы по другим учебным дисциплинам, а также скорее всего потребует увеличения количества уроков по Священному Писанию в учебной программе данных школ, что вновь может негативно отразиться на преподавании других предметов. Во-вторых, как заметил Алмазов, «если читать весь Ветхий Завет, то при этом настает надобность поступать с большой осторожностью, так как здесь встречаются места, которые представляют некоторые неудобства для ознакомления с ними детей»⁴⁰⁵. Действительно, данные критические замечания имеют под собой определенные основания. В первую очередь очевидно, что такое интенсивное изучение

⁴⁰² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 750.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ См.: *Боголюбов Д.* О наших духовно учебных заведениях в связи с запросами современности // Миссионерское обозрение. 1905. № 4. С. 656.

⁴⁰⁵ Там же, С. 751.

Священного Писания в целом потребовало бы от учащихся немалого количества сил и времени. В таком случае не совсем ясно каким образом им возможно было в полной мере изучать другие дисциплины. Не стоит забывать, что цель общеобразовательных школ при духовном ведомстве в первую очередь состояла в предоставлении светского образования детям духовенства, а уже затем в подготовке воспитанников желающих стать пастырями. Имея ввиду данное обстоятельство, достаточно сложно себе представить, чтобы те дети духовенства, которые поставили себе целью уйти на путь светской жизни, стали бы настолько усердно изучать Священное Писание в ущерб остальным предметам. В лучшем случае такие учащиеся изучали бы Библию поверхностно и формально для того, чтобы получить проходной балл по соответствующему экзамену. А в худшем случае такая постановка преподавания библейской науки могла спровоцировать недовольства и даже акции протеста среди светски настроенных воспитанников. В этой связи, по нашему мнению, проект профессора Н.Н. Глубоковского при всех его достоинствах был в определенной мере непрактичным.

Профессор М.А. Машанов предложил подробно изучать Евангелие и при этом ограничиться кратким знакомством с Ветхим Заветом. Помимо этого, он высказался в пользу введения в практику пользования так называемыми «школьными Библиями». Протоиерей Алексей Мальцев поддержал данную инициативу, сославшись на пример инославных духовных школ, где пользовались «школьными Библиями». В результате голоса заседателей по данному вопросу разделились следующим образом: за подробное изучение Священного Писания по тексту Библии высказались: епископ Арсений, протоиерей Феодор Титов, протоиерей Алексей Мальцев, профессор Н. Н. Глубоковский, М. А. Машанов, В. И. Несмелов и А.И. Алмазов, за фрагментарное чтение Священного Писания в виде иллюстрирующих дополнений к систематическому изучению Закона Божиего – протоиереи Павел Светлов и Константин Левитский, священник Александр Рождественский, профессор И. С. Пальмов, и, наконец, за отнесение Священного Писания к курсу пастырской школы – профессора В. Ф. Певницкий и С. Т. Голубев.

Подводя итоги суждениям заседателей V отдела Предсоборного Присутствия по поводу решения проблем постановки учебного процесса, мы пришли к следующим выводам:

1. Увеличить количество богословских и философских дисциплин в учебных программах общеобразовательного курса духовных семинарий.
2. В случае учреждения общеобразовательных школ при духовном ведомстве в корпус богословских дисциплин должны были входить следующие предметы:
 - а) Священное Писание (подробное изучение по тексту Библии);
 - б) Закон Божий в систематическом изложении.
3. Члены V отдела Предсоборного Присутствия утвердили следующую программу духовных семинарий: Священное Писание, Догматическое богословие, Введение в богословие, Нравственное богословие, Общецерковная история и История Русской Церкви (Историю Поместных Церквей, решено было включить в курс Общецерковной истории), Литургика, Каноника, Гомилетика, Патрология (основное содержание курса – изучение творений Святых Отцов), Дидактику, Греческий и Еврейский языки, Иконописание, Пение, и Чтение (Декламация).

Глава 4. Проблемы воспитательного процесса и способы их решения по материалам официальной и общественной дискуссии

4.1. Палочная дисциплина как проблема воспитательного процесса по материалам церковной периодики

В ходе данной работы неоднократно отмечался тот факт, что проблемы духовного образования и воспитания вызвали широкий резонанс среди церковной общественности. В этой связи очевидно, что дискуссии по данному вопросу не ограничились только лишь официальным форматом, но и велись на страницах периодических изданий. В данной главе будут проанализированы наиболее информативные и предметные суждения церковных деятелей на предмет выявления их точки зрения по интересующей нас тематике. В первую очередь стоит обратиться к аналитике суждений церковных авторов по поводу проблем и способов их решения в области постановки воспитания в духовных семинариях. В данном случае мы попытаемся дать краткий очерк истории возникновения и укоренения «палочной» дисциплины в воспитательной практике отечественных духовных школ. В первую очередь стоит рассмотреть причины внедрения такой педагогической модели в духовных школах.

Выше нами была указана одна из очевидных причин, которая заключалась в том, что на заре возникновения духовных школ обучение в них мыслилось как государственная повинность. Это, в свою очередь, по определению, влекло за собой более жесткие меры наказания в случае нарушения тех или иных семинарских правил. Помимо этого, на формирование воспитательной системы отечественных духовных школ повлияла практика католических семинарий, где получили образование многие видные церковные деятели того времени, в том числе и архиепископ Феофан (Прокопович)⁴⁰⁶. По нашему мнению, из воспитательной практики западных духовных школ были заимствованы далеко не самые лучшие методы воспитания, которые там, без сомнения, имелись. Так,

⁴⁰⁶ См.: *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. С. 99.

например, в свой арсенал отечественные педагоги включили практику тотального контроля за воспитанниками⁴⁰⁷. При этом стоит отметить, что в иезуитских школах целью данной слежки являлось как сообщение должного воспитания учащимся, так и предупреждение различных проступков во избежание применения наказаний. Но в отличие от своих западных коллег отечественные воспитатели духовных школ одновременно использовали в своей практике как тотальный контроль, так и различные наказания. У многих церковных авторов начала XX столетия сложилось впечатление, что зачастую такая «педагогика» имела своей целью не воспитание, а именно наказание за тот или иной проступок.

Еще одна возможная причина формирования полицейско-карательной системы воспитания в семинариях заключалась, по выражению преподавателя А. И. Лотоцкого, в стремлении как светских, так и церковных властей «оторвать воспитанников от современного общества и воспитывать их в новом направлении»⁴⁰⁸. В первую очередь стоит отметить, что данный принцип был зафиксирован в «Духовном Регламенте» архиепископа Феофана (Прокоповича)⁴⁰⁹. Выше мы уже упоминали тот факт, что владыка Феофан стремился устроить духовные школы по монастырскому типу, чтобы изолировать воспитанников от мира и посредством этого создать новую формацию духовенства. Однако, если исходить из истории первых духовных школ в России, то можно увидеть, что данный эксперимент не удался. Об этом свидетельствует факт массового бегства учащихся из духовных школ. «Бывало, что чуть ли не полсеминарии разбежалось, и в ученических списках эпически значилось: "semper fugitiosus" (всегда уклоняющийся)», – констатировал протоиерей Георгий Флоровский. Естественно, что это было обусловлено целой совокупностью причин, но, по нашему мнению, обстоятельство полного закрепощения учащихся в стенах семинарий играло важную роль в этом процессе. С течением времени воспитанникам духовных школ

⁴⁰⁷ Малышев Б. Система педагогики и воспитания иезуитов // Этнодиалоги: альманах. М: Этносфера, 2013. С. 181.

⁴⁰⁸ Цит. по: Мышцын В. Н. Из периодической печати: о духовных семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 7/8. С. 656.

⁴⁰⁹ См: Феофан (Прокопович), архиеп. Духовный регламент 1721 года // Азбука веры: [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/ (дата обращения 10.05.21).

было предоставлено больше свободы, но принцип, некогда озвученный архиепископом Феофаном, так или иначе сохранился в уставах семинарий вплоть до 1917 года. Исходя из изученного нами материала, можно сказать, что многие иерархи и священнослужители, стоявшие во главе духовных школ, чуть ли ни единственным средством по изоляции семинаристов от негативного влияния внешней среды видели в строгой регламентации их жизни и полной информированности о проступках⁴¹⁰. Все это было невозможно осуществить без тотального контроля и системы наказаний. Так, например, С. Любимов описывал уклад жизни в семинарском общежитии следующим образом: «Жизнь в общежитии строится по примеру арестантской. Каждый шаг, каждое движение воспитанника предусмотрены: он ест, пьет, учится, гуляет и даже молится по звонку. Насчитывают до 22 звонков, которые раздаются за день в стенах семинарии. Кругом надзор и караульшики. Жизнь томительна. Дни как две капли воды похожи друг на друга... Убийственное однообразие окружающей обстановки и общая однообразно монотонная жизнь доводит до отчаяния»⁴¹¹. Данная характеристика является яркой иллюстрацией наличия взаимосвязи между данным укладом жизни семинаристов и «палочной» воспитательной системой. Многие церковные авторы изображали в своих статьях аналогичные картины, о чем будет сказано ниже, когда мы поведем речь о последствиях полицейско-карательного режима в духовной школе.

По нашему мнению, такая строгая и подробная регламентации жизни учащихся духовных семинарий во многом является следствием отсутствия у воспитателей знаний о состоянии внутреннего мира воспитанников. По справедливому замечанию профессора В.Н. Мышцына, «имея дело с поведением воспитанника и не зная того, что творится в душе его, семинарская педагогика, естественно, вынуждена следить за каждым его шагом. Она боится предоставить ученику хотя бы час свободы, так как, не зная души его, не уверена в том, что он

⁴¹⁰ С. К. К вопросу об ограждении воспитанников семинарии от влияния пропаганды // Ярославские епархиальные ведомости. 1905. № 38. Неофициальная часть. С. 585–586.

⁴¹¹ Духовная школа. Сб. статей. М.: 1906, С. 96.

не употребит этого часа на что-либо дурное»⁴¹². Приведенные слова Мышцына во многом объясняют причины принципиального педантизма воспитателей духовных школ дореволюционного времени. В случае превалирования дисциплины над воспитанием практически невозможно было каким-либо иным образом пресечь или же исправить поведение учащихся, как только через наказание. В рамках такой системы воспитания схема «преступление-наказание» была приемлема и логична. Однако, оправдывала ли она себя – это большой вопрос. Если исходить из имеющихся данных, то достаточно сложно признать такую систему воспитания конструктивной, а опыт ее применения положительным. Как уже неоднократно отмечалось в данном исследовании, дисциплина является неотъемлемой частью семинарской воспитательной системы. Но ее доминирование при отсутствии систематического воспитания в итоге несет в себе больше недостатков, чем достоинств.

В продолжение рассмотрения «педагогического вопроса» стоит сказать, что еще одна причина формирования «палочной» дисциплины заключалась в отсутствии энтузиазма и необходимых компетенций у многих преподавателей семинарий. Выше мы уже неоднократно констатировали факт автономности и беспризорности воспитанников в духовно-нравственной сфере. Не обошли стороной данную проблему и церковные авторы того времени. «На наших глазах в наиболее даровитых и горячих, но честных головах мысли получали крайне опасное направление только потому, что не было около нас человека, который заинтересовался бы нашим внутренним миром и сказал бы нам убежденное слово. Как легко и бесповоротно влияет в таких случаях какая-нибудь, в сущности, легкомысленная, но отвечающая настроению переживаемого периода книжка, даже мысль, фраза»,⁴¹³ - утверждал в своих воспоминаниях профессор В.Н. Мышцын. В этом отношении достаточно примечателен пример будущего митрополита Вениамина (Федченкова) в его бытность учащимся Тамбовской семинарии, который был приведен в одной из предыдущих глав. Напомним, что в

⁴¹² Мышцын В. Н. Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 656.

⁴¹³ Там же, С. 655.

том фрагменте мы кратко описали структуру агитационной деятельности общесеминарских организаций, а также то, каким образом старшие учащиеся влияли на своих младших товарищей. По нашему мнению, такая деятельность семинаристов во многом была обусловлена отсутствием у педагогов интереса к внутреннему миру воспитанников. Общеизвестно, что в юношеском возрасте люди испытывают нужду в авторитетах. Именно на этой потребности спекулировали агитаторы протестных движений, когда вербовали в свои ряды юных семинаристов. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал об этом следующим образом: «Со мной, еще безусым мальчиком, почему-то неожиданно для меня познакомился воспитанник из предпоследнего, пятого класса Яхонтов, а из четвертого - Кудрявцев. Нам, первоклассникам, это очень льстило»⁴¹⁴. Один из церковных авторов того времени, рассуждая о преимуществах «старших» над преподавателями отметил следующее: «Выдвигаясь из среды товарищей, главари, естественно, знают все интимнейшие интересы, слабости и нужды школьных масс. Педагоги же, обыкновенно, вовсе не хотят или не умеют подойти близко к своим воспитанникам. Их воззрения на массу сводятся чаще всего к неопровержимой уверенности в необходимости держать ее в ежовых рукавицах»⁴¹⁵. Очевидное преимущество «старших» заключалось в том, что они гораздо больше были знакомы с нуждами и интересами своих сверстников. К тому же, в их пользу было и то обстоятельство, что они являлись пусть и старшими, но все же такими же учащимися, как их младшие товарищи. Данный факт давал им большой кредит доверия в студенческой среде. В свою очередь кому-либо из воспитателей было достаточно сложно заслужить такой авторитет, хотя немногим из них удавалось его стяжать. Причиной этому было отсутствие энтузиазма и заинтересованности у преподавателей по отношению к личностям и духовно-нравственному состоянию учащихся. Обер-прокурор К.П. Победоносцев в своем письме к ректору МДА епископу Арсению (Стадницкому) писал следующее: «Наши семинарии постоянно

⁴¹⁴ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 136.

⁴¹⁵ Шумов С. П. Школа и жизнь. Еще по поводу реформы духовно-учебных заведений. Учебная и воспитательная стороны в духовных академиях. Воспитание академическое и семинарское. Мысли светского педагога о воспитательном воздействии на массу // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 802.

волнуются – и главная, существенная и разумная причина состоит в равнодушии и недобросовестности начальников и преподавателей, из коих почти никому нет дела до души молодых людей, кои вверены их надзору; все превращаются в бездушных чиновников, чуждых делу образования и воспитания. Кто же эти начальники и преподаватели? Они бывшие студенты Академии, в свое время тоже поднимавшие мятеж против своих начальников и воспитателей»⁴¹⁶. Не разделяя тезиса обер-прокурора о том, что равнодушие и формальное отношение педагогов к делу было основной причиной протестов в духовных школах, мы в тоже время утверждаем, что данный недостаток был одним из ключевых в постановке воспитательного процесса в духовной школе⁴¹⁷.

Не стоит забывать, что помимо воспитателей и преподавателей в семинариях были еще и духовники, главной обязанностью которых являлось духовно-нравственное воспитание учащихся. К сожалению, нам не удалось найти большого количества свидетельств церковных авторов по этому поводу. Возможно, это было обусловлено тем, что многие церковные авторы рассматривали должность духовника в качестве незначительной и по этой причине не уделяли ей достаточного внимания⁴¹⁸. В тоже время нам удалось найти фрагмент по интересующему нас вопросу в дневниках митрополита Арсения (Стадницкого). Повествуя о годах своего обучения в МДА, он между прочим затронул тему духовного окормления учащихся. В частности, о духовниках он писал следующее: «В глазах студентов они не пользуются никаким особенным авторитетом, а они-то, духовники, как бы сознавая свою неавторитетность, стараются сделать дело как-нибудь, лишь бы исполнить форму, тем более, что нужно спешить, потому что в

⁴¹⁶ Цит. по: *Ефремова О. Н.* Духовно-нравственное состояние Российского общества накануне революции 1905 г. (по материалам дневника епископа Арсения (Стадницкого)) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 337.

⁴¹⁷ См.: *Георгий, еп.* Где причина упадка духовной школы // *Вера и Церковь*. 1906. № 6-7. С. 211; *Ильинский Н. А.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // *Богослов. RU*: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6173070> (дата обращения 20.09.22).

⁴¹⁸ См.: *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // *Миссионерское обозрение*. 1904. № 11. С. 1308–130; *Никон, архим.* К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях // *Иркутские епархиальные ведомости*. 1905. № 6-7. С. 347.

два вечера нужно исповедать около двухсот человек»⁴¹⁹. Из приведенного фрагмента мемуаров иерарха становится понятным по какой причине церковные авторы не уделили много внимания вопросу о качестве духовников в семинариях. Естественно, что данное предположение мы основываем не только на вышеприведенном отрывке. Помимо этого, аналогичную точку зрения можно было встретить в «Отзывах» преосвященных, а также в материалах дискуссий членов V отдела Предсоборного Присутствия. Факт повсеместного обсуждения низкого качества института духовничества в духовной школе заставляет задаться вопросом о причинах такого его положения. Во многом объяснение этому приводится в тех же дневниках митрополита Арсения (Стадницкого), который констатировал следующее: «Обыкновенно ни с чем приходишь на исповедь, то есть не подготовившись, ответишь на два-три вопроса вроде: "слушаетесь ли родителей?" не украли ли чего-нибудь? не пьете ли водки», отметишь крестом себя в списке "для начальства" и ни с чем и уйдешь, совершенно не чувствуя никакой перемены в себе... Я не ошибусь, если скажу, что две трети студентов, если не больше, после такой исповеди не чувствуют в себе никакой перемены. А это положительно зависит от духовника, который не пользуется никакою авторитетностью, не стоит выше в развитии студентов, не знаком с внутреннею жизнью студентов, а потому и не может затронуть тех или иных сторон известного субъекта, чтобы вызвать известный отклик. Конечно, при такой форме исповеди как у нас, невозможно даже, пожалуй, и достойному духовнику успешно достигать цели исповеди»⁴²⁰.

Из вышеприведенных фрагментов дневника владыки Арсения можно выделить несколько проблематичных аспектов постановки духовничества в семинарии. В первую очередь стоит сказать, что отведенного времени для исповеди воспитанников недостаточно, если не сказать, что его критически мало. Подобного рода цейтнот вынуждал даже ответственно относящихся к делу духовников «ускорять процесс», поскольку в противном случае определенная часть учащихся

⁴¹⁹ Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 1. 1880-1901. [подгот. и ред. О. Н. Ефремова]. М., 2006. Т. 1: 1880–1901: [По материалам ГА РФ]. С. 40.

⁴²⁰ Там же, С. 180.

могла не принять участия в Таинстве Исповеди. Если исходить из вышеприведенных сведений митрополита Арсения, то станет очевидно, что все же отведенного времени для формального проведения Таинства более или менее было достаточно. Это обстоятельство, в свою очередь, заставляет задаться вопросом о качестве взаимодействия между духовником и учащимися. Согласно мнению цитируемого иерарха, оно было низким, поскольку духовник во время исповеди ограничивался лишь формальными вопросами, не знал внутренней жизни воспитанников и не был выше учащихся в интеллектуальном или же в духовном отношении. Все это приводило к тому, что духовник семинарии был лишь номинальной фигурой в воспитательной системе духовной школы, которая не пользовалась никаким авторитетом.

Что касается основной массы преподавателей семинарий того времени, то, к сожалению, имеющиеся в наличии данные свидетельствуют о недостаточности у них педагогических компетенций. В качестве причин данной проблемы можно указать несколько факторов. В первую очередь была очевидна недостаточность, а зачастую даже отсутствие теоретических знаний по педагогике у выпускников духовных академий⁴²¹. Один из церковных авторов констатировал это следующим образом: «Молодые педагоги, изучая в академии педагогику, психологию и логику как предметы просто теоретического ведения, и не думают о практическом применении их, вступая на педагогическую деятельность, а потому и не считают нужным возобновить их в памяти. И выходит опять, что в основу педагогической практики в большинстве случаев закладываются не результаты многовекового опыта, а рутинная бессознательная подражание или мертвящий эгоизм личного опыта»⁴²².

Сложно не согласиться с вышеприведенным утверждением. Действительно, если рассуждать логически, то у молодого преподавателя было всего лишь 3

⁴²¹ *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1300; *Никон, архим.* К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 6-7. С. 340.

⁴²² *Шумов С. П.* Школа и жизнь // Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 728.

источника знаний и представлений о постановке педагогического дела. Первый – их личный опыт воспитания в семье. Второй – курс педагогики в духовной академии. Третий – опыт воспитателей духовной школы, в которой они обучались. Сложно говорить о полноценном воспитании будущих пастырей в семье, поскольку они в достаточно юном возрасте отдавались в духовные училища, которые как было показано выше, более деформировали их души, чем направляли в доброе русло. Также сложно было рассчитывать и на то, что академисты кропотливо и тщательно изучали курс педагогики и психологии, как по причине теоретического характера этих предметов, так и по причине их учебной загруженности⁴²³. В результате оставалось воспроизводить методы воспитания, которые они увидели в годы своего обучения в семинарии⁴²⁴. Один из церковных авторов следующим образом описывал подобное «подражание» молодых педагогов, которые, по его словам, «с первых же шагов возводят себя на пьедестал воспитательной непогрешимости и начинают требовать уважения к себе, послушания и откровенности, совершенно упуская из виду, что для достижения всего этого мало требовать, а необходимо предварительно заслужить уважение и доверие детей...»⁴²⁵. На этом мы заканчиваем описание основных причин формирования и закрепления в духовной школе полицейско-карательной системы воспитания. Далее мы проанализируем и продемонстрируем влияние этих факторов как на преподавателей, так и на воспитанников дореволюционных духовных школ.

В первую очередь к числу самых очевидных последствий доминирования «палочной» дисциплины в духовной школе можно отнести формализм и репрессивный характер семинарской воспитательной системы. На данный негативный аспект указывало большинство церковных авторов, писавших о состоянии духовных школ того времени. По нашему мнению, предельно точно формализм воспитательного режима семинарий охарактеризовал С. Любимов,

⁴²³ См.: Значение психологии в деле воспитания // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 12. С. 650.

⁴²⁴ *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 658.

⁴²⁵ Там же, С. 725–726.

который по этому поводу заметил следующее: «Семинарист живет в мире форм и схем, которым придается религиозное значение. Его окружают декорации; среди них и сам он играет роль статиста. Начальство считает себя удовлетворительным, когда питомец обнаруживает благочестивые навыки», но оно забывает, что раз известные действия становятся привычными, они все больше и больше перестают быть сознательными, а сознательность в религии – все»⁴²⁶. В сущности, как администрация, так и многие учащиеся семинарий как будто бы симулировали свои обязанности. Выражаясь иными словами, можно даже сказать, что те и другие в разной мере пытались соблюдать правила «ролевой игры». Вполне естественно, что такой формализм порождал определенные проблемы как у лиц его поддерживающих, так и у тех, кто подвергался его воздействию. Начнем с первых.

С. Любимов по этому поводу точно заметил, что «между общей полицией и духовно-школьной инспекцией можно не только найти аналогию, но и установить действительное внутреннее сходство»⁴²⁷. Синодальный чиновник А.В. Гаврилов в письме архиепископу Савве (Тихомирову) констатировал что «наши помощники инспектора — именно полиция, а не воспитатели. Их служба состоит в записи грехов семинаристов»⁴²⁸. Большинство методов семинарских воспитателей во многом были схожими способами действия стражей правопорядка. К числу аналогичных средств воздействия можно отнести слежку, использование шпионажа, обман, применение разного рода манипуляций к подозреваемым, обыски, систему наказаний, имеющей своей целью только лишь ограничение внешних причин правонарушений, подозрительность и недоверие, а также безучастное и равнодушное отношение к дальнейшей участи провинившегося⁴²⁹. Тот же С. Любимов следующим образом охарактеризовал таких семинарских воспитателей: «Люди с полицейскими задатками находят в духовной школе

⁴²⁶ Духовная школа. Сб. статей. М.: 1906, С. 86; См.: *Никон, архим.* К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 6-7. С. 338.

⁴²⁷ Там же, С. 66.

⁴²⁸ Цит. по: *Голубцов С. А.* диак. Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века. Т. 1. Ч. 3. Московская духовная академия дореволюционного периода. С. 58.

⁴²⁹ См.: *Шумов С. П.* Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом в духовных школах... // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1119.

благодарную почву для развития своих природных способностей... Для них воспитательное дело – особый вид спорта. При исполнении служебных обязанностей такие воспитатели переживают все муки и волнения, все благородные чувства записного охотника, подстерегающего дикого зверя»⁴³⁰.

По нашему мнению, все вышеназванные сходства между методами полиции и семинарских воспитателей в концентрированном виде можно увидеть в постановке практики доносительства в духовной школе⁴³¹. В мемуарах бывшего учащегося одной из провинциальных семинарий И. Шадрина можно встретить следующий фрагмент, который подробно описывает технологию вербовки семинарской администрацией шпионов среди воспитанников: «Начиналось с внимания к положению ученика, обыкновенно юнца, и такого, который по самому виду был из более мягких, изнеженных и податливых. Инспектор как-нибудь случайно высказывал участие к его судьбе, спрашивал о родных, советовал. А потом, когда ученик забывал инстинктивную вражду и недоверие, пускался в откровенности, инспектор ловко вставлял два-три вопроса, ответив на которые, ученик разоблачал целую классную историю или с головой выдавал кого-либо из своих товарищей. Отступления не было. Поняв ошибку и мучимый совестью, ученик иногда пытался отказываться от невольного доноса, – но безуспешно. На все свои оправдания он встречал холодное: "Вы разве покрывать его хотите? Значит, вы заодно?" И ученик невольно терялся, и в успокоение своей совести приводил то, что он был обманут, что он невольно выдал, не хотел этого делать»⁴³².

Для полноты картины необходимо привести пример прагматизма семинарской администрации по отношению к своим «агентам». В годы протестной активности семинаристов учащиеся одной из духовных школ решили подать петицию с требованиями к руководству. Однако данная акция была сорвана, поскольку духовное начальство благодаря своему осведомителю среди учащихся узнало об этом и наказало ее инициаторов. Но каким-то образом учащиеся

⁴³⁰ Там же, С. 70.

⁴³¹ См.: *Любимов С.* Воспитание в духовной школе». Духовная школа: Сб. М., 1906. С. 74.

⁴³² *Шадрин И. Г.* Бурса: Повесть из современной жизни духовных семинарий и духовенства. Пг.: Тип. Л. Я. Гинзбурга, 1917. С. 40–41.

обнаружили того, кто осуществил донос и потребовали от семинарской администрации отчислить его из состава учащихся. Ректор, опасаясь бурных акций протеста и при этом не желая напрямую исполнять волю семинаристов, предложил, чтобы виновник данного инцидента по собственной воле покинул стены духовной школы, чего, заметим сразу, он не сделал. По словам С. Любимова, «ректор счел своим долгом предупредить его, что, оставаясь среди возмущенных товарищей, он должен рассчитывать уже только на самого себя. Теперь представьте себе положение этого глубоко несчастного юноши–доносчика, молодого, неокрепшего духовно человека. Вместо того чтобы указать воспитаннику на безнравственность каких бы то ни было доносов, воспитатели воспользовались его услугами и тем самым, так сказать, санкционировали в глазах его нравственную допустимость подобных поступков, а затем, когда обстоятельства круто изменились, они выдали его с головой возмущенным товарищам, пилатски умыв руки»⁴³³. Представленные выше фрагменты с очевидной ясностью иллюстрируют всю совокупность «полицейских» методов семинарских воспитателей, которые были указаны выше. Естественно, что применение данных способов воспитания формировало у таких педагогов соответствующие черты характера.

Одно из очевидных негативных последствий недостатка у преподавателей и воспитателей педагогических компетенций заключалось в отсутствии соблюдения элементарных принципов возрастной педагогики⁴³⁴. Напомним, что в семинарии обучались воспитанники различных возрастов. Один из церковных авторов следующим образом описывал данную проблему: «Здесь и мальчуганы 14–15 лет, здесь и 20–25-летние молодые люди, которые через несколько месяцев будут сами полноправными гражданами, главами семейств, воспитателями других, быть может, взрослых. И все они – постоянно вместе, в одном и том же помещении, – великое благо, если хоть в разных этажах, – подчиненные, в сущности, одному и тому же режиму. Тщательный надзор, какой желателен по отношению к малолетним, находящимся в этой массе, будет излишним и без нужды докучливым

⁴³³ Там же, С. 75–76.

⁴³⁴ Тихомиров Д. Педагогические заметки. СПб, 1911. С.118–119

по отношению к взрослым»⁴³⁵. Говоря иными словами, воспитательный режим в основном был рассчитан на совершенно юных учащихся, тогда как старшекурсников в основной своей массе было сложно отнести к таковым. Более того, как было замечено выше, многие из них в скором будущем могли стать и становились священнослужителями и главами семейств. В этой связи совершенно не ясно по какой причине к таким воспитанникам администрацией духовных школ предъявлялись воспитательные требования, рассчитанные на несовершеннолетних подростков⁴³⁶.

Ввиду того, что администрацию преимущественно волновало внешнее поведение учащихся, некоторые учащиеся вольно или невольно избирали тактику лицемерия и хитрости⁴³⁷. К таким средствам прибегали не только те воспитанники, которые достаточно часто нарушали дисциплину. Зачастую ими были вынуждены пользоваться и вполне благонадежные студенты. Зачем? Все дело в том, что каждому студенту воспитатели ежегодно выставляли балл за поведение. Конечный результат по этому показателю мог серьезным образом повлиять на будущее студента. По этой причине учащиеся духовной школы всеми силами старались избегать понижения балла за поведение. Но это обстоятельство не мешало многим из них ловко лавировать между установленными ограничениями и совершать поступки, выходящие за рамки семинарских правил. По замечанию С. Любимова, «семинарист самым беззастенчивым образом может игнорировать безчисленные правила школьной дисциплины, но если он умеет, когда нужно, исчезать из поля зрения начальнического ока, то он всегда будет иметь и высший балл по поведению, и избежит наказания там, где пострадают менее виновные, но не настолько ловкие товарищи. Не пойман – не вор... Хорошо аттестуются не самые лучшие, а самые изворотливые и ловкие»⁴³⁸.

⁴³⁵ К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях. С. 783.

⁴³⁶ *Дубакин Д.* О реформе нравственно-воспитательной части в духовных семинариях // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Неофициальная часть. С. 27.

⁴³⁷ *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1299.

⁴³⁸ *Духовная школа.* Сб. статей С. 105; См также: К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях. С. 784.; *Шумов С. П.* Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом... // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1109.

Помимо того, что балловая система культивировала в учащих лицемерие и хитрость, к тому же она в имеющемся виде была антипедагогична, поскольку оценивала не личность воспитанника, а его проступки. Один из церковных авторов заметил, что в многолюдных семинариях возможны даже такие случаи: «Если ученик оказывается исправным со стороны требований дисциплины, он может пройти весь семинарский курс, почти ни одним словом не перемолвившись с своими воспитателями»⁴³⁹. Если исходить из того, что критерием благонадежности того или иного воспитанника являлось отсутствие правонарушений, то действительно можно согласиться с тем, что контакты между администрацией и такими учащимися скорее всего сводились к минимуму⁴⁴⁰. Данное обстоятельство подтверждает факт духовной беспризорности и автономности семинаристов. В таком случае достаточно сложно согласиться с объективностью оценок, выставляемых учащимся за поведение. Ведь прежде, чем каким-либо образом воспитатель оценит тот или иной поступок, он должен быть хорошо осведомлен о том, кто его совершил и с какими мотивами, а также при каких обстоятельствах это произошло. Учет данных факторов необходим, поскольку именно он позволяет воспитателю объективно оценить ситуацию и поведение воспитанника. В противном случае, по утверждению В. Красина, «механическая, формальная постановка и вывод баллов по поведению вносит крайне вредный в воспитательном деле формализм, уродует воспитателей, делая из них бездушных надсмотрщиков и сыщиков, способствует развитию очень опасных пороков в учениках (лицемерие, стремление скрыть свою вину, обмануть начальство и мн.др.), подменяет воспитательный режим чисто полицейским дозором и сыском и совсем не дает настоящего понятия об ученике»⁴⁴¹.

Очевидным следствием такой постановки педагогического дела являлось безучастное отношение преподавателей к судьбе воспитанников. В основном, это

⁴³⁹ К вопросу о постановке дела воспитания в семинариях. С. 784.

⁴⁴⁰ *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1299.

⁴⁴¹ Цит. по: *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века. С. 301; См.: *Лавров К., свящ.* Один из наиболее важных вопросов // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 30. Неофициальная часть. С. 975.

выражалось в тех случаях, когда на педагогическом совете решалась участь того или иного учащегося. Достаточно редко заседатели обременяли себя разбирательствами в обстоятельствах и мотивах совершения того или иного преступления. В подавляющем большинстве случаев заседания педагогических советов сводились только лишь к определению меры наказания провинившегося⁴⁴². Зачастую подсудимым выносились самые строгие вердикты, к числу которых можно отнести понижение балла за поведение или же исключение из состава учащихся. Естественно, что такая постановка судопроизводства была не лишена недостатков. Первым очевидным недостатком такой практики проведения педагогических советов являлось то обстоятельство, что обвиняемый был лишен права защиты себя. При том что, как было отмечено выше, провинившимся выносили строгие вердикты. В качестве второго недостатка можно указать тот факт, что в разбирательствах над провинившимся участвовали заинтересованные лица. Нередкими были случаи, когда надзиратель доносил сведения до семинарской администрации о «неправомерном поведении» того или иного учащегося по субъективным мотивам. П.В. Левитов следующим образом описывал данную проблему: «Свидетельство начальствующего лица, преподавателя или члена инспекции считается заслуживающим безусловного доверия, хотя бы против него одного свидетельствовали целые сотни воспитанников, и хотя бы в исходе дела он был лично заинтересован. Если, например, преподаватель или даже надзиратель заявляет, что воспитанник ему «нагрубил», то это заявление не признается подлежащим проверке, и сам оскорбленный участвует в суде над своим обидчиком не только как обвинитель, но и как член»⁴⁴³. Еще одним недостатком семинарского судопроизводства являлось применение неэтичных приемов расследования. К их числу можно отнести попытки членов воспитательного собрания поймать подозреваемого на слове, запутать или же сбить его с толку, и наконец, вынудить признание через угрозы. Также виновность или невиновность

⁴⁴² См.: *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1297.

⁴⁴³ *Левитов П. В.* По вопросу о духовном образовании // Богословский вестник. 1906. Т. 2. № 6. С. 340.

воспитанников, особенно в период протестной активности семинаристов, зачастую определялась по свойствам характера и набору качеств того или иного учащегося, а также на основании предположений, слухов, различных негласных свидетельств, источник которых известен далеко не всем членам педагогического совета.

В итоге, по замечанию публициста С.П. Шумова, во время таких заседаний «никто, решительно никто не скажет о нем доброго слова: все клеймят и позорят. Как будто и в самом деле учебное заведение не ответственно за недостатки и порочность учащихся, как будто вина исключаемого не лежит на самих педагогах»⁴⁴⁴. Всю противоречивость подобного поведения педагогического совета можно продемонстрировать следующим образом. Стоит начать с того, что возможность отчисления довлела над учащимися вплоть до заключительного курса и даже до последнего дня пребывания в духовной школе. Напомним, что полный курс семинарии составлял 6 лет. По нашему мнению, даже в условиях плотной укомплектованности духовных школ того времени воспитателям при верном отношении к своему делу возможно было приобрести хотя бы приблизительное представление о своих подопечных. Однако, факты отчисления воспитанников со старших курсов говорят либо об излишней строгости членов педагогического совета, либо, наоборот, о попустительстве. То есть, с одной стороны, если студент совершил серьезный проступок единственный раз, то вышеперечисленные кардинальные меры были излишними и слишком строгими. С другой стороны, если учащийся систематически и серьезно нарушал правила дисциплины, то в таком случае сложно отрицать вину воспитателей, поскольку они своим попустительством санкционировали подобное поведение учащихся. К тому же, получается так, что педагоги и вся воспитательная система семинарии за все время присутствия такого воспитанника в духовной школе не только не смогли на него положительным образом воздействовать, но даже просто определить его несоответствие букве устава.

⁴⁴⁴ Шумов С. П. Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом... // Христианское чтение. № 12. 1899. С. 1119.

Естественно, что этим утверждением мы не снимаем ответственности за проступки с учащихся, но вместе с тем полагаем, что в прямые обязанности воспитателей входило либо посильное исправление таких воспитанников, либо, в безнадежных случаях, их скорейшее удаление из числа учащихся. По нашему мнению, в том и другом случае духовная школа в целом и педагогический персонал в частности в той или иной мере ответственны за совершение различных проступков со стороны учащихся. К тому же, равнодушие и безразличие у воспитателей к дальнейшей судьбе воспитанника свидетельствует о недостаточности у них достаточного количества педагогических компетенций.

Еще более негативные последствия подобного рода формализм вносил в дело духовно-нравственного воспитания учащихся. Согласно утверждению профессора В.Н. Мышцына, «естественными последствиями такого ведения на помочах является недостаток самостоятельности и инициативы, отсутствие самоопределяющего начала и собственных „задерживающих центров“. Усилия мысли и воли ученика направляются не столько на выработку собственных положительных убеждений, собственной жизненной программы, сколько на воспитание в себе способности принаравливаться ко всяким условиям, угадывать желания других, идти по чужим следам. Эти черты оказываются характерными для большинства прошедших духовную школу и для большинства нашего духовенства»⁴⁴⁵. Достаточно сложно не согласиться с утверждением вышеприведенного автора о том, что данный воспитательный режим культивировал инфантильность в учащихся и лишал их самостоятельности и инициативы⁴⁴⁶. Составители семинарских уставов, по всей видимости, рассматривали учащихся как потенциальных преступников и потому отказывались признавать за ними какую-либо автономию и свободу.

Если обратиться к учебному процессу, то можно увидеть, что учащиеся и большинство преподавателей было скованно синодальными учебными

⁴⁴⁵ Мышцын В. Н. Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 657.

⁴⁴⁶ С. К. К вопросу об ограждении воспитанников семинарии от влияния пропаганды // Ярославские епархиальные ведомости. 1905. № 38. Неофициальная часть. С. 587.

программами и пособиями, за рамки которых заступать было строго запрещено⁴⁴⁷. Семинарские библиотеки либо не располагали, либо не предоставляли доступа к так называемым запрещенным книгам. Зачастую к их числу относились многие труды, которые на данный момент считаются классическими в различных областях человеческого знания. В итоге, если бы семинаристы следовали данным предписаниям, то они в лучшем случае были бы знакомы с идеями, потерявшими давно уже свою актуальность⁴⁴⁸. В свою очередь, это означает, что они, не зная того, чем живут их современники, не смогли бы стяжать среди них авторитета и вести их за собой. Если же мы обратимся к семинарскому воспитательному режиму, то об инициативе и самостоятельности со стороны учащихся также говорить не приходится. Весь день воспитанника был строго расписан. Регламентации подвергались все стороны жизни учащихся, начиная от религиозной и кончая бытовой сферами. По нашему мнению, прекрасной площадкой для развития самостоятельности и самодеятельности семинаристов могли бы стать различные тематические кружки, организация социальной и пастырской деятельности. Хотя в некоторых семинариях использовались такие конструктивные формы организации досуга учащихся⁴⁴⁹, но в большинстве духовных школ эти мероприятия проходили достаточно редко. Все вышесказанное можно резюмировать словами митрополита Антония (Храповицкого), который в своей статье под названием «Заметки о нашей духовной школе» утверждал о выпускниках семинарий следующее: «Ему ли воодушевлять? Ему ли собирать? Ему ли идти впереди стада следующих за ним овец? Нет, пастырская инициатива подсекута в нем мечом казенщины, пастырь в нем убит, и, конечно, овцы его

⁴⁴⁷ См.: *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: Нужны ли экзамены в духовных учебных заведениях // Богословский вестник. 1900. Т. 1. № 4. С. 758.

⁴⁴⁸ См.: *П. В. С.* Духовная школа и желательная ее реформа // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 35. Неофициальная часть. С. 903–904; *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 655; *Боголюбов Д.* О наших духовно учебных заведениях в связи с запросами современности // Миссионерское обозрение. 1905. № 4. С. 653.

⁴⁴⁹ В Тамбовской семинарии при ректорстве архимандрита Феодора (Поздеевского) в духовной школе проводились еженедельные воскресные чтения, где учащиеся выступали с докладами по религиозно-философским и литературным вопросам. В Самарской и Тульской семинариях с начала XX века была внедрена практика паломничества к святыням. В Смоленской семинарии организовывались литературные вечера и театральные представления.

рассеются. Если же он не таков, если сохранил пастырский дух, то опять не из школы его вынес»⁴⁵⁰.

Помимо того, что выпускники духовных школ зачастую не обладали необходимым для пастырства уровнем самостоятельности, они, к тому же, не были в достаточной мере знакомы с миром, в котором жила их паства. Такое положение дел было естественным следствием практически полной изоляции учащихся от мира во время их обучения в семинарии. По меткому замечанию профессора В.Н. Мышцына, выпускник духовной школы того времени в интеллектуальном отношении был «похож на человека, чудесным образом проснувшегося чрез столетие. Он перестает понимать людей, и его понимают мало. Его слово безжизненно, так как взято по ошибке из другого века. Если речь его направлена на современные темы, то поражаешься его способностью говорить о том, чего он не знает, извращать чужие мысли и факты и предлагать уроки и назидания, которые никого не трогают, никого не убеждают. Все это происходит от того, что он оторван был в духовной школе от современной жизни»⁴⁵¹. Аналогичным образом складывалось дело и в результатах воспитательного процесса. Зачастую семинаристы, воспитанные по лекалам средневековой педагогики и псевдомонашеского аскетизма, полагали эти принципы в основу своего пастырского служения. В этой связи весьма характерен следующий фрагмент воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова), в котором он следующим образом констатировал состояние предреволюционного духовенства: «Большую частью мы становились "требоисполнителями", а не горящими светильниками. Не помню, чтобы от нас загорелись души... Только дух в духовенстве начал угасать»⁴⁵². По нашему мнению, одна из причин подобного положения дел заключалась в том, что священнослужители того времени получали в семинариях знания, оторванные от жизненных реалий общества, а также воспитывались согласно средневековым принципам педагогики. Негативные последствия такого

⁴⁵⁰ *Антоний (Храповицкий), митр.* Полное собрание сочинений. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1900. Т. 3. С. 612.

⁴⁵¹ *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 669.

⁴⁵² *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. С. 129.

подхода к воспитанию учащихся духовных школ были показаны выше. В результате этого в начале XX века пастыри не могли в полной мере ответить на те вызовы, которые выдвинула им современная эпоха.

Подводя итоги данному параграфу, в качестве причин формирования и существования «палочной» дисциплины можно указать следующие факторы:

1. В качестве причин закрепления «палочной» дисциплины церковные авторы рубежа XIX-XX столетий указывали следующие факторы: превалирование юридического принципа в воспитании, стремление церковных иерархов и семинарской администрации к полной изоляции учащихся от мира посредством насаждения и даже навязывания «монашеских идеалов» и образа жизни, отсутствие у воспитателей знаний о духовно-нравственном состоянии учащихся, неверный способ подготовки ученых монахов к епископскому служению, частая смена лиц администрации и, как следствие, отсутствие последовательной и скоординированной педагогической программы при осуществлении воспитательного процесса, неопытность и незрелость многих руководителей духовных школ, отсутствие у большинства преподавателей педагогических компетенций, и, как следствие, недостаток положительных примеров и моделей воспитания.
2. К числу негативных последствий полицейско-карательной системы воспитания церковные авторы отнесли следующие аспекты:
 - a) «палочная» система воспитания отрицательным образом влияла как на преподавателей, так и на воспитанников. Такая методика воспитания учащихся порождала в педагогах подозрительность и недоверие, безучастное и равнодушное отношение к дальнейшей участи провинившегося, недостаток у большинства преподавателей педагогических компетенций;
 - b) в воспитанниках такая воспитательная система культивировала лицемерие, хитрость, изворотливость, инфантильность, недостаток

самостоятельности и инициативы, оппортунизм, оторванность знаний и воспитания семинариста от реалий окружающего их мира.

4.2. Проекты решения проблем воспитательного процесса по материалам периодики

Церковные авторы исследуемого периода уделяли особое внимание не только лишь критике воспитательного процесса духовных школ, но и предлагали различные проекты по его реформированию. По нашему мнению, прежде чем рассмотреть какие-либо конкретные предложения по решению тех или иных проблем воспитательного процесса, необходимо обратиться к мнению церковных авторов о том на каких принципах он должен быть устроен.

Профессор М.А. Остроумов в своей статье «О реформе духовной семинарии» утверждал, что духовная школа должна быть «проникнута духом христианства. Пусть этот дух христианства ясно обнаруживается не только на утренней молитве, по случаю торжества и вообще при всех благоприятных случаях, когда в сборе бывает вся школа, но пусть он господствует и в преподавании, и в воспитательной деятельности каждого учителя в отдельности»⁴⁵³. Достаточно сложно не согласиться с вышеприведенными словами М.А. Остроумова. В предыдущем параграфе мы продемонстрировали негативные последствия применения принципов «палочной» дисциплины в духовной школе. Как было показано выше, во многом их использование проистекало из незнания преподавателями внутреннего мира учащихся. К тому же, используемая в дореволюционных духовных школах модель воспитания была направлена прежде всего на выработку внешней благопристойности и, по своей сути культивировала только лишь дисциплину. В свою очередь духовно-нравственное воспитание учащихся практически сводилось к минимуму⁴⁵⁴. В этой связи для духовных школ того времени было важно повысить уровень религиозности всей учебно-воспитательной

⁴⁵³ Остроумов М. А., Глубоковский Н. Н. О реформе духовной школы. С. 20.

⁴⁵⁴ Давид, архим. Каковым должен быть пастырь, чтобы он мог иметь успехи в своей миссии? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 18. Неофициальная часть. С. 343.

системы семинарии. По мнению М.А. Остроумова, это возможно было сделать посредством религиозного влияния преподавателей и воспитателей на учащихся. По определению педагоги духовных школ должны были оказывать такое влияние, но на практике дело обстояло несколько иначе. Поскольку выше были приведены размышления и иллюстрации по этому поводу, то в данном случае ограничимся тем замечанием, что хоть и, по существу, вышеприведенная мысль профессора М.А. Остроумова верна, в тоже время ей недостает конкретики. В этой связи остается зафиксировать положение о том, что религиозная составляющая должна занимать первичное место во всем строе семинарии.

С более конкретными предложениями по постановке воспитательного дела выступил Е.П. Воскресенский в своей статье «О реформе духовно-учебных заведений». В частности, он утверждал следующее: «Воспитание в духовной школе должно носить индивидуальный характер. Каждый ученик должен быть рассматриваем как вполне самостоятельный воспитательный объект. Должна быть изучена природа каждого ученика со всеми ее своеобразными особенностями, а задачей школьного воспитания должно быть поставлено раскрытие и укрепление лучших сторон этой индивидуальности и постепенное ослабление и уничтожение худших. Внешнее благоповедение не должно занимать первенствующего места в школьном воспитании, в последнем на первом плане должна стоять душевная жизнь каждого в отдельности ученика»⁴⁵⁵. В сущности, в данном случае Воскресенский, вслед за Остроумовым, предлагает сместить акцент с внешнего воспитания на религиозное. Но в отличие от последнего он формулирует более конкретный тезис о том, что воспитание в духовной школе невозможно без целостного знания индивидуальных особенностей и внутреннего мира каждого воспитанника⁴⁵⁶.

Более ярко данную мысль выразил священномученик Фаддей (Успенский) в своем труде «Записки по дидактике». По этому поводу он заметил следующее:

⁴⁵⁵ Воскресенский Е. П. О реформе духовно-учебных заведений // Богословский вестник. 1906. Т. 3. № 10. С. 381–382.

⁴⁵⁶ См.: Козицкий П. К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1299.

«Учитель имеет дело не с мертвыми машинами, которые, будучи однажды заведены, однообразно и правильно совершают свою деятельность, и не с явлениями природы, которые без труда подводятся под общие неизменные законы, но с духовной природой детей, с самой человеческой душой, жизнь которой не может быть подчинена строго неизменным законам, – вследствие присущей ей свободы в ней постоянно происходит нечто новое, и она способна к постоянному усовершенствованию»⁴⁵⁷. Как уже неоднократно было отмечено выше, одной из ключевых проблем воспитательного процесса дореволюционных духовных школ являлось то обстоятельство, что составители уставов и большинство учащихся смотрели на воспитанников как на объекты, которые должны были беспрекословно исполнять свод семинарских требований и правил. К сожалению, такие педагоги упускали из виду тот факт, что их воспитанники являлись живыми личностями, индивидуальность которых невозможно было измерить одной общей мерой. Но составители уставов духовных школ пытались унифицировать всех учащихся под определенный стандарт. Данный подход заведомо обречен на неудачу в силу уникальности личности каждого человека.

По нашему мнению, устав мог давать определенный вектор и ориентир для педагогов в воспитательной деятельности, применение которого в каждой отдельно взятой ситуации должно было опираться на целый комплекс факторов. К их числу можно отнести: возраст, физическое и духовно-нравственное состояние воспитанника, индивидуальные особенности характера учащегося, его интеллектуальные способности, социальное происхождение и т.д. Только в случае учета данных переменных можно было конструктивно и эффективно применять требования устава. В одной из предыдущих глав мы проиллюстрировали на примере педагогической деятельности митрополита Евлогия (Георгиевского) каким образом преподавателю можно практиковать индивидуальный подход в воспитательной деятельности и вместе с тем поддерживать авторитет и порядок в духовной школе. Таким образом, можно считать справедливым утверждение

⁴⁵⁷ *Фаддей (Успенский), свщмч.* Творения. Книга II. Записки по дидактике. Тверь. 2003. С. 37.

вышеприведенных авторов о необходимости индивидуального подхода в воспитательном процессе духовных школ.

Помимо индивидуального подхода к воспитанию будущих пастырей церковные авторы полагали, что авторитет педагогов должен был зиждиться не на репрессиях и диктате, а на их профессионализме и человеческих достоинствах⁴⁵⁸. Также, по их мнению, духовно-нравственный авторитет преподавателей должен быть основным двигателем воспитательного процесса в духовной школе. В частности, архиепископ Фаддей (Успенский) в своем труде «Записки по дидактике» утверждал, что «авторитет должен основываться на свободном доверии и уважении к учителю, а не на подавлении личности ученика. Поэтому учитель не должен на каждом шагу проявлять свою власть над учеником и давать ему чувствовать свое превосходство. Он нередко должен предоставлять ученику свободу действовать по собственному рассуждению и избранию»⁴⁵⁹. Выше мы продемонстрировали, что одна из причин формирования «палочной» дисциплины заключалась в отсутствии у воспитателей знаний о духовно-нравственном состоянии учащихся и возможности влиять на него. По этой причине педагоги дореволюционных духовных школ прибегали к страху и репрессиям с целью минимизировать риск нарушения уставных правил поведения со стороны учащихся. Данная система воспитания предполагала минимум свободы и уважения к личности учащегося со стороны преподавателей. Не случайно такой способ формирования будущих пастырей называли полицейско-карательной системой воспитания, поскольку каждая из ее составляющих имела своим орудием воздействия страх и репрессии. В этих условиях проявление уважения и доверия к студенту, а также предоставление ему определенной степени автономии со стороны педагогов духовных школ по определению означало крушение полицейско-карательной системы воспитания. В сущности, церковные авторы призывали воспитателей духовных школ к реализации очевидной педагогической аксиомы, которую замечательно сформулировал историк В.О. Ключевский:

⁴⁵⁸ К реформе духовных школ // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 52. С. 2284.

⁴⁵⁹ Фаддей (Успенский), *свщмч.* Творения. Книга II. Записки по дидактике. С. 49.

«Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь»⁴⁶⁰. Данные слова будут справедливы не только лишь по отношению к преподавателям, но и к воспитателям. К сожалению, большинство деятелей дореволюционной духовной школы, причастных к постановке учебно-воспитательного процесса, далеко не соответствовали вышеприведенным словам историка В.О. Ключевского.

Естественным следствием «палочной» дисциплины являлось отсутствие авторитета, у семинарских педагогов среди учащихся. Нормальная постановка воспитательного процесса в духовной школе невозможна без наличия авторитета преподавателей. Архиепископ Фаддей (Успенский) по этому поводу утверждал следующее: «Учитель имеет дело с душой детей. А чтобы воздействовать на душу, нужно учителю самому иметь такие качества, какие он желает воспитать в детях. Поэтому громадное значение имеет в учебно-воспитательном деле личность учителя»⁴⁶¹. Действительно, в таком учебном заведении как семинария, где воспитательный аспект проходит красной нитью через весь ее строй, личный пример педагогов должен быть определяющим фактором нравственного влияния на воспитанников⁴⁶². Еще основоположник педагогики Ян Амос Коменский в своем труде «Великая дидактика» утверждал, что педагог для юношества должен быть «сам живым образцом во всем, чему нужно научить. Без этого все остальное будет напрасно»⁴⁶³. Редкие педагоги духовных школ могли увлечь своим примером и повлиять положительным образом на семинаристов. Тогда как многие воспитатели духовных школ либо были индифферентны в этом отношении, либо, что еще хуже, оказывали негативное влияние на своих подопечных.

Под последним мы первую очередь подразумеваем безнравственное поведение лиц администрации, воспитателей и преподавателей, которое порождало так называемую двойную мораль. Епископ Иннокентий (Фигуровский)

⁴⁶⁰ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. Отв. ред. акад. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1968. С. 328.

⁴⁶¹ Фаддей (Успенский), *сщмч.* Творения. Книга II. Записки по дидактике. С. 41.

⁴⁶² Во дни оскудения // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Неофициальная часть. С. 691–692.

⁴⁶³ Коменский Я. А. Великая дидактика. М.: Государственное Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. С. 262.

в своей статье следующим образом иллюстрирует данную проблему: «Для преподавателей и воспитателей не считается не только обязательным, но и чем-либо худым несоблюдение заповедей Божиих, посещение богослужений, нарушение уставов Церкви (напр. постов) и несоблюдение обычаев церковных (принятие, напр., благословения у священника и даже ректора). Между тем эти все требования более или менее строго предъявляются к учащимся»⁴⁶⁴. Как было показано в одной из предыдущих глав ее существование было следствием отсутствия регламентации частной жизни преподавателей и попустительское отношение администрации к экстраординарным поступкам педагогов. В результате это приводило к развитию лицемерия, формализма и индифферентизма среди семинаристов. Данный факт еще раз подтверждает вышеприведенную педагогическую аксиому Я.А. Каменского о том, что одним из ключевых факторов в деле духовно-нравственного формирования воспитанников является моральный авторитет преподавателя.

Как было показано выше, моральный авторитет педагогов зиждился в первую очередь на уважении к личности учащегося и доверии к нему. Профессор В.Н. Мышцын по этому поводу утверждал следующее: «Необходимо дать ему больше простора для развития личных вкусов, наклонностей, самостоятельности, и больше возможности поддерживать живую связь с обществом»⁴⁶⁵. Недоверие и подозрительность администрации и воспитателей порой доходила до абсурда. Во многих семинариях под запретом находились послеобеденные прогулки⁴⁶⁶, литературные вечера, посещение театров и общественных библиотек. Все это приводило к тому, что учащиеся были инфантильны и не были знакомы с миром, который им предстояло проповедать евангельской проповедью. Во избежание этого, по мнению церковных авторов, иерархам необходимо было принять целый комплекс мер.

⁴⁶⁴ *Иннокентий, еп.* Мысли по поводу предстоящей церковной реформы // Известия братства Православной Церкви в Китае. 1905. Выпуск 17-18. С. 4; См.: *Георгий, еп.* Где причина упадка духовной школы // Вера и Церковь. 1906. № 6-7. С. 210.

⁴⁶⁵ *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 654.

⁴⁶⁶ См.: *Дубакин Д.* О реформе нравственно-воспитательной части в духовных семинариях // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Неофициальная часть. С. 22.

В первую очередь необходимо было улучшить качество взаимоотношений между администрацией и учащимися. Например, публицист С.П. Шумов в одной из своих статей ссылаясь на положительный пример постановки взаимоотношений между учащими и учащимися в духовных академиях. В частности, он описывал контраст, который возникает у воспитанников при переходе из семинарии в академию, следующим образом: «Перейдя из семинарии в академию, студент на первое время как бы теряется, в сомнениях: то ли он на небе, то ли на земле? Инспектор семинарии не только руки не подавал, но дальше прихожей не допускал инспектор академии и руку подает и приглашает садиться. Инспектор семинарии выглядит сурово, стремясь как бы побольше усмотреть провинностей и повнушительней оборвать, инспектор академии – олицетворенное благожелательство»⁴⁶⁷. Помимо этого, тот же автор в этой же статье приводит один из примеров конструктивного взаимодействия между воспитанниками и администрацией духовных академий. Еженедельно по субботам в кабинете ректора академии проводились так называемые собрания дежурных. В них участвовали по два представителя от каждого курса. Общую структуру данных встреч публицист С.П. Шумов описывал следующим образом: «Ректор предлагает различные вопросы, касающиеся нужд и потребностей студенчества, разъясняет возникшие недоразумения, иногда успокаивает, иногда предостерегает... по отношению к студентам выражается полное доверие: их привлекают к соучастию в обсуждении общих вопросов внутренне-академической жизни»⁴⁶⁸. По нашему мнению, подобного рода мероприятия служили прекрасной площадкой для обсуждения имеющихся проблем в духовной школе. Что важно, решения по этому поводу не просто «спускались сверху», а формировались администрацией совместно с учащимися, что способствовало укреплению авторитета педагогов. В тоже время допуск студентов к участию в таких мероприятиях развивал бы в них самостоятельность, инициативность, способность вести конструктивный диалог,

⁴⁶⁷ Шумов С. П. Школа и жизнь. Еще по поводу реформы духовно-учебных заведений... // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 800.

⁴⁶⁸ Там же.

чувство собственного достоинства, и, наконец, доверие и уважение к учащим духовной школы.

К тому же, в духовных академиях представители администрации воздействовали на воспитанников не посредством угроз и репрессий, а с помощью увещаний и личного примера. «Ректор и инспектор академии, насколько нам известно, большею частью стараются действовать на молодежь посредством слова и личного примера. И, надо правду сказать, они достигают в этом отношении прекрасных результатов. Достаточно небольшой речи ректора, его теплого обращения к разуму и совести студенчества, чтобы рассеять возникшие недоразумения и успокоить молодежь. Вообще говоря, авторитет ректора и инспектора ставится студентами очень высоко... Все это объясняется тем, что пост ректора и инспектора академии, насколько нам известно, большею частью занимают лица, известные не только своими научными трудами, но и педагогическими способностями», – утверждал в своей статье С.П. Шумов⁴⁶⁹.

Тот же автор настаивал на необходимости внедрения практики товарищеского суда чести. Стоит отметить, что неофициально такая институция существовала среди учащихся, но она нуждалась в серьезных коррективах и контроле со стороны семинарской администрации. По утверждению С.П. Шумова, «лишь товарищеское мнение способно поддержать правого и привести к раскаянию виноватого, лишь оно может разобрать дело по всей справедливости, вникнуть в его сущность, понять его настоящие мотивы»⁴⁷⁰. Несмотря на кажущееся множество положительных моментов, которое могла привнести собой данная практика, все же ее невозможно было внедрить в духовной школе по целому ряду причин. Во-первых, в период протестной активности семинаристов нецелесообразно было предоставлять им право подобного самоуправления. В противном случае это могло привести к очевидным злоупотреблениям со стороны учащихся. Сомневаться в предвзятости такого суда в случае его проведения было

⁴⁶⁹ Там же. С. 799–800.

⁴⁷⁰ Шумов С. П. Школа и жизнь. Необходимость разумных и полезных развлечений для школьников во время досуга. Литературные вечера. Школьное товарищество как фактор воспитания // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 803.

сложно по причине натянутых взаимоотношений между педагогами и учащимися во многих духовных школах того времени. К тому же в таком случае частично подвергалась сомнению компетентность педагогического совета, одна из главных задач которого состояла в рассмотрении и пресечении тех или иных проступков учащихся. Во-вторых, сами учащиеся были еще недостаточно зрелыми и компетентными в педагогическом деле для того, чтобы конструктивным образом влиять на своих сверстников. По этим причинам данную практику достаточно сложно назвать эффективным и, самое главное, своевременным решением в деле постановки воспитательного процесса.

Альтернативную практику судопроизводства в духовной школе предлагал специалист по истории духовного образования П.В. Левитов. По его мнению, суд в семинарии должен был соответствовать организации светского суда. Прежде всего такие нормы должны были применяться в тех случаях, когда воспитаннику грозило отчисление. По утверждению П.В. Левитова, в таких случаях расследование «должно производиться инспектором вместе с его помощником и обязательно в присутствии одного или двух воспитанников. Никакие меры к тому, чтобы вынудить у заподозренного сознание, а тем более запутать его, не могут быть принимаемы»⁴⁷¹. Также, согласно его мнению, суд семинарского правления должен быть гласным. То есть помимо самого обвиняемого принимать активное участие в суде могли его товарищи, родители и близкие. Во время самого разбирательства подсудимому «должны быть представлены те данные, на основании которых возводится на него обвинение и право защиты. Он может пригласить тех свидетелей, которых пожелает, а свидетели обвинения должны быть допрошены в его присутствии»⁴⁷². И наконец, итоговое решение о виновности или невиновности, а также определение формы наказания обвиняемого должно было осуществляться посредством тайного голосования членов суда.

По нашему мнению, данный проект имеет как сильные, так и слабые стороны. К числу его потенциальных положительных моментов можно отнести:

⁴⁷¹ Духовная школа. Сб. статей. М.: 1906, С. 8.

⁴⁷² Там же.

возможность защиты для обвиняемого, применение этических и разумных методов дознания, определение вердикта посредством тайного голосования, признание права голоса за учащимися, принимающими участие в суде. С другой стороны, очевидно, что такая организация судебного процесса в духовной школе была достаточно сложной. Прежде всего она создавала большое количество трудностей для администрации. Особенно это затруднительно было бы в условиях протестной активности семинаристов, когда ежегодно из духовных школ отчислялось немалое количество учащихся. К тому же, если судебные процессы происходили с активным участием товарищей обвиняемого, то, по меньшей мере, было бы сложно избежать дискуссий и прений между обвинителями и защитниками. В условиях распространения революционных настроений в семинариях неуютное решение суда могло послужить поводом к очередной протестной акции. Помимо этого, даже в спокойное время такая постановка судопроизводства была бы невозможна по причине загруженности и малочисленности состава воспитателей. К тому же, никто не отменял формального отношения к своим обязанностям определенной части педагогов. На основании вышеприведенных контраргументов можно сказать, что данный проект в полной мере не мог быть внедрен в практику духовных школ. Вместе с тем такие его положительные стороны как возможность защиты для обвиняемого, а также применение этических и разумных методов дознания должны были быть включены в судебную практику дореволюционных духовных школ.

По мнению церковных авторов, более положительное влияние на воспитанников могла оказать правильная организация их досуга⁴⁷³. Наиболее часто встречалось предложение о необходимости проведения литературно-музыкальных вечеров. Церковный писатель С.П. Шумов следующим образом описывал преимущества проведения литературных вечеров: «Главное значение литературных вечеров состоит в том, что они вносят в детскую жизнь

⁴⁷³ См.: К реформе духовных школ // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 52. С. 2284; Развлечения и занятия ученика в свободное от уроков время // Прибавление к Церковным ведомостям. 1901. № 41. С. 1502; С. К. К вопросу об ограждении воспитанников семинарии от влияния пропаганды // Ярославские епархиальные ведомости. 1905. № 38. Неофициальная часть. С. 585; Во дни оскудения // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Неофициальная часть. С. 693.

разнообразии, поддерживают в детях светлое, веселое настроение, пробуждают гуманные чувства и стремления, возвышают нравственно. Наконец, не нужно забывать и того, что постоянные упражнения в искусстве выразительного чтения могут выработать действительно хороших чтецов, а насыщение памяти художественными образами, поэтическими произведениями доставит им большой запас ценного литературного материала»⁴⁷⁴. Проведение литературных вечеров могло внести и вносило разнообразие в рутинный быт учащихся. К тому же, в ходе подготовки таких мероприятий учащиеся имели возможность взаимодействовать со своими воспитателями вне формальной обстановки. Вполне естественно, что именно такой опыт общения между учащими и учащимися мог способствовать преодолению различных барьеров между ними. Также проведение литературно-музыкальных вечеров могло положительным образом отразиться на взаимоотношениях между самими учащимися. И, наконец, поощрение администрацией конструктивных форм организации досуга для семинаристов могло быть эффективным средством по профилактике и даже искоренению так называемых протестных организаций.

Также, по мнению церковных авторов, необходимо было изменить внешние условия жизни учащихся. В первую очередь это касалось устройства семинарских общежитий. В частности, церковный Е.П. Воскресенский в своей статье «О реформе духовно-учебных заведений» утверждал, что «по внутреннему убранству комнаты общежития должны наиболее напоминать частные квартиры и наименее казенную обстановку классов: цветы, картины, зеркала должны иметь место в этих общежитиях. Нужно всячески заботиться, чтобы обстановка служила к облагораживанию воспитанников, чтобы столовые, спальни были чужды казарменного духа»⁴⁷⁵. Инспектор Самарской духовной семинарии Д. Дубакин утверждал, что «от той или другой квартирной обстановки находится в зависимости почти вся школьная жизнь ученика»⁴⁷⁶. Без сомнения, повышение

⁴⁷⁴ Шумов С. П. Школа и жизнь... // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 795.

⁴⁷⁵ Воскресенский Е. П. О реформе духовно-учебных заведений. С. 384

⁴⁷⁶ Тихомиров Д. И. Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 33. С. 1370.

качества условий жизни семинаристов могло положительным образом отразиться на постановке воспитательного процесса и некоторых качествах характера учащихся⁴⁷⁷. В своих петициях протестующие студенты духовных школ в числе прочих своих требований настаивали на повышении внешних условий проживания. Зачастую проблемы в этой сфере становились предлогом для начала тех или иных протестных акций. Вместе с тем это не отменяет той проблемы, что бытовые условия проживания в семинариях были далеки от приемлемых. В этой связи изменения в этой области могли снять причину трения между администрацией и учащимися.

В этом отношении к числу конструктивных преобразований можно отнести предложения церковных авторов о необходимости повышения качества пищи⁴⁷⁸ и услуг врача, а также соблюдение санитарно-гигиенических норм в духовной школе. В период протестной активности семинаристы одной из семинарии вручили своему ректору петицию с аналогичными требованиями⁴⁷⁹. Стоит отметить, что подобного рода петиции в различных вариациях подавались и в других духовных школах. Это свидетельствует о том, что все вышеперечисленное было серьезной проблемой для дореволюционных семинарий. Что касается предложений по этому поводу, то В.Красин выступал за расширение полномочий врача. В частности, он утверждал, что лекарь должен иметь «доступ во все ученические помещения, право вести беседы с учениками (общие), делать доклады правлению семинарии об улучшениях гигиенических условий жизни учеников с правом решающего в нем голоса»⁴⁸⁰. Несмотря на то, что врачи вызывались на заседания правления семинарии, к сожалению, они не имели права решающего голоса. К тому же, в большинстве случаев лекари уделяли недостаточно времени различным профилактическим беседам с учащимися. Неосведомленность учащихся в этой сфере в совокупности с низкими условиями жизни их проживания приводила к распространению

⁴⁷⁷ См.: *Архангельский А.* Квартирная жизнь учеников Краснослободского духовного училища // Пензенские епархиальные ведомости. 1881. № 16. Неофициальная часть. С. 20.

⁴⁷⁸ *Он же.* О реформе нравственно-воспитательной части в духовных семинариях // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Неофициальная часть. С. 28.

⁴⁷⁹ См.: *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 247.

⁴⁸⁰ *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века. С. 297.

различных заболеваний и даже к смертельным случаям. В этой связи весьма желательны встречи врачей с учащимися с целью проведения различных профилактических бесед и улучшения знаний правил гигиены среди последних. В 1903 году общество русских врачей имени Н.И. Пирогова ходатайствовало перед Синодом и Учебным Комитетом о введении в духовно-учебные заведения преподавания таких дисциплин как: «соматология» и «гигиена». В ответ на это Синод постановил следующее: «в виду того, что элементарные сведения по медицине и гигиене преподаются в настоящее время во многих духовных семинариях, в качестве необязательного предмета... со стороны Святейшего Синода не встречается препятствий к тому, чтобы в духовных семинариях и женских епархиальных училищах вводить преподавание соматологии и общей гигиены в качестве необязательного предмета»⁴⁸¹.

По мнению церковных авторов, воспитательный процесс дореволюционных духовных школ необходимо было привести в соответствие с запросами современности. В частности, церковный автор В. Красин в своей статье «Воспитание в семинарии» утверждал, что «вести за собой общество может только тот, кто в состоянии понимать его запросы и стремления, способен боletь его муками, жить его жизнью. Семинария, подготовляющая духовных руководителей обществу своего времени, должна считаться с наличною действительностью, со взглядами и требованиями существующего общества; обязана в тех случаях, когда ее строй и дух идут вразрез с изменившимися условиями жизни, не удовлетворяют народившимся новым требованиям, делать соответствующие в них поправки, разумеется, сохраняя полную верность Церкви и ее традициям»⁴⁸².

На первый взгляд может возникнуть впечатление, что данное требование более относится к постановке образовательного процесса в семинарии. Хотя это предположение не лишено оснований, но вместе с тем одной интеллектуальной составляющей будущему пастырю было недостаточно для полноценного

⁴⁸¹ Определение Святейшего Синода от 27 июня – 10 июля 1903 года за № 2914. О введении преподавания соматологии и гигиены в духовно-учебных заведениях // Церковные ведомости. 1903. № 30. С. 301.

⁴⁸² Цит. по: Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 281.

осуществления духовного руководства. Для этого требовалась соответствующая духовно-нравственная подготовка, которая была необходима священнику для стяжания авторитета среди паствы. К сожалению, в дореволюционных семинариях господствовал такой воспитательный режим, который препятствовал приобретению вышеназванной подготовки. Помимо того, что такая модель воспитания не способствовало развитию положительных качеств у воспитанников, к тому же она поощряла и культивировала формализм у будущих пастырей. Впоследствии многие из выпускников духовных школ брали за основу такой вид религиозной практики и распространяли ее среди верующих.

В житии преподобного Льва Оптинского можно встретить следующий характерный фрагмент. Однажды в обитель приехал благочинный, протоиерей Иоанн Глаголев, который с большим уважением относился к старцу Льву и пользовался взаимным уважением последнего. Увидев старца в окружении народа, священнослужитель с иронией заметил: «Охота вам, батюшка, возиться с бабами?». В ответ на это иеромонах Лев обратился к священнику со следующим вопросом: «А скажите-ка, как вы их исповедуете? Два-три слова спросите, вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, вникнули бы в их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда с ними заниматься. Ну, а если мы не будем их принимать, куда же они, бедные, пойдут со своим горем?»⁴⁸³. По нашему мнению, многие выпускники духовных школ воспринимали от своих наставников авторитарный стиль общения и использовали его после хиротонии при взаимодействии со своими прихожанами. Косвенно данное обстоятельство подтверждает факт рецепции молодыми педагогами духовных школ воспитательных методов своих наставников. В этой связи можно сделать предположение, что аналогичным образом поступали многие молодые священнослужители при общении со своей паствой. Во избежание этого при формировании будущих священнослужителей необходимо было использовать

⁴⁸³ Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). М.: Козел. Введен.- Оптина пустынь, 1876. С. 66–67.

наиболее успешные и современные педагогические модели воспитания. Для того, чтобы эффективно их использовать, преподаватели духовных школ должны быть знакомы с курсом педагогики⁴⁸⁴.

В одном из предыдущих параграфов мы зафиксировали тот факт, что выпускники семинарий и академий имели самое поверхностное представление о данной науке. По мнению некоторых церковных авторов, постановку воспитательного процесса можно было улучшить благодаря качественной постановке преподавания педагогики в духовных школах⁴⁸⁵. Данная мера в первую очередь позволила бы улучшить качество знаний учащихся духовных школ по педагогике. Помимо этого, правильная постановка изучения этой науки пробудила бы интерес у учащихся к вопросам воспитания, а также простимулировала бы их самообразованию в этой сфере. И, наконец, реализация этого проекта продемонстрировала бы тот факт, что педагогическое дело является трудным и ответственным служением, требующим большого количества компетенций и сил. Достаточно сложно не согласиться с большинством из вышеприведенных аргументов в пользу улучшения качества преподавания педагогики в духовной школе.

Как уже неоднократно было отмечено выше, в дореволюционных духовных школах процесс воспитания был подменен дисциплиной. Среди прочего в качестве причины такой подмены мы указали воспроизведение молодыми педагогами в своей практике старых методов воспитания, которые пронизывал принцип формализма. Это обстоятельство, в свою очередь, было обусловлено фактом отсутствия у семинарских воспитателей педагогических компетенций. По этой причине реализация вышеозвученного предложения могла положительным образом отразиться на постановке учебно-воспитательного процесса в духовной школе. Естественно, что наличие одних лишь теоретических знаний по педагогике у будущего преподавателя автоматически не сообщало ему других компетенций, необходимых для его профессии. Но в тоже время даже знание теории педагогики

⁴⁸⁴ См.: *Фаддей (Успенский), свцмч.* Творения. Книга II. Записки по дидактике. Тверь, 2003. С. 29–31.

⁴⁸⁵ См.: *Шумов С.П.* Школа и жизнь... // Христианское чтение. 1897. № 5-6. С. 728.

позволяло будущим семинарским педагогам при наличии желания выбирать более конструктивные и эффективные модели воспитания. Поэтому, не сводя преподавательское дело к каким-либо теоретическим концепциям, полагаем, что без этой основы практически невозможна нормальная педагогическая практика.

На этом мы заканчиваем обзор проектов церковных авторов по преобразованию воспитательного процесса. Подводя итоги данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Церковные авторы предложили построить воспитательный процесс на следующих принципах:

- a) первичное место в воспитательном процессе должна занимать религиозная составляющая;
- b) воспитание в духовной школе невозможно без целостного знания индивидуальных особенностей и внутреннего мира каждого воспитанника. Следовательно, педагогам в своей деятельности необходимо практиковать индивидуальный подход к воспитанию;
- c) авторитет педагогов должен зиждиться не на репрессиях и диктате, а на их профессионализме и человеческих достоинствах;
- d) взаимоотношения между учащими и учащимися должны строиться на взаимном уважении и доверии.

2. Преодолению различных барьеров между администрацией и учащимися могли послужить проведение совместных собраний и культурных мероприятий. Это позволило бы развить в учащих самостоятельность, инициативность, способность вести конструктивный диалог, чувство собственного достоинства, и, наконец, доверие и уважение к учащим духовной школы. Проведение мероприятий культурно-просветительского характера несло в себе следующие положительные моменты:

- a) вносило разнообразие в рутинный быт учащихся, они имели возможность взаимодействовать со своими воспитателями вне формальной обстановки;

- б) поощрение администрацией конструктивных форм организации досуга для семинаристов могло быть эффективным средством по профилактике и даже искоренению так называемых протестных организаций.
3. Улучшить качество преподавания педагогики в духовных академиях. Правильная постановка изучения данной науки пробудит интерес у учащихся к вопросам воспитания, а также простимулирует их самообразованию в этой сфере.
4. Преобразовать внешние условия жизни учащихся. Для этого церковные авторы предлагали обустроить и сделать уютными студенческие общежития, повысить качество пищи, проводить периодический осмотр учащихся, проведение встреч семинарских врачей с учащимися с целью проведения различных профилактических бесед, улучшение санитарно-гигиенических норм в духовной школе.

4.3. Обсуждение принципов постановки воспитательного процесса по материалам Предсоборного Присутствия

В своей вступительной речи перед членами V Отдела епископ Арсений (Стадницкий) обратил внимание присутствующих на факт подмены воспитания дисциплиной и муштрой. Это обстоятельство напрямую вытекало из неверных педагогических методов воспитания, которые использовали в своей практике преподаватели семинарий. Всю совокупность этих методов, по мнению преосвященного председателя, можно свести к двум крайностям: либо к ригоризму, либо к попустительству. Как отмечал в своем выступлении иерарх, «в первом случае – воспитания собственно нет; между воспитателем и воспитанниками внутренняя связь отсутствует; ученики, являясь страдательной стороной, смотрят на воспитателя как на внешнюю и грозную силу, которая забывает, что ученик – личность. Во втором случае воспитатель, нисходя до потворства ученикам, утрачивает всякое влияние на них»⁴⁸⁶. При этом архипастырь отмечал, что такой

⁴⁸⁶ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 762.

постановке воспитательного процесса «способствовали» различные факторы, в том числе и высокая укомплектованность духовных семинарий того времени. В итоге епископ Арсений призвал своих коллег к обсуждению вопросов: на каких принципах должно быть основано воспитание в духовных семинариях, кто должен исполнять роль воспитателя в духовной школе и в чем она должна состоять? Оба вопроса вызвали в среде участников заседаний живой обмен мнениями. Рассмотрим предложения участников дискуссии по решению первого вопроса.

По мнению преосвященного председателя, «воспитание должно развивать все богатство души человека, применяясь к его индивидуальности, – развивать его религиозное чувство, его умственные способности, нравственные и эстетические склонности»⁴⁸⁷. Одна из существенных проблем воспитательной системы дореволюционных духовных школ заключалась в том, что она не только не считалась с индивидуальными особенностями воспитанников, но и по большей части обезличивала их через принуждение следованию всем пунктам устава. По меткому замечанию профессора Б.В. Титлинова, существовавший на тот момент воспитательный режим, «действовал только на внешность, действовал страхом, и был бессилен не только исправить порочных, но даже и просто предупредить проступки»⁴⁸⁸. На наш взгляд, для того чтобы семинария могла способствовать развитию учащегося прежде всего необходимо выработать соответствующий этому воспитательный режим. Именно поэтому епископ Арсений (Стадницкий) обратился к присутствующим со следующим призывом: «Нам нужно наметить общие педагогические принципы»⁴⁸⁹. Участники заседания поддержали данное предложение преосвященного председателя. Обратимся к обзору дискуссии по этому вопросу.

Профессор Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий выступал за внедрение строгой дисциплины и более того, он порицал духовные школы за их недостаток: «Наши теперешние семинарии упрекают в том, что в них господствует

⁴⁸⁷ Там же, С. 763.

⁴⁸⁸ Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. С. 173.

⁴⁸⁹ Там же.

монашеский режим, налагающий на воспитанника аскетические требования, и в отношении к ученикам допускается излишняя строгость. А на деле кажется, что они страдают не от строгого монашеского режима, а от того, что в них внедрилась полная распущенность»⁴⁹⁰. Мы позволим себе не согласиться с почтенным профессором, поскольку существует целый ряд свидетельств церковных авторов, которые говорят об обратном. Достаточно вспомнить фрагмент из мемуаров митрополита Евлогия (Георгиевского), который был приведен выше. Эта часть мемуаров владыки Евлогия с определенной ясностью свидетельствует о том, что дисциплина, основанная лишь на строгой муштре и дрессуре, не способна в полной мере пресечь нравственной деградации душ учащихся. По своей сути она направлена только на внешнюю сторону жизни воспитанников, которая при определенных усилиях со стороны учащихся могла без особого ущерба для их свободы мимикрировать как под требования устава, так и под протестные настроения.

Возвращаясь к рассуждениям профессора В.Ф. Певницкого стоит отметить, что, несмотря на свой призыв к внедрению строгой дисциплины в духовных школах, он вместе с тем полностью не исключал возможности нравственного влияния воспитателей на своих подопечных. При этом он задавался следующим вопросом: «Как устроить, чтобы это нравственное влияние было средством, вполне довлеющим для целей воспитательных?»⁴⁹¹. Такой постановкой вопроса профессор пытался поставить под сомнение и продемонстрировать нецелесообразность изъятия из воспитания дисциплинарного понуждения. В данном случае он либо неверно трактует позицию своих оппонентов по этому вопросу, либо преувеличивает значимость некоторых маргинальных церковных деятелей, которые выступали за широкую автономию учащихся в духовной школе. Если исходить из изученного материала, то можно предположить, что большинство оппонентов профессора В.Ф. Певницкого согласилось бы со следующим его утверждением: «Как в мире не все праведники, так и в школе не все исправные,

⁴⁹⁰ Там же, С. 764.

⁴⁹¹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 764.

послушные питомцы, и едва ли в самой образцовой школе можно обойтись без некоторой доли внешнего принудительного влияния. Что поставлено в обязанность ученику, то он должен выполнять, и за нарушение обязательных требований или уклонение от них он может и должен быть подвергнем взысканию, направляющему его на путь долга»⁴⁹².

В этом отношении характерно и примечательно, что даже епископ Архангельский Иоанникий (Казанский), выступавший за широкую автономию учащихся, настаивал на том, что «надзор и воздействие необходимы»⁴⁹³. Но в тоже время, как верно заметил протопресвитер Георгий Шавельский, «надзор еще не есть воспитание, которое достигается не полицейскими мерами»⁴⁹⁴. Надзор будет иметь положительное действие только в том случае, если он, по мысли того же иерарха, будет «прямым и открытым, исключаящим все такого рода приемы, какие могли бы оскорбить чувство человеческого достоинства в воспитываемом, – кроме того, вытекающий не из желания только положить взыскание, наказание на воспитываемого, но из стремления направить и исправить его, как в семье отец или мать направляют жизнь и поступки своего ребенка»⁴⁹⁵.

Против точки зрения профессора В.Ф. Певницкого выступил профессор Казанской духовной академии М.А. Машанов, который поддержал призыв преосвященного председателя к тому, что воспитательная система должна считаться с индивидуальными качествами учащихся. Он утверждал следующее: «Не нужно нивелировать личность учеников, а воспитывать каждого сообразно его индивидуальности. Не нужно брать примера с иезуитских школ, где воспитание направляется к обезличиванию ученика, превращению его в фанатическую куклу, где ученика заставляют о каждом своем внутреннем состоянии сообщать патеру и даже доносить о проступках своего товарища»⁴⁹⁶. В этом отношении примечательно, что несколькими десятилетиями позже в беседе с немецким

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 431.

⁴⁹⁴ Шавельский Г., протопресв. Русская Церковь перед революцией. С. 283.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 765.

писателем Эмилем Людвигом И.В. Сталин охарактеризует воспитательный режим Тифлисской семинарии как «издевательский», а его методы как «иезуитские». Именно эти обстоятельства, по мнению руководителя советского государства, побудили его стать «революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения»⁴⁹⁷. Существует еще целый ряд подобного рода свидетельств⁴⁹⁸, однако если даже исходить из этого становится очевидно, что полицейско-карательный режим вряд ли мог быть основным содержанием воспитательной системы духовных школ.

Точку зрения профессора М.А. Машанова поддержал и дополнил профессор Киевской духовной академии В.З. Завитневич (1853–1927). В своем выступлении он отметил, что когда речь идет о воспитательном режиме в духовной школе, зачастую подразумевается строгое исполнение пунктов устава, несоблюдение которых незамедлительно ведет к репрессиям по отношению к провинившимся. По мнению Завитневича, данная модель воспитания была достаточно примитивной и односторонней, потому что она не допускала ни педагогического творчества, ни веры в положительные качества учащегося. «Воспитание должно направить свои усилия к пробуждению и развитию именно добрых сторон в человеке. Для этого нужно не только особое творчество со стороны воспитателя, но и вера в человека»⁴⁹⁹ – утверждал профессор. Как уже было сказано выше, воспитательная система дореволюционной духовной школы относилась к воспитанникам с недоверием и можно сказать априори воспринимала их с подозрением. В результате членами V Отдела не было выражено окончательного и оформленного решения о том каким образом должны были выглядеть новые принципы постановки воспитательного процесса в духовной школе. Подводя итоги данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

⁴⁹⁷ Гуляров Е. Н. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир. С. 43.

⁴⁹⁸ См.: Руткевич П. Т. Семинарские годы (Воспоминания о Киевской ДС за 1873-1879 гг.). – Киев, 1912. С. 4; Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырех поколений русских священников). М.: Отчий дом, 2004. С. 4; Меньшиков И.М. Из воспоминаний русского учителя православной Грузинской Духовной Семинарии. М.: 1908. С. 18.

⁴⁹⁹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 765–766.

- а) Фундаментом успешной воспитательной политики может стать только та педагогика, которая зиждется на добром, искреннем и рассудительном отношении к своим подопечным;
- б) Воспитатель при осуществлении своей деятельности должен уважительно относиться к личности воспитанников и учитывать их индивидуальные особенности;
- с) Обращение к внешним способам педагогического внушения должно нести в себе педагогический смысл, духовно-нравственный наказ для провинившегося, а не становиться логической составляющей цепи «преступление–наказание».

4.4. Дискуссия о постановке и мерах духовно-нравственного воспитания в духовных семинариях по материалам официальной церковной дискуссии

В ходе заседаний V Отдела состоялась дискуссия о постановке религиозного воспитания в духовных семинариях. Исходя из отзывов преосвященных, епископ Арсений констатировал следующее: «Высказываются за свободу, за необязательное посещение богослужений, но эта свобода в сущности есть свобода от богослужений»⁵⁰⁰. Стоит отметить, что данную точку зрения разделяли немногие иерархи. Большая часть епископата в разной мере выступала за необходимость участия воспитанников в богослужебной жизни. С мнением епископа Арсения достаточно сложно согласиться, если исходить из аналитики отзывов преосвященных по данному вопросу, проведенной в предыдущей главе. Утверждение преосвященного председателя было бы верно, если бы он вел речь не об отзывах епископата, а о требованиях протестующих семинаристов, которые добивались свободы посещения богослужений. В период протестной активности учащихся духовных семинарий в 1905–1907 гг. ими неоднократно проводились акции за отмену обязательства необходимого участия в богослужениях. Например, 11 февраля 1906 года в Тамбовской семинарии студенты III и IV курсов, добиваясь

⁵⁰⁰ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 767.

удовлетворения своих требований, воспрепятствовали проведению богослужений⁵⁰¹. Исходя из этого, можно сказать, что для учащихся того времени вопрос об участии в богослужениях был крайне важным и щепетильным, учитывая секулярность мышления многих из них. Однако это не означало, что иерархи под давлением учащихся склонились на их сторону. Как уже было сказано выше таковой была позиция небольшой части епископата, тогда как большая часть выступала за сохранение имеющейся практики устройства богослужебной жизни учащихся.

Епископ Арсений поставил перед участниками прений вопрос о целесообразности обязательности богослужений и понуждения к ним. Это вызвало определенную дискуссию среди заседателей. Профессоры А.И. Алмазов и Н.Н. Глубоковский указали на то, что формальное требование необходимости посещения воспитанниками богослужения не только не развивает у них любви к нему, но и вызывает у них обратную реакцию. Глубоковский не отрицал необходимости посещений учащимися богослужений, но при этом полагал, что вместо принуждения в данном случае эффективнее будет развивать в учащихся религиозное чувство и сознательное отношение к нему. По нашему мнению, почтенный профессор несколько идеализировал воспитанников того времени, когда говорил о том, что посещение ими богослужений возможно было осуществлять без принуждения. Стоит помнить, что многие из учащихся духовных школ находились там только лишь в силу своего происхождения. Исходя из представленных выше материалов отзывов преосвященных, очевидно, что от «учащихся-невольников» сложно было ожидать свободного стремления к участию в богослужении. Это обстоятельство в свою очередь могло деструктивным образом повлиять на постановку воспитательного процесса в духовной школе в целом и негативно отразиться на тех учащихся, которые желали стать священнослужителями, в частности. Естественно, что указания Глубоковского на необходимость развития у учащихся религиозного чувства и сознательного

⁵⁰¹ См.: Шалимова Л. Кризис системы духовного образования в России в начале XX века // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 52–7

отношения к богослужению были бы вполне справедливы и объективны в том случае, если бы задача семинарий заключалась только бы в подготовке будущих пастырей, однако духовные школы того времени как неоднократно отмечалось в данной работе не ограничивались только этой целью. Даже в случае реализации вышеупомянутых предложений Н.Н. Глубоковский в пастырской школе невозможно было обойтись без принуждения, о котором говорил в своей речи преосвященный председатель. В этой связи, по нашему мнению, предложение почтенного профессора несмотря на некоторые положительные стороны было неприменимо к духовным школам того времени.

В продолжение обсуждения данной темы профессор И.С. Пальмов сослался на пример православного богословского института в Далмации, где по уставу от студентов требовалось обязательное посещение богослужений⁵⁰². Данное требование было утверждено епископом Никодимом (Милашем), который в настоящее время почитается как местночтимый святой. По нашему мнению, ссылка на опыт заграничной духовной школы в данном случае не вполне корректна и уместна по причине того, что в вышеуказанный богословский институт целенаправленно поступали люди, желающие связать свою жизнь с Церковью⁵⁰³. Тогда как по поводу многих абитуриентов отечественных духовных школ сложно применить аналогичную характеристику.

В завершение прений профессор М.А. Машанов выступил с предложением о том, чтобы сделать богослужения менее продолжительными⁵⁰⁴. По его мнению, это было компромиссным решением в деле постановки религиозного воспитания учащихся духовных школ. С одной стороны, это позволило бы участвовать в богослужениях и получать практику учащимся, которые желают стать священнослужителями. С другой стороны, сокращенные богослужения должны были в определенной мере удовлетворять учащихся, которые желали обратного. Возможно, М.А. Машанов в своем предложении исходил из практики

⁵⁰² См.: Журналы и протоколы... Т. 3. С. 768.

⁵⁰³ См.: *Воскресенский Г. А.* Православные славяне в Австро-Венгрии. СПб.: Изд. СПб. славян. благотвор. о-ва, 1914. 206 с.

⁵⁰⁴ См.: там же, С. 768.

католических семинарий, где продолжительность богослужений занимала значительно меньше времени, чем совершение Литургии. Сложно прокомментировать данное предложение профессора М.А. Машанова, поскольку он не обозначил в своем выступлении таких более конкретных деталей как: продолжительность богослужений и их необходимое количество, а также что именно должно было подлежать сокращению. На этом прения по религиозному воспитанию в духовных школах на заседаниях V Отдела Предсоборного Присутствия были окончены. Нам не удалось найти в материалах заседаний этого церковного органа какого-либо окончательного решения по данному вопросу. Можно лишь предположить, что, возможно, заседатели решили сохранить имеющуюся практику без изменений.

Помимо прений по поводу религиозного воспитания, члены V Отдела обсуждали практические аспекты нравственного воспитания учащихся духовных семинарий. Преосвященным председателем был поставлен вопрос об эффективности некоторых воспитательных мер, которые использовались педагогами духовных школ того времени. Первоначально данная постановка вопроса вызвала среди членов V Отдела недопонимание. Например, В.З. Завитневич в ответ на слова епископа Арсения заметил следующее: «Школа – та же жизнь, и здесь должны быть нормы, обязательные для исполнения и наказания за уклонения от установленных норм. Только нужно при этом, чтобы меры взыскания не раздражали питомцев»⁵⁰⁵. Аналогичную точку зрения высказал в своем выступлении и А.И. Алмазов. По этой причине преосвященный председатель уточнил свою мысль, заметив, что его «вопрос собственно не о мерах, а об их осуществлении»⁵⁰⁶.

После того, как заседатели пришли к консенсусу, они перешли к обсуждению вопроса о целесообразности и правомочности применения в духовной школе такого воспитательного метода, как условное осуждение⁵⁰⁷. Протоиерей Алексей

⁵⁰⁵ Там же, С. 769.

⁵⁰⁶ Там же.

⁵⁰⁷ Условное осуждение – воспитательная практика духовных семинарий, согласно которой осужденный должен доказать свое исправление в период испытательного срока без реального отбывания наказания.

Мальцев указал на то, что данный метод употребляется в уголовном праве и «приносит хорошие результаты»⁵⁰⁸. А.И. Алмазов справедливо заметил, что цели употребления данного метода в уголовном праве и педагогике совершенно разные: «В последнем оно предполагает собой мероприятие, направленное к тому, чтобы избежать наказания, а в первом к тому, чтобы не было оправдания» – заметил А.И. Алмазов. Данную точку зрения разделил и немного уточнил М.А. Остроумов, который отметил, что «в педагогической сфере практикуется угроза, а условное осуждение может быть там, где есть суд карающий»⁵⁰⁹. Священник Александр Рождественский в своем выступлении утверждал, что эффективнее сначала прибегать к условному осуждению. В ответ на это епископ Арсений (Стадницкий) и Н.Н. Глубоковский справедливо указали на то, что «всегда ученикам долгое время прощают, и проступки их сначала не наказываются строго в надежде на исправление»⁵¹⁰. В.З. Завитневич небезосновательно заметил, что неверное использование данной практики ведет к негативным последствиям в постановке воспитательного дела. Это, по мысли профессора, «приводит к ослаблению воли, понижению дисциплины»⁵¹¹. Он заключал, что условное осуждение возможно было использовать только в качестве исключительной педагогической меры внушения, но при этом невозможно было руководствоваться им как правилом. В результате большинством заседателей было принято решение не закреплять практику условного осуждения в уставе духовной школы.

Также в центре дискуссии членов V отдела оказался вопрос о целесообразности применения некоторых наказаний по отношению к семинаристам. К числу наиболее радикальных «воспитательных средств» можно отнести: карцерное заключение, оставление студентов без обеда, лишение каникулярного времени и отчисление учащихся с последних курсов духовной семинарии. Особенно часто данные формы наказаний применялись в период протестной активности семинаристов. Заседания Предсоборного Присутствия

⁵⁰⁸ Там же, С. 771.

⁵⁰⁹ Там же, С. 772.

⁵¹⁰ Там же.

⁵¹¹ Там же.

проходили именно в то время, когда многие духовные школы были охвачены протестными акциями. Согласно сведениям исследователя Т.А. Павленко, за время Первой русской революции 1905–1907 гг. было организовано не менее 43 забастовок, 10 бунтов, 10 покушений на ректоров и инспекторов, 16 уличных и 3 похоронных демонстрации⁵¹². Более половины протестных акций пришлось на 1905–1906 гг. Участники заседаний V отдела прекрасно знали, что представляли из себя учащиеся духовных школ того времени. Несмотря на это, все спикеры высказались против подобных форм педагогического внушения. Данные радикальные формы наказаний не только не приносили должного эффекта, но и провоцировали воспитанников на дальнейшие правонарушения⁵¹³. По замечанию В.З. Завитневича, «эти меры влекут, наоборот, другие преступления: обман, хитрость»⁵¹⁴. Аналогичную мысль можно встретить в мемуарах публициста П.М. Красина, который констатировал, что подобные меры влекут за собой «одни отрицательные результаты, ожесточая не только против налагающих наказание, но и против того, за что налагается (богослужение, молитвы, священнодействия), развивая формализм, желание скрыть поступок, обмануть начальство и т.п., в конце концов религиозный индифферентизм и неверие»⁵¹⁵. Особенно отчетливо это проявилось в модели поведения целого ряда семинарских администраций в период протестной активности семинаристов в 1905–1907 гг.

Опираясь на исследование Т.А. Павленко, можно утверждать, что означенная модель сводилась к следующему. Когда конфликт находился либо на пике своего развития или же был близок к нему, администрация активна шла путем компромисса, но стоило бунтующей массе успокоиться, сразу начиналась волна репрессий. Это порождало очередные недовольства в студенческой среде и новые столкновения становились лишь вопросом времени, что порождало новый виток схемы: компромисс–репрессии. В результате все шло по замкнутому кругу.

⁵¹² Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 225.

⁵¹³ См.: там же, С. 160.

⁵¹⁴ Там же, С. 771.

⁵¹⁵ Цит. по: Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 288; См.: Тихомиров Д. И. Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 31. С. 1268.

Во-вторых, по замечанию профессора Н.Н. Глубоковского, подобные меры воздействия «применимы более к преступникам, чем к ученикам... Не в духовно-воспитательных учреждениях место для подобных приемов, которые ныне оттесняются даже из разных «исправительных заведений» чуть не тюремного характера»⁵¹⁶. Таким образом, карцерное заключение и лишение обеда студентов единодушным решением участников заседания подлежало исключению из воспитательного арсенала педагогов⁵¹⁷.

По вопросу эффективности практики лишения учащихся каникулярного и свободного времени мнение заседателей было не совсем однозначным. Профессор Н.Н. Глубоковский отметил, что воспрещение прогулок по свежему воздуху может негативно сказаться на здоровье учеников⁵¹⁸. Стоит заметить, что такие прогулки для учащихся многих семинарий были большой редкостью и были возможны только с разрешения инспектора. Именно на это обстоятельство указал в своем выступлении правитель дел Учебного комитета А.В. Добряков⁵¹⁹. Что касается возможности выхода в город, то для учащихся она также была труднодоступна. Например, в Саратовской семинарии существовала своеобразная пропускная система. Перед выходом в город воспитанники были обязаны отметить у инспектора, который вносил информацию об этом в так называемую отпускную книгу. После этого инспектор выдавал уходящим в город особый билет, который они отдавали ему обратно после возвращения⁵²⁰. Согласно сведениям ревизора М.И. Савваитского за пределами семинарии учащиеся находились под надзором членов инспекции. Косвенное упоминание об этом можно встретить и в воспоминаниях выпускника Смоленской семинарии А.Г. Филонова. Он отмечал, что для студентов майские каникулы были особенно важны по причине того, что они обладали полной свободой действий, когда выходили в город⁵²¹. Подобного

⁵¹⁶ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 771.

⁵¹⁷ См.: там же, С. 772.

⁵¹⁸ См.: там же.

⁵¹⁹ См.: там же, С. 773.

⁵²⁰ Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 255.

⁵²¹ См.: Назарова А. И. Организация воспитательной работы в средних духовных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX века (на материале Смоленской губернии). Дис... канд. пед. наук. Смоленск, 2012. С. 139–140.

рода бдительный контроль за учащимися со стороны администрации был обусловлен тем обстоятельством, что большая часть проступков семинаристов происходила в городе.

Если исходить из требований, содержащихся в петициях протестующих семинаристов, то можно предположить, что выход в город был труднодоступен и для учащихся других семинарий⁵²². Учащиеся целого ряда духовных школ предпринимали неоднократные попытки по отмене данного ограничения. Например, в вышеупомянутой Саратовской семинарии в конце ноября 1904 года произошли волнения. Одна из причин бунта заключалась в протесте против пропускного режима в духовной школе. Однако это требование, как и другие, не нашли удовлетворения со стороны администрации⁵²³. В октябре 1905 года в Новочеркасской семинарии учащиеся также устроили протестную акцию, в ходе которой, в частности, требовали от администрации свободного доступа в город. Правление духовной школы во главе с ректором решило частично удовлетворить требования учащихся в том числе и вышеуказанное. После этого Синод постановил закрыть семинарию, а ректор был уволен с должности⁵²⁴. В результате в период протестной активности семинаристов ограничения, связанные с выходом в город, не были сняты. По нашему мнению, в то время пропускную систему необходимо было оставить по нескольким причинам. Во-первых, стоит помнить, что многие революционные ячейки и подпольные библиотеки функционировали в городе. Благодаря записям в так называемой отпускной книги можно было отслеживать частоту выходов воспитанников в город, что позволило бы в случае возникновения протестной акции оптимизировать поиск ее зачинщиков. Естественно, что это не могло быть ключевым показателем неблагонадежности того или иного воспитанника, но в совокупности с другими факторами это обстоятельство позволяло администрации выдвигать более объективные и мотивированные претензии к учащимся, подозреваемым в протестной деятельности. Во-вторых,

⁵²² См.: *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 153.

⁵²³ См.: *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века. С. 255.

⁵²⁴ См.: *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 153.

если учитывать факт многочисленности учащихся в духовных семинариях, то данные журналы облегчали работу инспекторов при осуществлении контроля за воспитанниками.

Что касается воспитательной практики лишения учащихся каникулярного времени, то большинство заседателей высказалось за ее сохранение⁵²⁵. А.И. Алмазов и М.А. Остроумов, разделяя позицию большинства, акцентировали внимание присутствующих на том, что данные меры педагогического внушения должны применяться в крайних случаях, а также должны соответствовать проступку провинившегося. В противном случае, данная воспитательная мера будет контрпродуктивна⁵²⁶. Единственным, кто выступил против этого, был Н.Н. Глубоковский. В частности, он утверждал: «Я положительно не понимаю такого воспрещения и удивляюсь, что Учебный Комитет осмеливался смотреть на семинарию, как на тюрьму»⁵²⁷. В определенной мере можно согласиться с этими словами почтенного профессора. Действительно, для многих семинаристов место их обучения было местом заключения по причине сословной замкнутости духовной школы. Преосвященный Тихон (Василевский) в своем отзыве констатировал следующий факт: «Добрая половина кончающих курс семинарий и Академий не имеет никакой любви к священству и стремится служить кому угодно и чему угодно, но, только не Церкви»⁵²⁸. В этой связи любое усиление воспитательного режима семинарий могло повлечь за собой протестную акцию. Стоит заметить, что мы не отрицаем самой по себе возможности применения этой педагогической меры воздействия, однако, вместе с тем полагает, что в период протестной активности семинаристов подобный запрет был контрпродуктивным средством воспитания. Если бы администрации духовных школ лишали бы всех протестующих каникулярного времени, то это обстоятельство еще более спровоцировало бы учащихся к усиленным протестам.

⁵²⁵ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 773.

⁵²⁶ См.: там же, С. 772–773.

⁵²⁷ Там же.

⁵²⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 136.

Исследователь семинарского протестного движения Т.А. Павленко в своей диссертации отмечает, что «волны протестных выступлений семинаристов были связаны и с годовым циклом учебного процесса, поскольку в каникулярное время не могли происходить их коллективные акции протеста»⁵²⁹. Говоря иными словами, периоды праздничных вакаций семинаристов были отмечены наименьшей протестной активностью. В разгар семинарского протестного движения многие руководители духовных школ в качестве радикальной меры вынуждены были прибегать к временному закрытию учебных заведений и роспуску учащихся по домам⁵³⁰. На основании означенного можно сделать вывод, что утверждение наказания в форме лишения воспитанника каникулярного времени было нецелесообразным в контексте протестного семинарского движения. Поэтому позволим себе не согласиться с инициативой большинства членов V отдела по сохранению данной практики без изменений.

В продолжении дискуссии о способах реформирования воспитательного процесса протоиерей Алексей Мальцев высказался за восстановление института старших. По причине малочисленности членов семинарской инспекции и вместе с тем вследствие плотной укомплектованности духовных школ того времени к воспитательному делу привлекались старшие воспитанники⁵³¹. Именно этими причинами протоиерей Алексей Мальцев мотивировал необходимость восстановления данного института. По его мнению, чтобы "старшие" пользовались авторитетом среди учащихся их избрание можно было доверить учащимся⁵³². Данное мнение не получило поддержки большинства заседателей. Наиболее обстоятельно по этому поводу высказался А.И. Алмазов, который справедливо заметил, что «если взрослому человеку трудно руководить духовной стороной своего питомца, то что можно ожидать от «старших»? Если это институт и практиковался, то исключительно в силу небрежности, неспособности к делу

⁵²⁹ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 227.

⁵³⁰ Колыванов Г. Е. Духовные Семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 148.

⁵³¹ Там же, С. 61–62.

⁵³² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 766.

воспитания лиц, поставленных во главе учебных заведений»⁵³³. Преосвященный председатель, профессора Н.Н. Глубоковский и И.С. Бердников в своих выступлениях отметили, что данный институт «вызывал постоянные недовольства, недоразумения, вражду среди воспитанников и ложился тяжелым бременем на самих «старших»⁵³⁴. Автор статьи «К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях», пожелавший остаться неизвестным, высказал в своей публикации следующее наблюдение. Согласно его сведениям в одной из дореволюционных семинарий на протяжении целого ряда лет наблюдалась следующая закономерность: «Одно из отделений младшего класса, находящееся в самом близком соседстве с двумя старшими классами, неизменно ниже другого отделения и по успехами, и по поведению»⁵³⁵. Стоит иметь в виду, что зачастую так называемые "старшие" помимо негативного нравственного влияния могли агитировать младших со товарищей к вступлению в протестные общесеминарские организации⁵³⁶. Учитывая вышесказанное, можно понять почему все остальные члены не разделили точку зрения протоиерея Алексея Мальцева.

В продолжение темы участия студентов в воспитательном процессе преосвященным председателем был поднят вопрос о целесообразности внедрения практики так называемых товарищеских судов чести⁵³⁷. Стоит отметить, что в первую очередь к реализации данной практики призывали члены общесеминарских съездов. Согласно сведениям историка духовного образования Б.В. Титлинова в итоговом документе I-го Владимирского съезда общесеминарской организации можно встретить следующие требования: «Свобода проживания на квартирах; отмена обязательного посещения богослужения; изменение полицейских функций инспекции в воспитательные; товарищеский суд; контроль воспитанников над хозяйственной жизнью школы; уравнивание инословных с детьми духовенства в

⁵³³ Там же.

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 4. С. 788.

⁵³⁶ См.: *Вениамин (Федченко), митр.* На рубеже двух эпох. С. 136–141.

⁵³⁷ Товарищеский суд чести – неформальный орган, рассматривающий нарушения этических и корпоративных правил.

отношении поступления в духовные школы»⁵³⁸. Также данная инициатива содержалась в некоторых отзывах преосвященных. В частности, епископ Серафим (Мещеряков) полагал, что проведение подобных судов будет способствовать формированию «в учениках чувства законности и чувства собственного достоинства»⁵³⁹. Члены Предсоборного Присутствия более скептически отнеслись к этой идее. Профессор И.С. Пальмов в ответ на вопрос епископа Арсения (Стадницкого) о существовании данной практики в европейских духовных школах заметил, что «в закрытых заведениях за границей, насколько мне известно, нет такого суда»⁵⁴⁰. Согласно сведениям Н.Н. Глубоковского вопрос о товарищеских судах поднимался в ходе работы III отдела Особого присутствия Правительствующего сената⁵⁴¹. Генерал А.И. Киреев выступил со специальным докладом о применении подобных судов в офицерской среде. На основании проделанного исследования генерал пришел к выводу о нецелесообразности существования данной практики в офицерской среде. Сам профессор Н.Н. Глубоковский относительно внедрения товарищеского суда в воспитательную практику духовной школы высказался следующим образом: «В школе он просто неуместен среди тех, кто прежде всего должен приучаться к исполнительности и дисциплине»⁵⁴². Профессор А.И. Алмазов отметил, что в случае возникновения конфликтной ситуации между преподавателем или воспитателем с учащимися более вероятно, что учащиеся встанут «скорее на сторону своего товарища, чем наставника. Понятно, такой суд нельзя признать компетентным»⁵⁴³. Как справедливо утверждал тот же профессор А.И. Алмазов, «такие суды вообще преследуют ту цель, чтобы совершенно устранить школьную корпорацию от влияния на ученическую жизнь»⁵⁴⁴. Для того чтобы убедиться в справедливости данных слов, достаточно вспомнить вышеприведенные требования членов

⁵³⁸ *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений: 1860–1905 гг. С. 123.

⁵³⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 217.

⁵⁴⁰ Журналы и протоколы.... Т. 3. С. 769.

⁵⁴¹ См.: там же.

⁵⁴² Там же, С. 769.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Там же.

Владимирского общесеминарского съезда. И, наконец, данные суды ставили под сомнение компетенции педагогического состава духовной школы. В результате по вышеозначенным причинам большинство заседателей выступило против данной практики⁵⁴⁵.

Также на двенадцатом заседании обсуждалась целесообразность практики круговой поруки, которая применялась в различных духовных школах. По мнению профессоров В.З. Завитневича и М.А. Машанова, данный воспитательный метод мог принести положительные результаты по причине того, что учащимся свойственно оказывать влияние друг на друга⁵⁴⁶. Они полагали, что благодаря этому обстоятельству будет возможно искоренить пьянство в духовных семинариях. В свою очередь профессор Н.Н. Глубоковский отметил, что круговая порука снимает индивидуальную ответственность за тот или иной проступок с конкретного воспитанника и переносит ее на всех учащихся. С другой стороны, по замечанию того же профессора, на всю массу учащихся нельзя положиться, так как «это большинство будет давить на всех, доводить все до своего уровня и тем затруднять прогресс школьной жизни, не говоря о многих практических ненормальностях, какие несомненны в этой мере даже вне школы (например, укрывательство, партийные интересы и т. п.)»⁵⁴⁷. Возможно, в некоторых случаях данная практика приносила положительные результаты, однако, если обратиться к способам протестной деятельности учащихся духовных школ, то в их арсенале можно также найти круговую поруку. Так, например, в одной из петиций витебских семинаристов отмечалось, что в случае невыполнения их требований «вступит в силу «круговая порука» товарищей»⁵⁴⁸. Таким образом, данный воспитательный метод мог применяться как для постановки воспитательного дела, так и для его дезорганизации. В этой связи члены V отдела решили «не узаконивать этой меры,

⁵⁴⁵ Там же.

⁵⁴⁶ См.: там же, С. 770.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 134.

а предоставить местному начальству вводить круговую поруку, где будет признано это возможным»⁵⁴⁹.

После этого преосвященный председатель поставил перед участниками заседания вопрос о возможности проведения родительских собраний при духовных семинариях. В ответ на это Н.Н. Глубоковский заметил, что проведение подобных собраний затруднительно с организационной точки зрения, поскольку «родители духовных воспитанников обычно живут далеко от того города, где находится духовная школа»⁵⁵⁰. Также, по его замечанию, некоторые родители учащихся в священном сане духовных школ входят в состав педагогических собраний. В связи с этим обстоятельством профессор Н.Н. Глубоковский предлагал вместо проведения родительских собраний увеличить количество представителей от родителей учащихся в педагогических совещаниях и с учетом такого изменения сохранить имеющуюся практику.

Протоиерей Феодор Титов привел факты о том каким образом данная практика была апробирована в светских учебных заведениях Министерства народного просвещения. Он отметил то обстоятельство, что «родители отнеслись отрицательно к предложению Министерства, так как многие из них не живут в городе»⁵⁵¹. Помимо этого, профессор М.А. Машанов справедливо указал на то, что в педагогическом деле требуется необходимый опыт и знания без наличия которых достаточно сложно предметно решить проблемы в данной области. В этой связи профессор утверждал следующие: «Неудобно допускать к участию всех, иначе получится педагогический сумбур; другое дело – хозяйство школы. Здесь можно бы позволить общественный контроль со стороны родителей»⁵⁵². С одной стороны, если у родителей появится возможность влиять на постановку воспитательного процесса, то, во-первых, это в определенной мере подорвет авторитет воспитателей, а, во-вторых, может привести к разного рода разногласиям между родителями и администрацией духовной школы при выработке методов

⁵⁴⁹ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 770.

⁵⁵⁰ Там же.

⁵⁵¹ Там же, С. 771.

⁵⁵² Там же.

воспитания⁵⁵³. С другой стороны, как утверждал профессор А.И. Алмазов «в образовании духовного склада каждой личности имеет влияние прежде всего семья. В сущности дела, каждый человек есть отображение тех духовных начал, под воздействием которых проведено детство до поступления в школу»⁵⁵⁴. Исходя из этого А.И. Алмазов полагал, что «будет вполне рационально, если бы при всякой даже самой лучшей постановке воспитания, воспитатели в своей деятельности находились в живом взаимодействии с родителями»⁵⁵⁵.

Не отрицая позицию профессора А.И. Алмазова, мы более разделяет точку зрения профессоров Н.Н. Глубоковского и М.А. Машанова по данному вопросу. Мнение последних более предпочтительно по следующим причинам. Во-первых, в то время некоторые родители учащихся зачастую поддерживали своих детей в протестной деятельности. Косвенно об этом свидетельствует синодальное определение от 30 ноября 1905 года, где, в частности говорилось следующее: «Тяжкий грех берут на свою душу те родители, которые недостаточно внушают детям необходимость неуклонного исполнения правил школьной дисциплины и" через то являются виновниками их развращения и гибели»⁵⁵⁶. Более определенно и ясно данную идею выразила исследователь семинарского протестного движения Т.А. Павленко: «Мы можем говорить, что к началу XX века в духовных семинариях сложилась традиция бунта, которая передавалась от поколения к поколению»⁵⁵⁷.

Если кратко обозначить причины данного положения вещей, то можно указать следующие обстоятельства: сословная замкнутость духовенства и духовной школы, материальная необеспеченность и низкий социальный статус представителей духовного сословия – все это приводило к росту индифферентизма и формализма среди учащихся духовных школ. Учитывая вышесказанное достаточно сложно было предполагать, что при наличии возможности у родителей влиять на постановку воспитательного процесса положение дел в духовной школе

⁵⁵³ См.: По поводу совместных совещаний родителей и педагогов // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 8. С. 397.

⁵⁵⁴ Там же, С. 766.

⁵⁵⁵ Там же.

⁵⁵⁶ Цит. по: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 127.

⁵⁵⁷ Там же, С. 125.

изменилось бы в лучшую сторону. В подтверждение этому достаточно обратить внимание на выступление профессора М.А. Остроумова, в котором он на основании некоторых фактов из деятельности родительского кружка при Харьковском реальном училище проиллюстрировал неэффективность данной практики⁵⁵⁸. В конечном итоге участники заседания решили «увеличить число членов от духовенства в правлениях духовной школы»⁵⁵⁹.

Также участники двенадцатого заседания обсудили вопрос целесообразности ведения кондуитных инспекторских журналов⁵⁶⁰ и сохранения балловой аттестации ученического поведения. На основании записей, произведенных воспитателями в кондуитном журнале, инспектор составлял ежемесячные и годовые ведомости о поведении учащихся⁵⁶¹, где каждому воспитаннику выставлялся балл за поведение. Стоит заметить, что данные отметки могли существенно повлиять на судьбу учащегося. Именно поэтому в среде участников заседания данный вопрос вызвал широкий резонанс. Профессор М.А. Остроумов в своей речи отметил, что далеко не всегда записи воспитателей в «кондуитах» соответствовали действительности: «Например, мне самому в Московской академии был поставлен однажды месячный балл по поведению 4 за записанную инспектором нетрезвость, хотя я совсем не употребляю спиртных напитков»⁵⁶² - вспоминал профессор. Помимо этого, в кондуитных журналах можно было встретить излишне формальные замечания воспитателей. Так, например, в циркуляре духовно-учебного ведомства сообщалось, что в одной семинарии инспектор весьма тщательно выискивал проступки учащихся. В том журнале можно найти следующие замечания: «тихо читал молитву; стоял в шапке в швейцарской комнате; прислонялся к стене во время молебна; опоздал на спевку; ел семечки от подсолнечника на улице и т.п.»⁵⁶³. В этой связи священник Александр Рождественский и профессор М.А. Остроумов настаивали на том, чтобы

⁵⁵⁸ См.: Журналы и протоколы... Т. 3. С. 771.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Журнал, в который заносились проступки учащихся.

⁵⁶¹ См.: Павленко Т. А. Протестное движение учащихся православных семинарий... С. 47.

⁵⁶² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 773.

⁵⁶³ Цит. по: Духовная школа. Сб. статей. М.: 1906, С. 109.

записи в кондуите были доступны учащимся, и они могли в случае необходимости «обжаловать запись в Правлении семинарии»⁵⁶⁴. Однако конкретных методов и практик по обнародованию данных записей они не предложили. По нашему мнению, подобная практика могла бы вызвать большое количество проблем и недоумений в духовной школе. Например, если допустить возможность пересмотра воспитанниками и семинарской администрацией кондуитных записей воспитателей, то не ясно каким образом последним можно было сохранить свой авторитет в среде учащихся. Помимо этого, посредством внедрения данной практики администрация поставила бы под сомнение педагогические компетенции воспитателей. Это обстоятельство в свою очередь сначала бы имплицитно, а затем и эксплицитно привело бы к возникновению недопонимания между педагогическим персоналом и администрацией семинарии, что без сомнения негативным образом отразилось бы на постановке воспитательного процесса в духовной школе.

В продолжение обсуждения целесообразности ведения кондуитных журналов протоиерей Алексей Мальцев в своей речи справедливо указал на то, что в них фиксируются одни лишь отрицательные поступки учащихся. По его меткому выражению данный журнал представляет собой «своего рода "скорбный" лист»⁵⁶⁵. Поэтому отец Алексей предложил отмечать и положительные качества учащихся. Это мнение разделил и дополнил профессор В.З. Завитневич. В частности, он предложил изымать из «кондуита» отрицательные характеристики на того или иного воспитанника в том случае если он исправится⁵⁶⁶. По нашему мнению, означенные предложения протоиерея Алексея Мальцева и профессора В.З. Завитневича были более практичными и эффективными для лучшей постановки воспитательного дела в духовных школах. К тому же их реализация в определенной мере способствовала бы формированию более живого и объективного отношения к воспитанникам. В конечном итоге большинство заседателей проголосовало за

⁵⁶⁴ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 773.

⁵⁶⁵ Там же, С. 774.

⁵⁶⁶ Там же, С. 773.

сохранение имевшейся практики ведения кондуитных журналов. Возможно, подобного рода решение было обусловлено синодальным указом от 8 февраля 1906 года, согласно которому при формировании ежемесячных отчетов оценивать поведение учащегося только за отдельно взятый отрезок времени и вне зависимости от предыдущих баллов⁵⁶⁷. Данное обстоятельство было определенным стимулом для провинившихся, которые желали загладить свой проступок и восстановить свое реноме. В результате заседатели приняли решение сохранить практику ведения кондуитных журналов с тем изменением, что в них необходимо помимо негативных отзывов отображать еще и положительные характеристики.

Не остался без обсуждения вопрос целесообразности практики балловой аттестации поведения учащихся. Профессор М.А. Машанов высказался против данной системы. По его мнению, возраст семинаристов препятствует объективной оценке поведения воспитанника, поскольку в годы своего обучения в духовной школе он только формируется как полноценная личность. Тогда как «эти цифры иногда губят человека на всю жизнь, заграждая ему пути и к дальнейшему образованию, и к служебно-общественной деятельности»⁵⁶⁸. Относительно последнего достаточно сказать, что в дореволюционных духовных академиях в кандидатский и до определенного времени магистерский минимумы входила оценка по поведению⁵⁶⁹. Это означало, что плохой балл по поведению мог послужить серьезным препятствием для абитуриента духовной академии. Согласно сведениям современного исследователя М.А. Адамова, понижение балла за поведение могло повлечь за собой лишение казенного содержания, понижение разряда и отчисление из состава учащихся⁵⁷⁰. И, наконец, баллы по поведению могли повлиять на будущее распределение учащихся на место служения⁵⁷¹. Все это

⁵⁶⁷ См.: Адамов М. А. Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII – начале XX веков. С. 180.

⁵⁶⁸ Там же, С. 774.

⁵⁶⁹ Сухова Н. Ю. Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. С. 215.

⁵⁷⁰ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 4.

⁵⁷¹ Сушко А. В. Духовные семинарии в пореформенной России. (1861-1884 гг.) С. 154.

свидетельствует баллы по поведению имели важное значение как для школьной, так и для будущей жизни каждого семинариста.

Возвращаясь к полемике среди заседателей по этому вопросу, стоит отметить, что все остальные участники не разделили позицию М.А. Машанова. Наиболее емко и точно свое несогласие выразил А.И. Алмазов, указав на то, что «при уничтожении аттестации поведения утратится всякое представление о различии учеников в моральном отношении, и следовательно все, даже крупные, исключительные проступки их могут проходить для них как бы незамеченными и бесследными»⁵⁷². Действительно, было не совсем ясно какую альтернативу предлагал противник балловой системы М.А. Машанов. Можно только предположить, что он был солидарен с позицией епископа Нижегородского Назария (Кириллова). Последний считал, что при аттестации поведения должны были применяться не баллы, а словесные характеристики⁵⁷³. По мысли преосвященного, балл не мог дать объективного представления о моральном состоянии учащегося, тогда как соответствующая запись лучше раскрывала личность воспитанника и предоставляла более конкретный материал для семинарской администрации. С этим нельзя не согласиться с тем, что словесная характеристика поведения давала возможность для более объективного взгляда на духовно-нравственное состояние воспитанника. Однако, по нашему мнению, данное предложение вряд ли можно считать эффективным хотя бы потому, что такие записи велись воспитателями в кондуитных журналах. В этой связи не совсем ясно по какой причине нужно было дублировать их в ежемесячных и годовых ведомостях, составляемых инспектором для заседаний правления семинарии. К тому же, если бы участники заседания узаконили бы данную практику, то им пришлось бы озадачиться вопросом о необходимости внедрения аналогичного способа аттестации учащихся в образовательной деятельности. В результате

⁵⁷² Журналы и протоколы... Т. 3. С. 774.

⁵⁷³ См.: Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 27; Воскресенский Е. П. О реформе духовно-учебных заведений // Богословский вестник. 1906. Т. 3. № 10. С. 301–302.

большинство заседателей проголосовало за сохранение балловой аттестации поведения воспитанников.

Также в ходе заседания его участниками обсуждался вопрос о целесообразности так называемого метода тайных аттестаций, которые представляли собой конфиденциальные отзывы-характеристики администрации духовной школы о личности того или иного воспитанника. Данная информация предоставлялась либо при поступлении в семинарию или академию, либо по месту будущего служения учащегося.

Против данной практики выступили: протоиерей Феодор Титов, священник Александр Рождественский, профессор В.И. Несмелов. По мнению этой группы участников двенадцатого заседания, тайным аттестациям предавалось чрезвычайно важное значение, тогда как содержащиеся в них характеристики зачастую были крайне субъективны и ошибочны⁵⁷⁴. У выпускников семинарий не было возможности оспорить данные аттестации или попросить разъяснений у администрации относительно их содержания, а ведь именно они играли чуть ли не ключевую роль в их судьбе. Именно поэтому священник Александр Рождественский в своем выступлении утверждал следующее: «Ставить ученика в зависимость от единоличного усмотрения ректора или инспектора опасно; когда дело касается судьбы человека, секрета не должно быть, здесь все должно быть ясно и явно»⁵⁷⁵. По сведениям профессора В.И. Несмелова, в Казанскую духовную академию в период ректорства архимандрита Антония (Храповицкого) среди прочих поступали и успешно заканчивали учащиеся, которым «конфиденциально давались неодобрительные отзывы семинарским начальством»⁵⁷⁶. В конечном итоге по утверждению того же профессора, «все они оказались прекрасными людьми, а один из них ныне профессор академии»⁵⁷⁷.

Приведенные свидетельства и аргументы противников секретной аттестации содержали в себе справедливые замечания. Однако, как и в случае с балловой

⁵⁷⁴ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 774.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Там же.

аттестацией оппоненты не предлагали каких-либо альтернатив. Возможно, конфиденциальные характеристики часто содержали в себе некоторые неточности и погрешности, но не совсем ясно, откуда в противном случае духовное начальство могло получать сведения об абитуриенте или же кандидате на место в клире, если не из таких документов. К тому же необходимость тайных аттестаций возрастала в разы в условиях повсеместной протестной активности семинаристов. И наконец, отмена данной практики вновь ставила под сомнение педагогические компетенции воспитателей, что также, как и в случае упразднения балловой системы, привело бы к различным разногласиям между администрацией и учителями. Именно поэтому епископ Арсений (Стадницкий) в своем выступлении заявил следующее: «Вообще, я опасаясь, как бы нам, уничтожая частную аттестацию, не оказать медвежьей услуги педагогическому делу и самим учащимся»⁵⁷⁸. В тоже время по верному замечанию профессора Н.Н. Глубоковского, данные аттестации «не должны быть решающими в критические моменты»⁵⁷⁹. Поскольку профессор не указал, на что конкретно стоит обращать внимание администрации в случае возникновения «критических ситуаций», то в такой ситуации можно лишь высказать следующее предположение на этот счет. Возможно, он предполагал, что судьба воспитанника будет решаться на основании полученных им в духовной школе оценок за поведение и обучение, а также на основании результатов приемной или ставленической комиссий. Так или иначе, но в результате заседаниями было принято решение сохранить имеющуюся практику тайных аттестаций без изменений.

В отзывах преосвященных также можно встретить предложения по поводу мер духовно-нравственного воспитания учащихся семинарий. В первую очередь стоит особо выделить инициативу некоторых преосвященных о необходимости расширения круга дозволенной литературы. В одном из предыдущих параграфов было отмечено, что такие ограничительные меры были контрпродуктивны, поскольку учащиеся получали доступ к желаемой литературе сначала в публичных,

⁵⁷⁸ Там же, С. 775.

⁵⁷⁹ Там же.

а затем и в студенческих подпольных библиотеках. Не стоит забывать, что зачастую эти места становились пунктом вербовки различных революционных организаций. Поэтому идея о пополнении семинарских библиотечных фондов книгами, которые интересовали учащихся была не лишена оснований. К тому же если учесть, что этим процессом будет руководить классный наставник, который сможет рассеять недоумения учащихся и скорректировать их интересы, то такое предложение можно считать достаточно целесообразным. Как отмечал об этом в своем отзыве епископ Архангельский Иоанникий (Казанский), «желательно бы также допустить в той или иной форм участие в выборе книг для ученической библиотеки самих учеников, в видах, прежде всего, прямого расчета пополнения библиотеки таким материалом, который находил бы постоянный спрос со стороны учеников и поддерживал в них живой интерес к чтению, а также – и затем, чтобы, зная вкусы и запросы учащихся относительно книг, руководителю этого дела из лиц учащего или воспитательского персонала можно было своевременно направлять и исправлять эти вкусы»⁵⁸⁰.

Не менее ценным, по нашему мнению, было предложение преосвященных о необходимости организации литературных и музыкальных вечеров. По мнению преосвященного Иоанникия (Казанского), проведение данных мероприятий могло принести значительную пользу для постановки воспитательного процесса в духовной школе по следующим причинам. Во-первых, если в этих вечерах будут принимать непосредственное участие члены преподавательской корпорации, то «вечера эти способствовали бы установлению большей близости между учащими и учащимися»⁵⁸¹. Во-вторых, для самих учащихся эти мероприятия должны стать разумным развлечением «среди однообразно скучной обстановки общежития», а также положительным образом повлияют «на развитие духа общительности и хорошего тона в обращении с людьми, – недостаток коих и доселе еще продолжает считаться и в жизни и в литературе своего рода характерным признаком духовного

⁵⁸⁰ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 433. См. также: *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1303.

⁵⁸¹ Там же.

воспитанника»⁵⁸². По нашему мнению, реализация вышеозначенных инициатив положительным образом отразилась бы на постановке воспитательного процесса в духовной школе.

Также некоторые епископы полагали, что для «устранения взаимного недоверия и антагонизма между семьей и школой»⁵⁸³ стоит предоставить возможность участия родителям учащихся в заседаниях воспитательных собраний духовной школы. Как отметил в своем отзыве епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), «школа должна быть в живой связи с родителями воспитанников»⁵⁸⁴. Поскольку большинство родителей учащихся были священнослужителями, то они могли оказывать на положение дел в семинарии либо посредством членства в епархиальных съездах, либо посредством членства в семинарском правлении. Архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин) предлагал увеличить количество членов правления от духовенства для того, чтобы они смогли оказывать более существенное влияние на положение дел в семинарии. Помимо этого, тот же иерарх высказывал точку зрения о том, что члены правления от духовенства могут контролировать качество учебно-воспитательного процесса «путем посещения семинарии во внеклассное время, а с разрешения ректора – и во время классных занятий для присутствования на уроках с согласия преподавателей»⁵⁸⁵. Епископ Вениамин (Муратовский) полагал, что целесообразно будет выдвинуть от лица духовенства одного делегата, который принимал бы участие в педагогических совещаниях семинарии⁵⁸⁶. Так или иначе, но мы поддерживаем инициативу определенной части епископата предоставить право родителям учащихся участвовать в различных заседаниях, посвященных различным аспектам деятельности семинарии.

Во второй главе нами было отмечено, что одним из негативных последствий двузадачности и сословной замкнутости духовного образования была высокая

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ Там же, С. 322.

⁵⁸⁴ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 27.

⁵⁸⁵ Там же.

⁵⁸⁶ Там же, С. 72.

укомплектованность духовных школ. В этой же части работы был дан обзор проектов решения данной проблемы. Напомним, что основная часть епископата выступала за отмену сословной замкнутости духовного образования, а значит за сокращение численности учащихся. Вместе с тем преосвященные прекрасно понимали, что «необходимо иметь духовные школы малочисленные, а не такие казармы, как существующие», потому что «казарменный вид, казенное внешнее отношение к ученикам, неизбежное при многолюдстве, худо действует на душу питомцев» и «располагает к особым порокам, свойственным воспитанникам, живущим в общежитии»⁵⁸⁷. Именно поэтому преосвященные предлагали преобразовать внешние условия жизни учащихся, полагая, что такая мера конструктивным образом повлияет на постановку воспитательного процесса. Общую точку зрения епископата выразил епископ Нижегородский Назарий (Кириллов), который отметил, что «казенные семинарские интернаты и епархиальные общежития необходимо устроить так, чтобы они, доставляя жизненные удобства для учеников, не порождали в последних чувства недовольства, но вызывали любовь, а также были вполне удобны для нравственного наблюдения за учениками»⁵⁸⁸. С этой целью преосвященные предполагали разделить воспитанников на группы не более 8-10 человек и разместить их в отдельные комнаты⁵⁸⁹. Сами комнаты декорировать растениями и цветами, художественными картинами и портретами. По мнению епископа Нижегородского Назария (Кириллова), «в домашней обстановке душа делается как-то мягче, добрее, нежнее, облагораживается нрав, создаются деликатные привычки. Такой обстановкой можно уничтожить грубость и бурсацизм, присущие духовной школе»⁵⁹⁰. Также епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) призывал преосвященных «обратить самое серьезное внимание на санитарно-гигиеническое

⁵⁸⁷ Там же, С. 216; См. *Тихомиров Д. И.* Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 32. С. 1317.

⁵⁸⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 26–27.

⁵⁸⁹ Там же, С. 27.

⁵⁹⁰ Там же.

состояние интернатов, физическое развитие и здоровье учащихся»⁵⁹¹. С этой целью иерарх предлагал проводить периодический осмотр учащихся, дать право семинарскому врачу контролировать состояние общежитий и качество пищи. Ежегодно он должен был предоставлять соответствующий отчет на рассмотрение педагогического собрания и после этого публиковать эти данные в епархиальных печатных органах. По нашему мнению, реализация данных проектов могла конструктивным образом отразиться на атмосфере в духовной школе, что, как уже было показано выше, являлось немаловажным аспектом.

Подводя итоги данному параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Основным источником сведений относительно проблем в области постановки воспитательного процесса в духовных школах для членов V отдела Предсоборного Присутствия послужили отзывы епархиальных преосвященных. Исходя из имеющихся свидетельств заседателей, можно заключить, что практически каждый член V отдела имел представление об их содержании. По причине того, что в отзывах проблемы постановки воспитательного процесса были достаточно тщательно проанализированы, участники заседаний V отдела лишь косвенно констатировали их в своих выступлениях. Большая часть их суждений касалась вопроса реформирования воспитательного процесса.
2. Ключевыми вопросами первых заседаний V отдела стали: а) обсуждение того, на основании каких принципов должно было производиться реформирование воспитательного процесса; б) дискуссии относительно того, кто должен осуществлять роль воспитателя в духовной школе.
3. По поводу вопроса о том, кто должен исполнять роль воспитателя в духовной школе, участников заседаний V отдела можно условно разделить на три группы. Первые высказывались за необходимость внедрения института классных наставников. Вторые настаивали на том, что воспитательные функции должны быть возложены на инспектора и его помощников из числа

⁵⁹¹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 217. См.: К вопросу о наблюдениях над физическим развитием учащихся // Прибавление к Церковным ведомостям. 1899. № 43. С. 1769.

преподавателей, которые пользовались бы у воспитанников должным авторитетом. Третья группа выражала компромиссную точку зрения. Они предлагали внедрить институт классных наставников и при этом распределить между всеми педагогами некоторые воспитательные обязанности. Несмотря на то, что каждая из представленных позиций имела определенные достоинства, на практике данные предложения было достаточно сложно реализовать. В конечном итоге этот вопрос не получил своего окончательного разрешения на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия.

4. Также заседателями был затронут ряд практических вопросов, связанных с реформированием постановки духовно-нравственного воспитания в духовной школе. В результате прений между участниками работы V отдела Предсоборного Присутствия были приняты следующие решения:

а) сохранить имеющуюся практику устройства богослужebной жизни воспитанников, признать приемлемыми и целесообразными следующие воспитательные меры: лишение учащихся каникулярного времени, ограничение свободы передвижения воспитанников за пределами семинарии посредством функционирования пропускной системы, увеличить количество членов от духовенства в правлениях духовной школы, сохранить практику ведения кондуитных журналов с тем изменением, что в них, необходимо помимо негативных отзывов, отображать положительные характеристики, сохранить практику гласной и тайной балловой аттестации поведения учащихся;

б) изъять из воспитательного арсенала преподавателей дореволюционных духовных школ следующие методы педагогического воздействия: условное осуждение, карцерное заключение, лишение обеда;

с) воздержаться от возобновления воспитательной практики института старших, воспретить внедрение в духовных школах так называемых товарищеских судов чести, оставить на усмотрение руководства семинарских

администраций вопрос о сохранении воспитательной практики круговой поруки.

d) увеличить количество лиц воспитательского состава духовных школ, а также внедрить институт классных наставников и возложить на них ответственность за воспитание учащихся. Для того чтобы повысить степень эффективности данного института епископат предлагал обеспечить их материально, доверить им преподавания одного или нескольких учебных дисциплин, поручить под руководство каждому классному наставнику группу учащихся не более 35 человек, по мере возможностей ограничить общение между воспитанниками старших и младших курсов, внедрить конструктивные и полезные формы проведения учащимися досуга.

5. Позволить родителям учащихся принимать участие в воспитательных собраниях духовной школы. Помимо этого, епископат допускал возможность посещения семинарий родителями учащихся для осуществления контроля за постановкой учебно-воспитательного процесса и хозяйственной частью духовной школы.

6. Преобразовать внешние условия жизни учащихся. Для этого авторы отзывов предлагали обустроить и сделать уютными студенческие общежития, разделить воспитанников на группы не более 8-10 человек и разместить их в отдельные комнаты, проводить периодический осмотр учащихся, дать право семинарскому врачу контролировать санитарно-гигиеническое состояние общежитий и качество пищи.

4.5. Недостатки административного устройства духовных семинарий как проблема воспитательного процесса (по материалам церковной периодики)

В данном параграфе мы рассмотрим недостатки административного устройства дореволюционных духовных школ с точки зрения дореволюционных церковных авторов для того, чтобы продемонстрировать негативное влияние данных проблем на постановку воспитательного процесса в семинариях.

По мнению некоторых церковных авторов того времени, одной из ключевых проблем административного устройства духовных школ являлось присутствие монашествующих в семинариях⁵⁹². Сразу стоит заметить, что этим утверждением не ставится под сомнение целесообразность присутствия монашествующих как в качестве преподавателей и воспитателей, так и в качестве руководителей духовной школы. Во второй главе, когда рассматривалась дискуссия преосвященных по данному вопросу, то мы в достаточной мере обозначили достоинства присутствия монашествующих в духовной школе. В этой связи, не разделяя вышеуказанных радикальных воззрений, в тоже время мы частично солидарны с позицией тех церковных авторов, которые утверждали, что «монашеский фактор» в той или иной степени являлся причиной некоторых проблем в воспитательном процессе дореволюционных семинарий. В первую очередь к числу данных недостатков можно отнести то обстоятельство, что для многих монахов административный пост в духовной школе был лишь одним из этапов подготовки к архиерейству. Поскольку о такой «системе» формирования будущих иерархов было сказано выше более чем достаточно, то, по нашему мнению, целесообразно будет обратиться непосредственно к ее последствиям.

Автор того времени, который пожелал остаться неизвестным, привел в своей статье следующие красноречивые статистические данные: «В 1899 году сменились ректора в 14 семинариях, инспектора в 15; в 1900 г. – ректора в 7, инспектора в 11; в 1901 г. – ректора в 10, инспектора в 15; в 1902 г. – ректора в 13, инспектора в 26 (!); в 1903 г. – ректора в 13, инспектора в 13; в 1904 г. – ректора в 11, инспектора в 17. С 1899 г. состав начальствующих остался без изменения только в 6 семинариях»⁵⁹³. Исходя из данных сведений получается, что всего за 5 лет только лишь в 6 из 58 семинарий не произошло изменений в административном составе духовной школы. Нельзя сказать, что данные административные перестановки во всех случаях были целиком и полностью обусловлены необходимостью. Несмотря на то, что на этот период времени пришелся рост протестных семинарских

⁵⁹² *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 204.

⁵⁹³ К вопросу о постановке дела воспитания в семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 4. С. 784.

организаций, все же такие массовые административные преобразования были обусловлены иной причиной – неверным способом подготовки молодых монахов к епископскому служению. В этом отношении церковные авторы того времени были солидарны с епископатом. Выпускник МДА С. Введенский следующим образом констатировал данную проблему: «Место инспектора или ректора, как правило, является для ученых иноков лишь одной из ступеней в их церковной карьере, потому они чувствуют себя не столько духовными вождями вверенных им школ, сколько "случайными посетителями": они сидят на своих местах, "как пассажиры на вокзале в холодную зимнюю пору, и заботятся только о том, чтобы им не дуло"⁵⁹⁴. Несмотря на аллегоричность приведенного отрывка, в сущности, данные слова во многом отражают административную политику многих монашествующих, стоявших во главе духовных школ.

Отметим, что эффективность деятельности монахов на административном посту в духовной школе оценивалась ревизорами Святейшего Синода, отчеты которых после рассмотрения обер-прокурором и Учебным комитетом рассылали по семинариям и нередко печатали в официальных церковных журналах⁵⁹⁵. Естественно, что для многих монашествующих руководителей семинарий именно такой способ аттестации их деятельности был крайне важен, потому что это обстоятельство зачастую напрямую влияло на их дальнейшее повышение. В большинстве случаев ревизоры ограничивались контролем таких внешних факторов как состояние семинарского здания и кабинетов, качество пищи, укомплектованность библиотеки необходимой литературой, качеством знаний учащихся, постановкой учебного процесса и делопроизводством в духовной школе и т.д. Вполне естественно, что в таких обстоятельствах руководители духовных школ в большей мере делали акцент на «внешних» аспектах семинарии. В свою очередь, порядок в семинарии и благопристойность воспитанников в такой системе зачастую формировались с помощью методов «палочной» дисциплины. В том

⁵⁹⁴ Введенский С. Наше ученое монашество и современное церковное движение. М., 1906. С. 33–34.

⁵⁹⁵ См.: Вытнов В., *свящ.* Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 213.

случае, если монашествующий руководитель духовной школы находил должную меру в обращении к подобным мерам воспитания, а также посильно улучшал материальную базу семинарии, то это приводило к тому, что в скором времени он продвигался по иерархической лестнице.

Частая смена лиц семинарской администрации, преимущественно в монашеском чине, приводила к отсутствию последовательной воспитательной политики в духовной школе⁵⁹⁶. При этом не стоит забывать, что ответственность за воспитательный процесс фактически лежала на инспекторе и частично на ректоре. Последние, как правило, подлежали ротации. Вполне естественно, что в таких условиях было достаточно сложно надеяться на правильную постановку воспитательного процесса. Можно даже сказать, что сложно было надеяться на какую-либо систему воспитания в полном смысле этого слова. Архиепископ Феодор (Поздеевский), много потрудившийся на ниве духовного образования, следующим образом описывал данную проблему: «Что считается хорошим в одной семинарии, то вовсе не терпится в другой, что заводит один ректор, то с корнем исторгает другой, чему сочувствовал один преосвященный, того не выносит его преемник и т. д. А ученики-то остаются все одни и те же: разве это порядок?»⁵⁹⁷. Яркой иллюстрацией к этим словам является педагогический опыт будущего митрополита Евлогия (Георгиевского), на примере которого можно увидеть абсолютный контраст в воспитательном подходе и методах между руководящими лицами во Владимирской и Холмской семинариях⁵⁹⁸. Несмотря на то, что устав духовных школ декларировал большинство воспитательных принципов, все же способы и подходы к их реализации варьировались в зависимости от личностей, стоящих во главе администрации. В этой связи частая смена руководящих лиц в

⁵⁹⁶ См.: К реформе духовных школ // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 51. С. 2229.

⁵⁹⁷ Феодор (Поздеевский), архиеп. Чего желать для нашей духовной школы? // Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 856–863.

⁵⁹⁸ В данном случае подразумеваются контраст между воспитательными системы Владимирской и Холмской семинарий. Если во Владимирской семинарии взаимоотношения между администрацией и учащимися строились только лишь на основании страха и наказания, то в Холмской духовной семинарии отношения между означенными сторонами были построены на свободе и доверии.

семинарии породила бессистемность и противоречивость в области постановки воспитательного процесса.

Еще одним негативным последствием, связанным с фактом присутствия монахов в духовной школе, являлось их стремление навязать учащимся любовь к монашеству⁵⁹⁹. Сказанным не отрицаются как многие заслуги монашествующих в воспитательном деле, так и необходимость применения в семинарии тех или иных аскетических упражнений для духовно-нравственного формирования будущих пастырей⁶⁰⁰. Но вместе с тем юные монашествующие руководители зачастую чрезмерно увлекались в насаждении и проповеди монашества. По словам профессора В.Н. Мышцына, «монах является в семинарии с целью дать более благочестивый тон всему строю, устроить жизнь, по „монашескому чину"... Они почти всегда забывают, что имеют дело не с монахами или готовящимися к этому сану, и даже не с людьми уже установившимися, перегоревшими и перекипевшими, а с тем опасным горючим материалом, где достаточно одного неосторожного прикосновения, чтобы произошел взрыв. Безумная затея подавить жизнь в пятнадцатилетнем юноше без всякого протеста и бунта с его стороны может прийти в голову действительно только тем воспитателям, которые не имели своих детей и потому не знают ребенка в близкой интимной жизни»⁶⁰¹. Выше мы уже показали к чему привела попытка изоляции будущих пастырей от мира, но, несмотря на это, монастырский уклад жизни был взят руководителями духовных школ за образец, который просуществовал вплоть до революционных событий 1917 года.

По мнению церковных авторов, еще один недостаток административного устройства духовных семинарии был обусловлен малоопытностью и порой даже

⁵⁹⁹ *Иннокентий, еп.* Мысли по поводу предстоящей церковной реформы // Известия братства Православной Церкви в Китае. 1905. Выпуск 17-18. С. 9; *Беляев А., прот.* Общество и духовная школа // Вера и Церковь. 1906. № 6-7. С. 184; *Митрофан (Краснопольский), еп.* В защиту единой духовной школы. // Азбука веры: [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/v-zashhitu-edinoj-duhovnoj-shkoly/ (дата обращения: 14.10.22); К вопросу об оскудении духовной школы // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 31. Неофициальная часть. С. 1000–1001.

⁶⁰⁰ См.: *Георгий, еп.* Где причина упадка духовной школы // Вера и Церковь. 1906. № 6-7. С. 206; Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.9. 1891-1896 г. Сергиев Посад, 1911. 590, XXIV с.

⁶⁰¹ *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях. С. 656.

незрелостью руководителей духовных школ. Очевидно, что данная причина была также обусловлена монашеским присутствием в семинариях. В этом отношении характерным является следующий фрагмент дневников митрополита Арсения (Стадницкого), «был у меня утром ректор Академии епископ Сергей. Совершенно молодой; авторитетности совершенно не чувствуется»⁶⁰². С. Любимов следующим образом описывал проблему незрелости юных монахов, стоящих во главе духовных школ: «Эти сбившиеся с пути, нравственно искалеченные люди призываются руководить всем делом воспитания, всем строем духовно-школьной жизни. 25-летние монахи-мальчики прямо с академической скамьи, без всякого учебного опыта, становятся руководителями старых, на службе поседевших духовных педагогов. Предполагается, что в черном клобуке заключается многолетний педагогический опыт, залог и гарантия нормального ведения учебного дела. Столько же смелые, сколько и невежественные в педагогике, юные монахи получают широкую возможность производить в духовной школе всевозможные педагогические эксперименты, и они обыкновенно пользуются своим "правом"⁶⁰³.

Естественно, что данную характеристику можно отнести далеко не ко всем монашествующим руководителям духовных школ. Но даже при условии достаточной зрелости того или иного юного члена семинарской администрации, сложно подвергнуть критике тот факт, что подавляющее большинство из них не имело необходимого для их должности педагогического опыта. В лучшем случае юный монах, подвизающийся на ниве духовного образования, имел несколько лет педагогического стажа до назначения на ведущие должности в семинарии. Вообще же общая практика была такова, что многие монашествующие проходили данный путь гораздо быстрее. В таких условиях было достаточно сложно ожидать от этих руководителей каких-либо серьезных шагов в области постановки воспитательного дела.

⁶⁰² Арсений (Стадницкий), митр. Дневник. Т. 4. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. С. 60.

⁶⁰³ Там же, С. 131.

В определенной мере это даже было практически неизбежно и логично. Во-первых, так было потому, что такие ректоры зачастую руководствовались прагматичными мотивами в своей деятельности. На основании изученного материала можно даже предположить, что многие из них в годы своего студенчества, возможно, были сами недовольны современной им воспитательной системой, но уже после того, как они стали во главе семинарий, то осознали, что такая педагогическая система была апробирована временем, а значит действенна, хотя и не лишена недостатков. С одной стороны, она не требовала от воспитателей больших педагогических талантов, а с другой стороны, в той или иной мере обеспечивала внешний порядок и благопристойность. В результате для молодых руководителей семинарий такая педагогика являла собой пусть и несовершенную, но при этом оптимальную воспитательную систему, с помощью которой было гораздо проще достигнуть как профессиональных, так и личных целей. Во-вторых, молодые руководители семинарий воспроизводили в своей практике старые методы воспитания по той причине, что сами прошли через аналогичную педагогику и в большинстве своем не имели перед собой какой-либо иной альтернативы. С.П. Шумов констатировал данную проблему следующим образом: «Каждый молодой педагог помнит, что его учителя выспрашивали и задавали, а потому и он делает то же; его наставники в борьбе с детьми опирались на власть и дисциплинарную силу – он тоже с первых же шагов возводит себя на пьедестал воспитательной непогрешимости и начинает требовать уважения к себе, послушания и откровенности, совершенно упуская из виду, что для достижения всего этого мало требовать, а необходимо предварительно заслужить уважение и доверие детей»⁶⁰⁴.

В церковной периодике интересующего нас периода можно было встретить классификации преподавателей по типу их педагогической модели воспитания. Так, например, С.П. Шумов в статье под названием «Школа и жизнь» группировал и одновременно характеризовал педагогов в соответствии с их методами

⁶⁰⁴ Шумов С. П. Школа и жизнь. Вопрос о подготовке учителей и воспитателей... // Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 725–726.

воспитания. По его мнению, преподавателей семинарий можно условно разделить на две группы. Первые – воспроизводят все воспитательные методы, которые были в их время обучения в духовной школе. Помимо этого, они снисходительно относились к разного рода нарушениям дисциплины, пытаясь ограничить только лишь самые вопиющие и очевидные. В свою очередь, преподавателей, вошедших во вторую группу, публицист С.П. Шумов охарактеризовал следующим образом: «Они вполне добросовестно несут свои служебные обязанности, точно и неуклонно следят за исполнением различных требований и постановлений и не упускают ни одного случая разъяснять, внушать и наказывать. Для них нет сомнений, нет вопросов, и все педагогические задачи решаются ими легко и просто»⁶⁰⁵.

Стоит отметить, что представителей как первой, так и второй группы воспитателей мы встречали, когда вели речь о педагогическом опыте митрополита Евлогия (Георгиевского). По нашему мнению, во многом можно согласиться с представленной классификацией. В тоже время несколько несправедливо отсутствие в этой группировке хотя и небольшой, но все же имеющейся группы педагогов, которые со знанием дела исполняли свое служение. Так или иначе, но в целом вышеуказанный автор верно подметил тот факт, что большинство воспитателей в семинариях являлись представителями вышеозначенных нескольких групп. По нашему мнению, данный факт частично объясняет причину малочисленности, если так можно выразиться, качественных воспитателей. Для этого достаточно представить, что человек, обладающий педагогическим талантом, попал в преподавательский состав духовной школы, в котором большинство составляют представители двух вышеозвученных групп. По меткому замечанию одного из публицистов того времени, «в лучшем случае, молодой воспитатель, одушевленный благими намерениями, будет одиноко идти среди других, равнодушных к тому, что его одушевляет. В худшем – он будет идти не только

⁶⁰⁵ Там же, С. 726; См.: *Давид, архим.* Каковым должен быть пастырь, чтобы он мог иметь успехи в своей миссии? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 18. Неофициальная часть. С. 345.

одинок среди других, но прямо в разрез с ними, наживет себе неприятностей и врагов и потеряет энергию»⁶⁰⁶.

Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному является педагогический опыт митрополита Евлогия (Георгиевского) во время его инспекторства во Владимирской семинарии. В самом начале он столкнулся с равнодушием со стороны его коллег к воспитанию учащихся, а затем и вовсе с враждебным отношением к нему высшей администрации духовной школы на этой почве. Таким образом, начинающий педагог оказывался перед сложной дилеммой. С одной стороны, – неизбежные конфликты с коллегами и, как итог, – угроза утраты преподавательского места в духовной школе. С другой же стороны, – значительно пересмотреть или же вовсе отказаться от своих воззрений на постановку педагогического дела. Помимо того, что молодой преподаватель оказывался перед таким сложным выбором, к тому же, на него давило еще и осознание того, что скорее всего ему будет сложно изменить что-то в положительную сторону в том месте, где «корпорация не объединена одинаковыми педагогическими стремлениями, где воспитание нарочито обособляется от обучения, где нет ни общих собраний по вопросам воспитания, ни обмена мыслей и опытов, где каждый педагог бредет по своему пути, не интересуясь другим и не желая его посвящать в свою работу»⁶⁰⁷.

Церковные авторы Е.П. Воскресенский и С.П. Шумов предложили периодически проводить региональные и всероссийские съезды семинарских педагогов. По мнению этих церковных авторов, реализация данной инициативы могла иметь следующие положительные последствия: данные съезды могли послужить площадкой для обмена опытом и различными наработками между преподавателями в постановке учебно-воспитательного процесса; периодическое проведение общих педагогических съездов позволит своевременно реагировать на различные проблемы духовных школ и формировать актуальные решения; такие

⁶⁰⁶ Шумов С. П. Школа и жизнь. Вопрос о подготовке учителей и воспитателей... // Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 730.

⁶⁰⁷ Там же, С. 730. См. также: Уставы духовных семинарий 1867 и 1884 гг. // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 6. С. 318.

съезды могли бы способствовать выработке и формированию единой программы для преподавателей по различным вопросам учебно-воспитательного процесса⁶⁰⁸. По нашему мнению, вышеназванные авторы не внесли конкретных и разработанных предложений о том каким образом прежде всего с материальной точки зрения организовывать работу данных съездов.

Возвращаясь к вышесказанному, стоит отметить, что далеко немногие из таких преподавателей, если исходить из имеющихся данных, решались идти самоотверженным путем митрополита Евлогия (Георгиевского). Зачастую они избирали более безопасный метод воспитания по букве устава. В данном случае мы только лишь констатируем факт без какой-либо оценки таких педагогов. К тому же, справедливости ради, стоит отметить, что в отличие от митрополита Евлогия многие из них имели семьи. В таком случае их новаторство в воспитательной деятельности и тем более активная защита таких неуставных методов могло в первую очередь напрямую ударить по финансовому благосостоянию их семей. Все вышесказанное по этому поводу можно резюмировать следующими словами С.П. Шумова, который отметил следующее: «Несомненно, школа страха, школа – канцелярия, где то священо, что старо; школа скорее буквы все убивающей, чем духа животворящего. Школа страха и для начальника – семьянина, опасяющегося недовольства своих сослуживцев новыми порядками, потому что дело живое потребует от каждого из них посвящать все свое время ученикам и отдать всего себя на служение им, школа страха для учителей одиноких, боящихся „начальства" и неблагоприятных отзывов ревизии, и для учителей семейных – школа страха за благосостояние семьи и кусок хлеба»⁶⁰⁹.

Другая проблема административного процесса духовных семинарий по мнению церковных авторов, состояла в том, что преподаватели не занимались воспитанием учащихся, в результате чего данные обязанности возлагались на

⁶⁰⁸ См.: *Воскресенский Е. П.* О реформе духовно-учебных заведений // Богословский вестник. 1906. Т. 3. № 10. С. 380; *Шумов С. П.* Школа и жизнь. Вопрос о подготовке учителей и воспитателей... // Христианское чтение. 1896. № 5-6. С. 730.

⁶⁰⁹ *Шумов С. П.* Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом... // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1119.

малочисленный состав воспитателей. По точному замечанию архиепископа Феодора (Поздеевского), «преподаватели являются совершенно пришлыми для школы людьми, считающими своей обязанностью лишь дать урок и больше ничего; воспитанники всецело оставляются на попечении собственно воспитателей»⁶¹⁰. Данное обстоятельство было прямым следствием резкого разделения образования и воспитания друг от друга в дореволюционных духовной школах. Обер-прокурор К.П. Победоносцев в своей статье «Воспитание характера в школе» подчеркивал взаимосвязь между двумя вышеозвученными сферами следующим образом: «Хорошо учить – значит помогать образованию добрых навыков и затруднять образование дурных навыков, а эти навыки – нераздельно и умственные и нравственные: одно без другого немыслимо»⁶¹¹. Исходя из материалов данного исследования можно сказать, что данная педагогическая аксиома не была усвоена многими дореволюционными преподавателями семинарий. В результате этого в духовных школах было произведено строгое разделение труда: учителя следят за качеством знаний учащихся, а воспитатели за поведением воспитанников. То есть у тех и других есть специальные задачи, но при этом отсутствует объединяющая цель⁶¹². Мало того, что преподаватели не имели никакого отношения к воспитанию и не сообщались по этому поводу с воспитателями, к тому же, они зачастую не обменивались опытом со своими коллегами и не желали этого. В данном случае налицо отсутствие солидарности и общей идеи в преподавательском составе духовных школ. В том случае, если вышеуказанные составляющие имелись в наличии у педагогов духовных школ, то можно предполагать, что постановка как учебного, так и воспитательного процесса в семинариях была на более высоком уровне.

В результате воспитание учащихся целиком и полностью ложилось на инспектора семинарии и его малочисленных помощников. Конечно, согласно уставу, воспитанием должен был заниматься ректор духовной школы, но этому

⁶¹⁰ Феодор (Поздеевский), архиеп. Чего желать для нашей духовной школы? // Тамбовские Епархиальные Ведомости. 1905. № 19. С. 862.

⁶¹¹ Победоносцев К. П. Воспитание характера в школе // Санкт-Петербург: ред. журн. "Нар. образование". 1900. С. 3.

⁶¹² См.: К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях. С. 730.

препятствовало множество других его обязанностей. Тот же устав предписывал ректору ответственность за благоустройство и благосостояние семинарии, что при ответственном подходе к делу должно было занимать значительное количество сил и времени. Помимо этого, по замечанию автора, пожелавшего остаться неизвестным, ректор как «один из самых видных представителей епархиального духовенства, по существующим обычаям участвовал во всех торжественных архиерейских служениях в городе, по большей части состоит председателем епархиального училищного совета, нередко редактировал или цензурировал епархиальные ведомости, участвовал в существующих в епархии благотворительных и просветительных обществах духовного ведомства»⁶¹³.

В этой связи многие руководители духовных школ делегировали наблюдение за духовно-нравственным воспитанием учащихся инспектору, который был тоже достаточно загружен различными обязанностями. В. Красин в своей статье «Воспитание в семинарии» привел следующий список обязанностей инспектора: «Он должен смотреть за мельчайшими движениями ученика до походки и прически включительно; ему вменяется в обязанность следить за тем, переменяют ли ученики своевременно белье, моются ли в положенные сроки в бане, есть ли в классах мел, губки и т.п.; его попечению вверяется библиотека, физический кабинет; он дает отпуска ученикам, назначает и проверяет чтецов к церковным службам, объясняет пред Литургией Евангелие, Апостол и историю праздника, справляется о здоровье учеников; смотрит за тем, чтобы хорошо освежались и отапливались ученические помещения, свидетельствует пищевые продукты, следит за приготовлением и подачей пищи и т.д.»⁶¹⁴. Вышеуказанный список обязанностей очевидным образом демонстрирует чрезмерную загруженность инспекторов и их помощников⁶¹⁵. Если учитывать тот факт, что в семинариях того

⁶¹³ К вопросу о постановке дела воспитания в духовных семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 4. С. 788; См.: Голубцов С. А. *диак*. Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века. Т. 1. Ч. 3. Московская духовная академия дореволюционного периода. С. 58.

⁶¹⁴ Цит. по: Мраморнов А. И. Духовная семинария в России начала XX века. С. 295.

⁶¹⁵ См.: П. В. С. Духовная школа и желательная ее реформа // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 35. Неофициальная часть. С. 912–913.

времени обучалось по меньшей мере около 300 воспитанников, то в определенной мере станет понятно по какой причине инспекторы и их помощники брали на вооружение принципы «палочной» дисциплины. К сожалению, в имеющихся у нас материалах церковных авторов данный вопрос не получил серьезной и полноценной разработки.

Подводя итоги данному параграфу, можно сказать следующее:

1. По мнению некоторых церковных авторов того времени, одной из ключевых проблем административного устройства духовных школ являлось присутствие монашествующих в семинариях. К числу недостатков связанных с «монашеским фактором» можно отнести:
 - a) неверный способ их подготовки к архиерейству и, как следствие, частую смену лиц высшей администрации, что в свою очередь приводило к отсутствию последовательной и скоординированной педагогической программы при осуществлении воспитательного процесса, а зачастую к формализму и прагматизму;
 - b) аттестация ревизорами качества деятельности молодых монашествующих руководителей в духовной школе производилась по таким внешним критериям как состояние материальной базы семинарии и оценка благовоспитанности воспитанников. Последнее частично обуславливало применение принципов «палочной» системы воспитания как самого простого метода достижения внешней благопристойности учащихся;
 - c) чрезмерно активная проповедь монашества и соответствующего образа жизни среди учащихся со стороны руководителей духовных школ производила насилие над еще неокрепшими умами учащихся и зачастую порождала людей со сломанной судьбой⁶¹⁶;
 - d) многие монашествующие руководители духовных школ не имели необходимого для их должности педагогического опыта, что приводило к

⁶¹⁶ Имеются ввиду те, кто, увлекшись личностями таких проповедников, последовал их призыву, а затем осознал свое несоответствие и отсутствие подлинного желания монашеского образа жизни.

тому, что они в своей воспитательной политике воспроизводили те антипедагогические методы, согласно которым воспитывались они сами.

2. Практика копирования и воспроизведения старых методов воспитания было критерием лояльности и благонадежности каждого воспитателя. Многие преподаватели, кто пытался руководствоваться иными принципами и методами воспитания учащихся, скорее всего подвергся давлению со стороны руководства духовной школы и своих коллег, что зачастую влекло за собой конфликты и возможность утраты преподавательского места.
3. В результате отсутствия солидарности и общей идеи в преподавательском составе духовных школ получалось так, что нагрузка по воспитанию большого количества учащихся ложилась на малочисленный состав воспитателей во главе с инспектором. В свою очередь их чрезмерная загруженность послушаниями учебного и административно-хозяйственного характера порождала «палочную» систему воспитания.

4.6. Проблема классного наставничества по материалам официальной церковной дискуссии

Архиереями в своих отзывах были предложены более конкретные проекты решения проблем постановки школьного дела. «Обширность и трудность задачи, какая ставится воспитателю общепедагогическим требованием более близкого знакомства с духовным миром каждого из вверенных его руководству детей или юношей, ставит на очередь вопрос о привлечении к делу воспитания в каждом духовно-учебном заведении возможно большого числа лиц не в качестве "надзирателей" только, но в качестве именно воспитателей»⁶¹⁷. Однако, в таком случае возникал вопрос: откуда взять этих «лиц»? Многие преподаватели ввиду нехватки средств брали на себя дополнительную нагрузку. В этой связи сложно было представить, что в таких условиях они возьмут на себя еще и обязанности

⁶¹⁷ Там же, С. 434.

воспитателей. По нашему мнению, наиболее оптимальным и целесообразным решением являлась инициатива об учреждении института классных наставников. По мнению многих епископов⁶¹⁸, за каждым классом будет закреплен такой наставник, который будет руководить учащимися в интеллектуальном и нравственном отношении вплоть до их окончания духовной школы. С целью привлечения преподавателей на эту должность епископат счел необходимым обеспечить их «в материальном отношении настолько, чтобы они не стремились как можно скорее оставить свою должность для занятия другой, более обеспеченной»⁶¹⁹. В частности, согласно проекту архиепископа Казанского Димитрия (Самбикина) ежегодное жалование классных наставников должно было составлять 900 рублей с прогрессивным его увеличением каждые пять лет, а также им должны были быть выделены казенные квартиры при общежитиях⁶²⁰.

Что касается их обязанностей, то предполагалось, что помимо означенного наблюдения за учащимися они также должны были поочередно нести нагрузку дежурного воспитателя. По нашему мнению, епископов можно разделить на две группы по вопросу о том стоит ли освободить классных наставников от преподавательства. Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) и епископ Вологодский Алексей (Соболев) полагали целесообразным освободить их от учебной нагрузки. В свою очередь архиепископ Иоанн (Смирнов), архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин), архиепископ Новгородский Гурий (Охотин) и епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) считали, что среди учащихся большим авторитетом будут пользоваться те воспитатели, которые будут преподавать те или иные учебные дисциплины. По нашему мнению, в данном случае более права вторая группа епископата, потому что преподавательство составляет неотъемлемую часть воспитательного процесса и не допуск классных наставников к преподаванию означал бы ограничение их интеллектуального влияния на

⁶¹⁸ Митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архиепископ Казанский Димитрий (Самбикин), архиепископ Иоанн (Смирнов), архиепископ Гурий (Охотин), епископ Вологодский Алексей (Соболев), епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков).

⁶¹⁹ Там же, С. 316.

⁶²⁰ См.: там же.

учащихся. К тому же для самих классных наставников разумная преподавательская нагрузка послужила бы одним из средств по самореализации. В тоже время стоит отметить, что такие педагоги не должны были быть чрезмерно перегружены уроками, поскольку в противном случае это могло пойти в ущерб их непосредственным обязанностям.

Для того чтобы облегчить нагрузку классных наставников епископ Харьковский Антоний (Храповицкий) предложил, чтобы под руководством каждого воспитателя находилось не более 35 человек, а лучше всего от 15 до 20 учащихся⁶²¹. Если учитывать то обстоятельство того, что в дореволюционных семинариях классы были достаточно плотно укомплектованы, то на каждый курс необходимо было как минимум 2 воспитателя. Иначе институт классных наставников в значительной мере утратил бы свою эффективность. В этом отношении представляется верным замечание епископа Оренбургского Иоакима (Левитского), который, в частности, отметил, что «в современных громадных общежитиях сгруппированы юноши и мужи от 15 до 20 и даже 24-летнего возраста. В них не принято никакого разделения между столь различными возрастами. От этого невольного совместительства, каждое отдельное лицо в общей массе теряет свою личную свободу, волю, разум и невольно и безвозвратно подпадает воле и направлению большинства, или указаниям и распоряжениям заправил... Такие общежития вредны для самостоятельного развития личности и устойчивости личных достоинств и характера»⁶²².

В свою очередь митрополит Московский Владимир (Богоявленский) предложил следующие решение проблемы: «Всех воспитанников заведения следовало бы разделить по возрастам или по классам, разделить так, чтобы младшего возраста воспитанники, по возможности, не имели общения со старшими и прежде времени не научались бы от них знакомству с худой стороной человеческой жизни»⁶²³. По нашему мнению, предложение митрополита

⁶²¹ Там же, С. 193.

⁶²² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 761; См.: *Быстров Н., свящ.* О реформе духовной школы // Пензенские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Неофициальная часть. С. 918.

⁶²³ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 404.

Владимира особенно важно в той его части, где он предлагает ограничить общение между младшими и старшими воспитанниками, поскольку последние помимо негативного нравственного влияния могли агитировать первых к вступлению в протестные общесеминарские организации.

Для этого достаточно обратиться к фрагменту из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова). Этот отрывок мемуаров иерарха демонстрирует степень влияния учащихся старших классов на их более молодых товарищей. Мы прокомментируем данные воспоминания, естественно с ссылкой на них. Первым этапом агитации как это описывает владыка было знакомство воспитанников старших курсов с ним только поступившим студентом. Это очень льстило младшим учащимся, и все стремились к подобного рода контактам. Через некоторое время его покровители начали снабжать его запрещенной литературой. Таковой являлась та литература, которая не содержалась в библиотечном фонде. Сначала это были книги художественной направленности, но с течением времени тематика книг приобрела революционный дух. В результате диапазон чтения владыки начавшись с Гете закончился уже такими классиками русского социализма как Добролюбов, Писарев и Чернышевский. Эту же литературу он должен был распространять среди своих однокурсников, и таким образом уже получалась целая агитаторская сеть. После прохождения двухлетней идеологической подготовки учащемуся Иоанну Федченкову было предложено вступить в ряды подпольной библиотеки, которая по заверению его менторов была доступна лишь избранным. Будущий иерарх следующим образом описывал свои чувства, которые он испытал в тот момент: «Боже, как мне захотелось удостоиться попасть туда... Странное желание: воспитанный в благочестивом консерватизме, я жаждал быть "подпольщиком". Такова сила сладости запрещенного плода, с дополнением тщеславного желания быть чем-то особенным, не как другие, удостоиться»⁶²⁴. Но каково же было ему слышать предложение по участия в теракте? По его собственному свидетельству, когда он услышал об этом, то: «О

⁶²⁴ Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 2016. С. 136–141.

ужас!!! Куда я, скромный сынок маменькин, попал? Сразу спало с меня все торжество, и мне захотелось убежать. Было ли какое решение, не помню. Только с той поры революционный пыл мой сразу упал до нуля»⁶²⁵. Итак, благодаря воспоминаниям владыки Вениамина мы смогли проследить структуру агитационной деятельности общесеминарских организаций, а также то, каким образом старшие воспитанники влияли на своих младших товарищей. Именно поэтому в то время было важно, насколько возможно ограничить их контакты между собой. Помимо этого, подобного рода разграничение позволило бы педагогам применять правила и методы воспитания, соответствующие возрасту учащихся.

Также преосвященные в своих отзывах предлагали конкретные методики, с помощью которых классные наставники могли преодолеть барьер во взаимоотношениях с воспитанниками. В этой связи в первую очередь необходимо обратиться к следующему предложению архиепископа Казанского Димитрия (Самбикина): «В видах сближения преподавателей с воспитанниками и для устранения антагонизма между ними... было бы полезно поощрять устройство домашних чтений, литературных вечеров, научных рефератов»⁶²⁶. Действительно, все эти виды чтений могли быть для классных наставников хорошим подспорьем для более конструктивной постановки как воспитательного, так и учебного процессов. К числу вышеозначенных мероприятий можно также отнести устройство администрацией духовных школ различных тематических кружков. В частности, в начале 1910-х годов во многих семинариях были организованы так называемые миссионерские кружки, цель которых заключалась в повышении уровня знаний и компетенций учащихся по богословским дисциплинам этой направленности. Для этого по сведениям исследователя Г.Е. Колыванова, «в семинариях устраивались полемические собеседования миссионеров с раскольниками и сектантами, опытные миссионеры приглашались поделиться

⁶²⁵ Там же, С. 140.

⁶²⁶ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 322.

своим опытом в живом общении с воспитанниками»⁶²⁷. Вполне естественно, что такой способ освоения предмета был гораздо эффективнее, интереснее и практичнее в отличие от монологического лекционного формата. Помимо миссионерских кружков предполагалось организовать литературные, естественнонаучные, философские и философско-богословские группы. Также в качестве вариантов проведения учащимися досуга архиереи предлагали организовывать литературно-музыкальные вечера, занятия учащихся искусством, культурно-просветительские экскурсии, открытие читальных залов и расширение списков дозволенной для чтения литературы, активное участие в социальной деятельности.

Некоторые преосвященные полагали, что эти внеклассные мероприятия могут уклониться от своих целей и стать уже не подпольным пунктом вербовки революционеров. Епископ Архангельский Иоанникий (Казанский) считал, что этого можно избежать в том случае, «если во главе этих кружков станут, в качестве членов-руководителей, компетентные в данной области лица учащего или педагогического персонала»⁶²⁸. Тот же преосвященный следующим образом описывал пользу от означенных форм проведения учащимися досуга для постановки учебно-воспитательного процесса в духовной школе: «Такого рода кружки, служа прямым подспорьем для учебно-образовательного дела, имели бы и широкое воспитывающее значение, развивая и воспитывая в учащихся чувства доброго содружества на идейной почве и в то же время заполняя часы их досуга делом безусловно интересным и плодотворным и отвлекая таким образом от праздности, на почве которой всегда возникают всевозможные грехи против установленных правил жизни и дисциплины»⁶²⁹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что проведение таких внеклассных мероприятий требовало от преподавателя серьезной подготовки и обширного интеллектуального кругозора. Кроме того, это требовало наличие у педагога

⁶²⁷ Колыванов Г. Е. Духовные Семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 157.

⁶²⁸ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 433.

⁶²⁹ Там же.

определенного досуга для таких занятий. «Вопрос о времени – самый трудный, но вместе с тем и самый важный, так как от решения его зависит не только успешность деятельности классного наставника, но и сама возможность их существования, как воспитателей класса» - резонно замечал в своем отзыве епископ Пензенский Тихон (Никаноров)⁶³⁰. Действительно, одним из главных препятствий в деле осуществления тех или иных педагогических практик была занятость преподавателей. Как утверждал тот же преосвященный: «При всей своей энергии и преданности делу, классный наставник не может посвящать всего своего времени своему классу; это было бы для него физически невозможно»⁶³¹. Именно поэтому некоторые епископы настаивали на не высокой учебной загруженности классных наставников, а также за выделение выделение им одного часа в неделю для проведения внеклассных чтений. К тому же для того, чтобы педагоги исполняли свои обязанности сюда нужно присовокупить реализацию всех вышеозначенных условий. «Если бы и при таком порядке дело воспитания стояло невысоко, то причина такого грустного явления, по нашему мнению, заключалась бы тогда или в неспособности к трудному педагогическому делу самого воспитателя, или же в его преступном нерадении о порученном ему важном деле»⁶³² – утверждал в своем отзыве митрополит Московский Владимир (Богоявленский). Во многом мы разделяем данную позицию митрополита Владимира, по причине того, что многие проекты реформ воспитательного процесса были аутентичны требованиям семинарских петиций того времени⁶³³ и значит могли внести положительные изменения в духовную школу. На примере истории протестного движения семинаристов можно убедиться, что даже частичное удовлетворение администрациями духовных школ требований учащихся приводило к положительным результатам. Поэтому было бы очень странно если бы в таком случае воспитанники без особого энтузиазма восприняли бы подобного рода

⁶³⁰ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 492.

⁶³¹ Там же.

⁶³² Там же, С. 405.

⁶³³ *Колыванов Г. Е.* Духовные Семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 219–221.

преобразования. В тоже время многое зависело от того, как администрация, педагоги и воспитатели будет подходить к исполнению изложенных проектов.

Вопрос внедрения института классного наставничества также получил свою разработку на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия. Профессор Московской духовной академии А.И. Алмазов в своем выступлении констатировал, что воспитательские кадры формируются из людей, которым не удалось стать преподавателями. Как выразился сам профессор в своем отзыве, «само собой разумеется, благих результатов от деятельности таких воспитателей трудно было ждать»⁶³⁴. Действительно, помощниками инспектора или субинспекторами становились выпускники академий, которые по тем или иным причинам не смогли устроиться на должность преподавателя. Согласно уставу, они должны были обладать академическим образованием⁶³⁵, но если таковых лиц в той или иной епархии было недостаточно, то на эту должность назначали лучших выпускников семинарии. Получалось так, что надзиратели следили за своими бывшими товарищами. Стоит отметить, что, как только им предоставлялась возможность достичь преподавательства, то они без сожалений покидали должность субинспектора. Дореволюционный публицист П.М. Красин, рассуждая по этому поводу в своей статье под названием «Воспитание в духовной школе», отметил следующее: «Необходимо, прежде всего, поставить эту должность в такие условия, чтобы на нее шли лучшие силы, наиболее опытные и умные педагоги, а не те, не имеющие где главы преклонить, молодые кандидаты академий, которые теперь идут в помощники инспектора, чтобы сбежать при возможности»⁶³⁶. Подобное положение дел обусловлено тем обстоятельством, что количество обязанностей никоим образом не соответствовало их заработной плате. Поскольку параграф 54 устава воспрещал заниматься помощникам инспектора какой-либо иной деятельностью, то их единственным источником дохода была их должность,

⁶³⁴ Журналы и протоколы... С. 763.

⁶³⁵ Цит. по: *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века. С. 208.

⁶³⁶ Там же, С. 298.

которая не могла покрыть необходимых нужд, особенно семейных членов инспекции.

В этом отношении преподавательская должность была немного более привлекательной и выгодной с точки зрения объемов работы. При этом стоит отметить, что в плане материального достатка помощники инспектора и преподаватели получали практически одинаковую заработную плату⁶³⁷. Естественно, что в таких обстоятельствах сложно было ожидать от помощников инспектора усердного и ответственного отношения к делу. Чтобы исправить это профессор А.И. Алмазов предлагал внедрить институт классных наставников. При этом для того, чтобы данный институт был эффективен, по его мнению, необходимо было соблюсти несколько условий. Во-первых, на эту должность должны были назначаться люди с выдающимися нравственными качествами. Во-вторых, под руководством классного наставника должна находиться группа, не превышающая численность в 25 человек. В-третьих, как следствие из второго, необходимо умножить количество духовных школ, для того чтобы соответствующим образом распределить воспитанников. В-четвертых, за каждым курсом учащихся должен был быть закреплен один наставник, который вел бы своих подопечных до окончания их обучения. Соблюдение данных условий, по мысли А.И. Алмазова, могло позволить воспитателю глубже вникнуть в духовный мир воспитанников и с учетом этого конструктивно строить свои взаимоотношения с ними. Таким образом, должность помощника инспектора была бы нивелирована.

Против внедрения этого института выступали профессора М.А. Машанов и В.Ф. Певницкий. Первый полагал, что вместо института классных наставников необходимо возложить воспитательные функции на преподавателей, которые фактически были от них удалены. С одной стороны, с положением о том, что каждый преподаватель в той или иной мере должен быть воспитателем, достаточно сложно не согласиться, поскольку образование и воспитание в духовной школе находятся в тесной взаимосвязи. Можно полагать, что именно в этом смысле

⁶³⁷ См.: там же, С. 208–209.

выдающийся церковный ученый и педагог, профессор Глубоковский произнес следующую фразу: «Кроме священства – я не знаю в мире служения выше профессорского. До самого конца академической деятельности для меня аудитория была священным храмом, а профессорская кафедра – святейшим алтарем, куда я неизменно вступал со страхом Божиим и верою»⁶³⁸. С другой стороны, не отрицая необходимости воспитательного влияния со стороны преподавателей на учащихся, М.А. Машанов считает, что по целой совокупности причин каждый педагог в полной мере, в рамках существовавшей в то время системы подготовки пастырских кадров, не мог быть воспитателем. В качестве одной из причин подобного положения дел можно указать материальную необеспеченность педагогов⁶³⁹. Это обстоятельство вынуждало их брать разного рода дополнительную нагрузку, что не могло не сказываться негативным образом на качестве преподавания. Обремененный собственными проблемами и высокой нагрузкой, в большинстве случаев педагог вряд ли мог быть чутким и мудрым наставником для своих подопечных. Тем самым мы не отрицаем самоотверженного подвига некоторых немногих преподавателей, которые воспринимали свою деятельность как служение. Наглядной иллюстрацией этому могут послужить вышеприведенные слова Н.Н. Глубоковского. Но если исходить из материалов нашего исследования, то нужно будет признать, что таких деятелей было относительно немного. Профессор В.Ф. Певницкий справедливо указал на отсутствие единомыслия в педагогических коллективах духовных школ: «Лучше всего, если бы все, и начальствующие и учащие в школе, согласным действием вносили долю своего нравственного влияния. Но у нас ныне этого согласного действия нет; многие из учащихся устраняют себя от всякого участия в деле воспитания, а случается, что

⁶³⁸ Глубоковский Н. Н. Академические обеты и заветы: Из академических уроков за 1891-1918 учебные годы. Под ред. Прот. Бориса Даниленко и иеромонаха Петра (Еремеева). Моск. духов. акад. - М.; Сергиев Посад: Синод. б-ка Моск. Патриархата, 2005. С. 25.

⁶³⁹ См.: Левитов П. В. Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринбург. 1904. С. 2; Соколов Л. А. К вопросу о лучшем материальном обеспечении лиц, служащих в духовно-учебном заведении // Богословский вестник. № 10. Т. 3. 1904. С. 374–385; Тихомиров Д. И. По вопросу о реформе духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 19. С. 1159; Никон, архим. К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 6-7. С. 341.

встречается и противодействие со стороны иных тем мероприятиям, какие считают необходимыми официальные приставники-воспитатели. Полное согласие в этом отношении в высшей степени желательно, но едва ли оно достижимо, при значительном количестве наставников, которые различаются между собой и воззрениями и образом жизни»⁶⁴⁰.

К вышесказанному стоит добавить и то, что проект профессора А.И. Алмазова не учитывал проблему ограниченности финансовых ресурсов духовно-учебного ведомства. В данном случае мы имеем в виду его предложение об умножении количества семинарий с целью решения проблемы высокой укомплектованности духовных школ и создания соответствующих условий для внедрения института классных наставников. Согласно сведениям Г.Е. Колыванова, на содержание семинарий в 1904–1905 учебном году было израсходовано 4 169 513 рублей 72,5 копейки⁶⁴¹. Значительное количество средств выделялось из государственной казны. Оставшуюся часть финансов по большей части составляли епархиальные средства. Согласилось бы государство в разы увеличить финансирование духовно-учебного ведомства? Вопрос крайне дискуссионный, а вместе с тем он неизбежно вытекал из озвученного предложения А.И. Алмазова. Можно предположить, что если бы именно такой вопрос действительно встал перед государством, то, скорее всего, он не был бы решен положительно. Так можно утверждать, если исходить из материалов отзывов преосвященных, в которых данная проблема озвучивалась⁶⁴². В связи с этим, предложения профессора А.И. Алмазова по интересующей теме считаем недостаточно реализуемыми и практичными.

Сам профессор В.Ф. Певницкий по этому поводу полагал, что воспитательным процессом должен заведовать инспектор семинарии. Особый акцент он делал на том, что на эту должность «должно быть поставлено лицо, отличающееся педагогической опытностью и готовое положить всю душу в это

⁶⁴⁰ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 764.

⁶⁴¹ См.: *Колыванов Г. Е.* Духовные семинарии в России в 1880-1920 гг. С. 47.

⁶⁴² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. С. 282.

трудное дело»⁶⁴³. По его мнению, многие проблемы в воспитательном режиме духовной школы проистекали из неопытности лиц, занимавших эту должность. Действительно, во многих семинариях начала XX века ведущие административные должности занимали люди достаточно молодого возраста⁶⁴⁴. Зачастую неопытность юных руководителей приводила к разного рода проблемам в духовных школах. Поэтому предложение профессора В.Ф. Певницкого имело под собой определенные основания. К тому же он категорически выступал за то, чтобы помощники инспектора были из числа преподавателей. По его мнению, именно они могли оказать существенное нравственное влияние на учащихся. Для того, чтобы привлечь таких педагогов к занятию этой деятельностью, он предлагал освободить их от излишнего количества уроков и предоставить им казенные квартиры, прилегающие к семинарским общежитиям⁶⁴⁵.

Данная позиция профессора В.Ф. Певницкого не лишена существенных недостатков, главным из которых является ее непрактичность и непроработанность. Во-первых, не совсем ясно, где взять достаточное количество педагогов, которые бы пользовались авторитетом у своих подопечных. Необходимо помнить, что духовные школы были достаточно плотно укомплектованы учащимися⁶⁴⁶. От этого бы задача немногих преподавателей-воспитателей еще более усложнилась. Во-вторых, даже если бы нашлось необходимое количество преподавателей, то сложно было надеяться на то, что они согласились бы взять на себя такую нагрузку, так как, вполне возможно, это отразилось бы на их материальном достатке, ведь, согласно предложению профессора В.Ф. Певницкого, они должны были для этого пожертвовать определенной частью своих лекций. Поскольку не уточнил того, каким образом им будет возмещаться потеря лекционного времени, то не совсем ясно, ради чего этим преподавателям стоило идти на такие жертвы. Мотив бескорыстного служения, в

⁶⁴³ Там же, С. 765.

⁶⁴⁴ Давид, архим. Каковым должен быть пастырь, чтобы он мог иметь успехи в своей миссии? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 18. Неофициальная часть. С. 343.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ См.: П. В. С. Духовная школа и желательная ее реформа // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 35. Неофициальная часть. С. 912.

силу различных обстоятельств, мог быть разделен лишь малым количеством лиц, тогда как все остальные в той или иной мере просто были вынуждены руководствоваться в определенном смысле прагматическим принципом.

Члены V отдела в ходе заседания также обсудили возможность привлечения семинарских духовников к постановке воспитательного процесса в духовной школе. Данная должность была введена в семинарии уставом 1884 года. Авторами устава предполагалось, что духовником будет лицо в священном сане, «пользующиеся особым уважением и отличающиеся доброй жизнью и духовной рассудительностью»⁶⁴⁷. Именно духовник должен был оказывать духовно-нравственное влияние на учащихся через Таинство Исповеди и private духовные беседы. Теоретически данный институт мог представлять собой определенную альтернативу полицейско-карательной системе воспитания в духовной школе, однако, на практике он более содействовал ей, чем противопоставлял себя ей. По словам епископа Арсения (Стадницкого), «духовник по идее прекрасная вещь, но действительность не оправдала этой идеи»⁶⁴⁸. Более подробные сведения о том, по каким причинам данный институт не оправдал себя, можно найти в отзыве митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского). В качестве основной причины иерарх указал следующее обстоятельство: «Жизнь воспитанников идет сама собой, без всякого с его стороны влияния на ее строй и характер. Никаких рассуждений с ними по разным знаменательным случаям жизни он не ведет и никогда не знает паче внутренних дум, мыслей и чувств»⁶⁴⁹. В конечном итоге тот же архипастырь заключал, что «о каком-нибудь ближайшем, живом отношении к делу воспитания, о какой-нибудь реальной, видимой пользе в поведении учеников от нравственного воздействия на них от духовника, по нашему глубокому убеждению, не может быть и речи»⁶⁵⁰. В

⁶⁴⁷ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884, с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. С. 102.

⁶⁴⁸ Журналы и протоколы... Т. 3. С. 767.

⁶⁴⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. С. 403.

⁶⁵⁰ Там же.

том же ключе высказались профессора А.И. Алмазов⁶⁵¹ и В.Ф. Певницкий⁶⁵². Трудно было надеяться на то, что семинарские духовники смогли бы справиться с новыми воспитательными задачами, учитывая то, что они не могли нести как должно уже имеющиеся. По мнению заседателей, эффективность данного института в деле постановке воспитательного процесса была предельно мала, но преосвященный председатель справедливо указывал на то, что вследствие их упразднения могут возникнуть практические затруднения в отправлении богослужения в семинарской церкви⁶⁵³.

Компромиссную точку зрения выразил преосвященный председатель, который предложил внедрить институт классных наставников и при том распределить между всеми педагогами некоторые воспитательные обязанности⁶⁵⁴. Однако все равно оставалось не ясно, как даже при таком положении дел можно было избежать всех вышеуказанных крайностей и недостатков. Прения по этому поводу также резюмировал своим мнением епископ Арсений (Стадницкий), который предложил предоставить решение вопроса о воспитательном персонале на усмотрение местного руководства. «Назначить ли отдельных воспитателей, или учредить институт классных наставников, – это будет зависеть от состава учащихся в школе и от других местных условий»⁶⁵⁵ – таково было итоговое предложение преосвященного председателя. С одной стороны, такое решение имеет определенную логику, потому что далеко не в каждой духовной школе по разным причинам возможно было учредить институт классных наставников. С другой стороны, это было бы верно, если бы не тот факт, что, согласно отзывам преосвященных, большинство семинарий проголосовало за внедрение данного института, о чем сам епископ Арсений говорил в ходе заседания⁶⁵⁶. К сожалению, в материалах Предсоборного Присутствия не приводятся сведений ни о том, каким образом члены V отдела отреагировали на данное предложение председателя, ни о

⁶⁵¹ См.: Журналы и протоколы... Т. 2. С. 767.

⁶⁵² См.: там же, С. 765.

⁶⁵³ См.: там же.

⁶⁵⁴ Там же, С. 766.

⁶⁵⁵ Там же, С. 767.

⁶⁵⁶ См.: там же

том, как закончились прения по этому поводу. Стоит отметить, что по своей сути предложения, озвученные епископом Арсением (Стадницким) по этому вопросу, аналогичны проектам епархиальных преосвященных.

По нашему мнению, глава V отдела, в отличие от епархиальных преосвященных, не обозначил условий, при наличии которых его проект можно будет реализовать. В этой связи можно сказать, что вопрос о внедрении института классных наставников и увеличении количества воспитателей был недостаточно проработан в ходе заседаний V отдела Предсоборного Присутствия. Помимо этого, на основании проделанного анализа можно утверждать, что участники вышеназванного церковного органа, по сути, повторили суждения епархиальных архиереев по данному поводу.

Подводя итоги суждениям заседателей V отдела Предсоборного Присутствия по поводу внедрения института классных наставников можно резюмировать следующее:

1. Увеличить количество лиц воспитательского состава духовных школ, а также внедрить институт классных наставников и возложить на них ответственность за воспитание учащихся. Для того чтобы повысить степень эффективности данного института епископат предлагал обеспечить их материально, доверить им преподавания одного или нескольких учебных дисциплин, поручить под руководство каждому классному наставнику группу учащихся не более 35 человек, по мере возможностей ограничить общение между учащимися старших и младших курсов, внедрить конструктивные и полезные формы проведения учащимися досуга.

2. По поводу вопроса о том, кто должен исполнять роль воспитателя в духовной школе, участников заседаний V отдела можно условно разделить на три группы. Первые высказывались за необходимость внедрения института классных наставников. Вторые настаивали на том, что воспитательные функции должны быть возложены на инспектора и его помощников из числа преподавателей, которые пользовались бы у воспитанников должным авторитетом. Третья группа

выражала компромиссную точку зрения. Они предлагали внедрить институт классных наставников и при этом распределить между всеми педагогами некоторые воспитательные обязанности. Несмотря на то, что каждая из представленных позиций имела определенные достоинства, на практике данные предложения было достаточно сложно реализовать. В конечном итоге этот вопрос не получил своего окончательного разрешения на заседаниях V отдела Предсоборного Присутствия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данному исследованию, можно сказать, что проблемы среднего духовного образования занимали значительное место в церковной дискуссии на рубеже XIX - XX вв. Церковные деятели этого периода уделили особое внимание проблемам и преобразованиям в области учебно-воспитательного и административного процессов семинарии. Во второй половине XIX века священноначалием предпринимались неоднократные попытки по реформированию строя среднего духовного образования. Как было продемонстрировано в первой главе данной работы, реформы семинарий в 1867 и 1884 годах, несмотря на некоторые положительные аспекты, не решили ключевых проблем среднего духовного образования того времени. По этой причине полемика в церковной среде по поводу необходимости конструктивных преобразований строя духовных семинарий продолжалась вплоть до революционных событий 1917 года. По нашему мнению, наиболее существенную разработку в начале XX века данные вопросы получили в отзывах преосвященных, на заседаниях Предсоборного Присутствия, а также на страницах церковной периодики. На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Проблемы постановки учебного процесса полноценно были проанализированы только лишь в отзывах преосвященных. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что члены V отдела Предсоборного Присутствия основывались на материалах отзывов преосвященных и поэтому практически сразу приступили к выработке проектов по решению проблем в данной сфере. В церковных периодических изданиях проблемы постановки учебного процесса затрагивались достаточно редко и в основном только лишь по отдельным вопросам. Возможно, авторы не высказывали своей точки зрения, потому что ожидали заявления или какого-либо проекта от официальной церковной власти по этому

поводу. Так или иначе, но проблемы среднего духовного образования наиболее полно были зафиксированы в отзывах преосвященных. По мнению архиереев, к числу ключевых проблем в этой области можно отнести сословную замкнутость духовенства и проистекающую из нее двойственность целей духовного образования. Из этих нескольких ключевых проблем вытекали следующие недостатки учебного процесса: отсутствие единства в учебной программе средних духовных школ; дисциплинарная перегруженность учебной программы по причине совмещения общеобразовательных и богословских предметов; высокая учебная нагрузка на учащихся; несоответствие программы возрастным особенностям учащихся; схоластический характер изложения материала педагогами и учебными пособиями; отвлеченность духовного образования от запросов современности; ограниченность преподавателя содержанием учебных программ и отсутствие у него возможности повлиять на учебно-воспитательный процесс; материальная необеспеченность педагогов; отсутствие широкого доступа в светские учебные заведения для нежелающих быть священнослужителями.

По вопросу реформирования учебного процесса высказались не только преосвященные в своих отзывах, но и члены V отдела Предсоборного Присутствия. Большая часть предложений была посвящена способам преобразования учебных программ духовных семинарий. Преосвященные в своих отзывах предложили следующие проекты: в учебной программе духовных школ богословские дисциплины должны значительно превалировать над светскими; упразднить предметы, которые утратили свою актуальность и заместить их новыми дисциплинами; соразмерно распределить количество часов на изучение дисциплин в учебной программе; семинарские учебные программы должны быть приведены в соответствие с учебными стандартами светских заведений; сделать учебные пособия по церковным дисциплинам доступными и лаконичными по содержанию; предоставить право преподавательским корпорациям ходатайствовать перед Учебным комитетом о замене одного учебного пособия другим, а также самостоятельно выбирать для преподавания труды тех или иных авторов; самим

преподавателям сделать процесс обучения более живым и интересным, а также постараться с помощью различных педагогических приемов развивать у воспитанников навыки самостоятельного мышления; педагогам, занимающимся научным руководством выплачивать дополнительное жалование. В свою очередь проекты членов V отдела Предсоборного Присутствия коснулись вопроса состава учебных программ общеобразовательного и богословского курсов духовных семинарий.

Проблемы постановки воспитательного процесса в духовных школах были затронуты в отзывах преосвященных и материалах периодики. Если конкретизировать, то в своих суждениях по данной теме, как преосвященные, так и церковные авторы продемонстрировали причины, последствия и даже предпосылки тех или иных проблем воспитательного строя семинарий. В качестве причин епископат указал следующие факторы: сословная замкнутость духовенства, влекущая за собой двойственность целей семинарского образования; высокая загруженность малочисленного состава лиц администрации послушаниями учебного и административно-хозяйственного характера; отсутствие живой связи между педагогами и учащимися; отсутствие регламентации в уставе духовных школ частной жизни педагогов.

По мнению преосвященных, из этих причин проистекали следующие негативные последствия: существование так называемых «студентов-невольников»; возникновение и практика приемов палочной дисциплины; формализм, лицемерие, индифферентизм, инфантилизм, духовно-нравственная автономность учащихся; существование так называемого феномена «двойной морали». Церковные авторы при анализе проблем воспитания решили зайти дальше и найти исторические предпосылки тех или иных проблем. Особое внимание они уделили истории возникновения и применения в духовных школах приемов палочной дисциплины. Определенная часть церковных авторов на основании некоторых данных пришла к выводу о том, что полицейско-карательная система воспитания была доминирующей с самого момента возникновения

отечественных духовных школ. В качестве причин закрепления палочной дисциплины церковные авторы указывали следующие факторы: превалирование юридического принципа в воспитании; стремление церковных иерархов и семинарской администрации к полной изоляции воспитанников от мира посредством насаждения и даже навязывания «монашеских идеалов» и образа жизни; отсутствие у воспитателей знаний о духовно-нравственном состоянии учащихся; неверный способ подготовки ученых монахов к епископскому служению; частая смена лиц администрации и, как следствие, отсутствие последовательной и скоординированной педагогической программы при осуществлении воспитательного процесса; неопытность и незрелость многих руководителей духовных школ; отсутствие у большинства преподавателей педагогических компетенций, и, как следствие, недостаток положительных примеров и моделей воспитания.

Церковные авторы пришли к выводу о том, что данная педагогическая практика отрицательным образом влияла как на преподавателей, так и на учащихся духовных школ. К числу негативных последствий применения полицейско-карательной системы воспитания церковные авторы отнесли следующие аспекты: применение приемов палочной дисциплины культивировало в воспитателях подозрительность и недоверие, безучастное и равнодушное отношение к дальнейшей участи провинившегося. В конечном итоге все это приводило к тому, что педагогические способности воспитателей в данной сфере сводились к минимуму. В свою очередь в учащихся такая воспитательная система культивировала лицемерие, хитрость, изворотливость, инфантильность, недостаток самостоятельности и инициативы, оппортунизм, оторванность знаний и воспитания семинариста от реалий окружающего их мира.

Проекты по решению проблем воспитательного строя духовных школ содержатся во всех основных источниках данного исследования. Во всех трех источниках содержатся суждения о принципах постановки воспитательного процесса. Если резюмировать сказанное, то получится следующая концепция

воспитания: первичное место в воспитательном процессе должна занимать религиозная составляющая; педагогика воспитателя должна зиждется на добром, искреннем и рассудительном отношении к своим подопечным; воспитатель должен уважительно относиться к личности воспитанников и учитывать их индивидуальные особенности; авторитет педагогов должен зиждиться не на репрессиях, а на их профессионализме и человеческих достоинствах; применение наказаний должно нести в себе духовно-нравственный смысл для провинившегося; воспитателям необходимо избегать мелочного педантизма, оппортунизма и попустительства.

В качестве проектов решений вышеозвученных проблем члены V отдела Предсоборного Присутствия предложили следующие меры: отменить такие педагогические приемы как: условное осуждение, карцерное заключение, лишение обеда; воздержаться от возобновления воспитательной практики института старших и воспретить внедрение в духовных школах так называемых товарищеских судов чести; оставить на усмотрение руководства семинарских администраций вопрос о сохранении практики «круговой поруки».

По нашему мнению, более конструктивные и эффективные решения предложили церковные авторы. К числу таковых можно отнести следующие практики: проведение собраний и культурных мероприятий с участием преподавателей и учащихся; улучшить качество преподавания педагогики в духовных академиях; преобразовать внешние условия жизни учащихся: обустроить и сделать уютными студенческие общежития, повысить качество пищи, проводить периодический осмотр учащихся, улучшение санитарно-гигиенических норм в духовной школе. Проведение мероприятий культурно-просветительского характера несло в себе следующие положительные моменты: позволило бы развить в учащихся самостоятельность, инициативность, способность вести конструктивный диалог, чувство собственного достоинства, и, наконец, доверие и уважение к преподавателям духовной школы.

Проблемы административного устройства семинарий затронули в своих отзывах преосвященные и церковные авторы. Первые в качестве проблем указали на следующие факторы: отсутствие полноты полномочий у лиц высшей семинарской администрации; неверный способ подготовки некоторых ученых монахов к епископскому служению и как следствие частая смена лиц высшей администрации. Помимо вышеуказанных причин церковные авторы констатировали следующие проблемы: присутствие монашествующих в духовной школе; отсутствие у молодых руководителей духовных школ необходимого педагогического опыта; чрезмерно активная проповедь монашества и соответствующего образа жизни среди учащихся, влекущая за собой те или иные негативные последствия; отсутствие солидарности и общей идеи в преподавательском составе духовных школ.

Проекты по решению проблем административного строя духовных школ содержатся во всех основных источниках данного исследования. Исходя из данных материалов можно сказать, что ключевым вопросом, который решали церковные деятели являлся вопрос о типе будущей духовной школы. Резюмируя всю совокупность мнений по данному вопросу, можно выделить две группы церковных деятелей. В данном исследовании мы именовали их «умеренными» и «радикальными» реформаторами. Последние выступали за разделение духовной школы на общеобразовательную и богословскую школы, а также за последующую их трансформацию в духовную гимназию и пастырскую школы соответственно. В защиту своей позиции «радикальные» реформаторы предлагали следующие аргументы: данное разделение позволит решить проблемы, связанные с сословной замкнутостью духовенства; открытие доступа в духовную школу для всех сословий повлечет за собой приток финансовых средств как со стороны государства, так и со стороны простого народа, а также позволит реализовать Церкви свою образовательную миссию по просвещению верующих. В свою очередь «умеренные» реформаторы предлагали сохранить исторический тип духовной школы, преобразовав ее согласно положениям устава 1867 года. Во многом их

защита собственной позиции заключалась в критике проекта своих оппонентов. В качестве аргументов они указали на следующие слабые стороны проекта «радикальных» реформаторов: в случае реализации их проекта в Церкви может возникнуть кадровый кризис, поскольку многие дети духовенства уклонятся на светский путь, а рядовые верующие не смогут в должной мере восполнить данный дефицит; Церковь не обладает достаточными материальными средствами для реализации вышеназванного проекта; получение религиозного образования для светских студентов в пастырских школах будет непривлекательным по причине их особого воспитательного режима. Так или иначе, но данный спор не был разрешен, поскольку голоса членов V отдела по этому поводу разделились поровну.

В отзывах преосвященных и материалах церковной периодики были предложены проекты по решению остальных проблем административного процесса духовных школ. В частности, для того чтобы преодолеть разрыв между педагогами и воспитанниками преосвященными был предложен следующий комплекс мер: прекратить практику частой смены начальствующих лиц; при выборе на руководящую должность в первую очередь стоит руководствоваться личностными качествами кандидата, а не его принадлежностью к белому или черному духовенству; увеличить количество лиц воспитательского состава духовных школ, а также внедрить институт классных наставников; для оптимизации деятельности классных наставников епископат предлагал обеспечить их материально, доверить им преподавание одного или нескольких учебных дисциплин, поручить под руководство каждому классному наставнику группу учащихся не более 35 человек; позволить родителям учащихся принимать участие в воспитательных собраниях духовной школы, а также предоставить им возможность посещения семинарий для осуществления контроля за постановкой учебно-воспитательного процесса и хозяйственной частью духовной школы. В свою очередь церковные авторы предложили следующие проекты по решению проблем административного процесса семинарий: увеличить количество воспитателей в духовной школе либо посредством привлечения всего

преподавательского состава к процессу воспитания, либо посредством учреждения института классных наставников; периодически проводить региональные и всероссийские съезды семинарских педагогов. По мнению церковных авторов, реализация последнего проекта могла иметь следующие положительные последствия: данные съезды могли послужить площадкой для обмена опытом и различными наработками между преподавателями в постановке учебно-воспитательного процесса; периодическое проведение общих педагогических съездов позволит своевременно реагировать на различные проблемы духовных школ и формировать актуальные решения; такие съезды могли бы способствовать выработке и формированию единой программы для преподавателей по различным вопросам учебно-воспитательного процесса.

Представленные выше суждения церковных деятелей по поводу проблем и проектов преобразований строя семинарий наглядным образом иллюстрируют насколько эта тема была важна для них в исследуемый период. В данной работе были затронуты многие аспекты учебно-воспитательного и административного процессов духовных семинарий на рубеже XIX-XX вв. Несомненно, данное исследование полностью не исчерпывает вопроса о состоянии духовного образования в вышеназванный период. По нашему мнению, особый интерес для будущих исследователей могут представлять материалы Поместного Собора 1917 года, неопубликованные воспоминания семинарских педагогов и учащихся, а также отчеты ревизоров Учебного комитета. Вне всякого сомнения, указанные источники содержат в себе материал, который не утратил своей актуальности до сего времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1.1 Архивные документы

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Фонд 802 – Учебный комитет Св. Синода.

1. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 49. Отчет о ревизии Ставропольской семинарии статского советника М. Григоровского за 1897/1898 учебный год.
2. РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 99. Сведения для представления в V отдел Высочайше учрежденного Присутствия по рассмотрению вопросов для ПЦС по епархиям.

Фонд 797 – Канцелярия обер-прокурора Св. Синода

3. РГИА.Ф. 797. Оп. 74. Д. 38. Отчет ревизора Савваитского о результатах проверки Красноярской духовной семинарии.

1.2 Опубликованные источники

4. *Антоний (Храповицкий), митр.* Полное собрание сочинений. Казань: Типо-литография Императорского Университета. 1900. Т.3. 642 с.
5. *Белявский Ф. Н.* О реформе Духовной школы. - СПб.: Синодальная типография, 1907. - Ч.1: Краткий очерк истории средней духовной школы. 230 с.
6. *Введенский С.* Наше ученое монашество и современное церковное движение. М., 1906. 34 с.
7. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 2016. 704 с.
8. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1903-1904 годы. СПб., 1909. 149 с.
9. *Глубоковский Н. Н.* Академические обеты и заветы: Из академических уроков за 1891-1918 учебные годы. Под ред. Прот. Бориса Даниленко и иеромонаха Петра (Еремеева). Моск. духов. акад. - М.; Сергиев Посад: Синод. б-ка Моск. Патриархата, 2005. 152 с.

10. *Глубоковский Н. Н.* По вопросам духовной школы и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб., 1907. 148 с.
11. Духовная школа. Сб. статей. Москва: Печатня А. Снегиревой, 1906. 348 с.
12. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Москва: О-во любителей церковной истории: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. Т. 2. 1088 с.
13. Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Москва: О-во любителей церковной истории: Изд-во Новоспасского монастыря, 2014. Т. 3. 1057 с.
14. *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: тип. Имп. ун-та, 1881. 807 с.
15. *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. Казань: Университетская типография, 1873. 855 с.
16. *Красин П. М.* Воспитание в духовной семинарии. Киев, 1906. 48 с.
17. *Левитов П. В.* Материальная необеспеченность преподавателей семинарий сравнительно со светскими чиновниками различных ведомств и влияние этого факта на отношение к ним общества и на ход воспитательного дела. Екатеринослав, 1904. 5 с.
18. *Митрофан (Краснопольский), еп.* В защиту единой духовной школы // // Азбука веры: [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/v-zashhitu-edinoj-duhovnoj-shkoly/ (дата обращения: 14.10.22).
19. *Остроумов М. А., Глубоковский Н. Н.* О реформе духовной школы. Санкт-Петербург: Синод. тип., М.: 1908. 50 с.
20. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — 1060 с.
21. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 2. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. — 1043 с.
22. *Петров Г., свящ.* Школа и жизнь. Спб.: Тип. А. Е. Колпинского, 1902. 178 с.
23. *Победоносцев К. П.* Воспитание характера в школе. Санкт-Петербург: ред. журн. "Нар. образование", 1900. 14 с.
24. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Около церковных стен. М.: Москва, из-во Республика, 1995. Т. 1. 558 с.
25. *Светлов П., прот.* О реформе духовного образования в России. СПб., 1906. 12 с.

26. Свод уставов и проектов уставов духовных семинарий 1808-1814, 1862, 1867, 1884 и 1896 гг. СПб., 1908.
27. Сводки отзывов епархиальных преосвященных по вопросам церковной реформы. - Санкт-Петербург: Синод. тип., М.: 1906. 272 с.
28. Страницы истории России в летописи одного рода (Автобиографические записки четырех поколений русских священников). Сост., подгот. коммент. Л.П. Соколова-Ковальчук — М.: Отчий дом, 2004 — 774 с.
29. *Титов Ф., свящ.* Русское духовенство в Галиции: (Из наблюдений путешественника). Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1903. 132 с.
30. *Тихомиров Д. И.* О реформе духовной школы. СПб.: Типо-лит. В. В. Комарова, 1905. 84 с.: табл.
31. *Тихомиров П. В.* Значение философских наук в системе семинарского образования. Сергиев Посад: 2 тип. А.И. Снегиревой, ценз. М.: 1898. 28 с.
32. Уставы и штаты духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 14 мая 1867 года. СПб., 1867. 84 с.
33. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб.: В Синодальной типографии, 1888. 202 с.
34. *Фаддей (Успенский), свщмч.* Творения. Книга II. Записки по дидактике. Тверь, 2003. 335 с.
35. *Феофан (Прокопович), архиеп.* Духовный регламент 1721 года // Азбука веры: [Электронный ресурс]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Prokopovich/duhovnyj-reglament-1721-goda/ (дата обращения 10.05.21)
36. *Шавельский Г., прот.* Церковь и революция // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 114-122.

1.3 Периодическая печать

37. *Архангельский А.* Квартирная жизнь учеников Краснослободского духовного училища // Пензенские епархиальные ведомости. 1881. № 16. Неофициальная часть. С. 11–22.
38. *Архангельский А.* О реформе нравственно-воспитательной части в духовных семинариях // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Неофициальная часть. С. 19–29.
39. *Беляев А., прот.* Общество и духовная школа // Вера и Церковь. 1906. Книга 6-7. С. 175–198.
40. *Боголюбов Д.* О наших духовно учебных заведениях в связи с запросами современности // Миссионерское обозрение. 1905. № 4. С. 648–660.

41. *Быстров Н., свящ.* О реформе духовной школы // Пензенские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Неофициальная часть. С. 918–927.
42. *Введенский Д. И.* Заслуги Вифанской духовной семинарии для отечественной церкви и просвещения // Богословский вестник. 1900. Т. 3. № 10. С. 274–307.
43. Во дни оскудения // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 17. Неофициальная часть. С. 687–693.
44. *Вознесенский Н. свящ.* К вопросу о преобразовании учебных курсов в наших духовных училищах и семинариях // Вера и разум. 1906. № 7. С. 356–366.
45. *Вознесенский Н. свящ.* К вопросу о преобразовании учебных курсов в наших духовных училищах и семинариях // Вера и разум. 1906. № 10. С. 502–508.
46. *Воскресенский Е. П.* О реформе духовно-учебных заведений // Богословский вестник. 1906. Т. 3. № 10. С. 378–402.
47. *Георгий, еп.* Где причина упадка духовной школы // Вера и Церковь. 1906. Книга 6–7. С. 199–211.
48. *Давид, архим.* Каковым должен быть пастырь, чтобы он мог иметь успехи в своей миссии? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 18. Неофициальная часть. С. 342–348.
49. *Дубакин Д.* О реформе нравственно-воспитательной части в духовных семинариях // Самарские епархиальные ведомости. 1906. № 1. Неофициальная часть. С. 19–29.
50. Значение психологии в деле воспитания // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 12. С. 649–651.
51. Извлечение из представленных епархиальными преосвященными Св. Синоду годовых отчетов о состоянии духовных семинарий и училищ по учебно-воспитательной части за 1903–1904 учебный год // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 33. С. 399–412.
52. *Иннокентий, еп.* Мысли по поводу предстоящей церковной реформы. // Известия братства Православной Церкви в Китае. 1905. Выпуск 17–18. С. 1–13.
53. К вопросу о наблюдениях над физическим развитием учащихся. // Прибавление к Церковным ведомостям. 1899. № 43. С. 1769–1770.
54. К вопросу о постановке дела воспитания в семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 4. С. 775–789.
55. К вопросу об оскудении духовной школы // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 31. Неофициальная часть. С. 998–1003.
56. К вопросу об оскудении духовной школы // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 32. Неофициальная часть. С. 1050–1056.

57. К реформе духовных школ // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 51. С. 2229–2231.
58. К реформе духовных школ // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 52. С. 2282–2284.
59. *Козицкий П.* К вопросу об упадке пастырского духа в нашем духовенстве. (О современной постановке учебно-воспитательного дела в наших духовных семинариях) // Миссионерское обозрение. 1904. № 11. С. 1295–1316.
60. *Лавров К., свящ.* Один из наиболее важных вопросов // Волынские епархиальные ведомости. 1905. № 30. Неофициальная часть. С. 975–977.
61. *Левитов П. В.* По вопросу о духовном образовании // Богословский вестник. 1906. Т. 2. № 6. С. 338–349.
62. *Левитов П. В.* Проект реформы духовно-учебных заведений // Богословский вестник. 1906. № 6. С. 302–319.
63. *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: Нужны ли экзамены в духовных учебных заведениях // Богословский вестник. 1900. Т. 1. № 4. С. 755–762.
64. *Мышцын В. Н.* Из периодической печати: о духовных семинариях // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 7/8. С. 651–677.
65. *Никон, архим.* К вопросу о постановке обучения и воспитания в духовных семинариях // Иркутские епархиальные ведомости. 1905. № 6-7. С. 333–350.
66. О важности для кандидатов священства воспитания в них церковности // Прибавление к Церковным ведомостям. 1901. № 35. С. 1259–1263.
67. Один из проектов духовно-учебной реформы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1905. № 39. С. 1644–1661.
68. *П. В. С.* Духовная школа и желательная ее реформа // Орловские епархиальные ведомости. 1905. № 35. Неофициальная часть. С. 903–920.
69. По поводу совместных совещаний родителей и педагогов // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 8. С. 396–398.
70. Развлечения и занятия ученика в свободное от уроков время // Прибавление к Церковным ведомостям. 1901. № 41. С. 1502–1503.
71. *С. К.* К вопросу об ограждении воспитанников семинарии от влияния пропаганды // Ярославские епархиальные ведомости 1905. № 38. Неофициальная часть. С. 585–588.
72. *Тихомиров Д. И.* Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 32. С. 1317–1327.
73. *Тихомиров Д. И.* Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 31. С. 1261–1270.

74. *Тихомиров Д. И.* Больные места современной средней духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1907. № 33. С. 1369–1379.
75. *Тихомиров Д. И.* По вопросу о реформе духовной школы // Прибавление к Церковным ведомостям. 1906. № 19. С. 1155–1161.
76. Уставы духовных семинарий 1867 и 1884 гг. // Богословский вестник. 1905. Т. 2. № 6. С. 312–334.
77. *Феодор (Поздеевский), архиеп.* Чего желать для нашей духовной школы? // «Тамбовские Епархиальные Ведомости». 1905. № 19. С. 856–863.
78. *Шумов С. П.* Школа и жизнь. Вопрос о подготовке учителей и воспитателей в светских учебных заведениях. Подготовка воспитателей и учителей в духовных школах. Обособление учения от воспитания и разобщенность в воспитательном деле членов учебно-педагогического персонала в духовных школах. § устава об общих педагогических собраниях в духовных училищах. Состав правления духовных училищ. Необходимость общих собраний училищных и семинарских корпораций // Христианское чтение. 1896. № 5–6. С. 725–740.
79. *Шумов С. П.* Школа и жизнь. Еще по поводу реформы духовно-учебных заведений. Учебная и воспитательная стороны в духовных академиях. Воспитание академическое и семинарское. Мысли светского педагога о воспитательном воздействии на массу // Христианское чтение. 1901. № 11. С. 793–805.
80. *Шумов С. П.* Школа и жизнь. Необходимость разумных и полезных развлечений для школьников во время досуга. Литературные вечера. Школьное товарищество как фактор воспитания // Христианское чтение. 1901. № 5. С. 792–808.
81. *Шумов С. П.* Школа и жизнь. О воспитании религиозном, нравственном, умственном, эстетическом и физическом в духовных школах. О влиянии житейских условий на деятельность учебно-педагогического персонала // Христианское чтение. 1899. № 12. С. 1107–1120.

1.4 Источники личного происхождения

82. *Гиляров – Платонов Н. П.* Из пережитого: автобиографические воспоминания; изд. подгот. А.П. Дмитриев, И.Г. Птушкина, Л.В. Дмитриева. СПб, 2009. 714 с.
83. *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Т. Манохиной. - М.: Московский рабочий, 1994. 624 с.
84. *Ильинский Н. И.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6174747> (дата обращения 20.09.22).

85. *Ильинский Н. И.* «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6174500> (дата обращения 21.09.22).
86. *Ильинский Н. И.* Воспоминания. «Из далекого прошлого» // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/6175170> (дата обращения 23.09.22).
87. *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. Отв. ред. Акад. М. В. Нечкина. Москва: Наука, 1968. 524 с.
88. *Меньшиков И. М.* Из воспоминаний русского учителя православной Грузинской Духовной Семинарии. Москва: тип. «Рус. печ.» Я. М. Сарандинаки, 1907. 88 с.
89. *Руткевич П. Т.* Семинарские годы (Воспоминания о Киевской ДС за 1873-1879 гг.). Киев, 1912. 21 с.
90. *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т. 7. Сергиев Посад, 1907. 592 с.; *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни. Автобиографические записки. Т.9. 1891-1896 г. Сергиев Посад, 1911. 590, XXIV с.
91. *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. Т. 1. 1880-1901. [подгот. и ред. О. Н. Ефремова]: [По материалам ГА РФ]. М., 2006. Т.1: 1880–1901. 737 с.
92. *Арсений (Стадницкий), митр.* Дневник. Т. 4. 1906. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 496 с. + вкл. [32]. – (Материалы по новейшей истории Рус-ской Православной Церкви / Гл. ред.: прот. В. Воробьев).

2 ЛИТЕРАТУРА

2.1 Монографии и статьи

93. *Агнецов Д.* Исторический очерк Рязанской духовной семинарии (1840-1867 гг.). Рязань, 1889. 382 с.
94. *Акишин С. Ю.* История Екатеринбургской духовной семинарии (1912–1919): преподавательская корпорация, воспитанники, учебный процесс // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 33–78.
95. *Акишин С. Ю.* К вопросу о дате открытия Екатеринбургского уездного духовного училища // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 3 (15). С. 79–96.
96. *Андронников Н. О.* Историческая записка о Костромской духовной семинарии. Кострома, 1874. 107 с.
97. *Антипенко Н., свящ.* Проблемы преподавания Закона Божия в начале XX в. (по материалам «Церковных ведомостей» (1901–1910 г.)) // Вестник

Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 40–46.

98. *Аскоченский В. И.* История Киевской духовной академии по преобразованию ее в 1819 г. СПб., 1863. 282 с.

99. *Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). Москва: Изд-во ПСТГУ, 2010. 175 с.

100. *Благовещенский А. А.* История Казанской духовной семинарии. Казань, 1881. 468 с.

101. *Владимир (Котляров), иером.* Критический обзор источников и литературы по истории духовного образования в России за синодальный период. Л., 1959.

102. *Воробьев И. В.* Реформы высшего духовного образования во второй половине XIX-начале XX веков // Богословский сборник – Вестник ПСТГУ. 2007. С. 272–292.

103. *Воронец Е. Н.* Почему не созывается Всероссийский Церковный Собор? / Санкт-Петербург: Лань, 2014. 9 с.

104. *Воскресенский Г. А.* Православные славяне в Австро-Венгрии. СПб.: Изд. СПб. Славян. Благотвор. О-ва, 1914. 206 с.

105. *Вытнов В., свящ.* Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христианское чтение. № 1. 2020. С. 210–216.

106. *Головицков К. Д.* Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893. 60 с.

107. *Голубцов С. А., диак.* Московская духовная академия в революционную эпоху: Академия в социальном движении и служении в начале XX века. Т. 1. Ч. 3. Московская духовная академия дореволюционного периода. М.: Мартис, 1999. 247 с.

108. *Гуляров Е. Н.* Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: Москва, ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир. 749 с.

109. *Донгаров А. Г.* Иностраный капитал в России и СССР. М.: Междунар. Отношения, 1990. 168 с.

110. *Дьяконов К. П.* Духовные школы в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907. 436 с.

111. *Ефремова О. Н.* Духовно-нравственное состояние Российского общества накануне революции 1905 г. (по материалам дневника епископа Арсения (Стадницкого)) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 333–340.

112. Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Москва: Козел. Введен.- Оптина пустынь, 1876. 219 с.
113. *Зангиев Х. М.* Ардонская семинария: Исторический очерк. Орджоникидзе, 1965. 80 с.
114. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
115. *Извеков Н. Д.* История Литовской Духовной семинарии. Вильна, 1905. 566 с.
116. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. Москва, 1996. 109 с.
117. История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях / сост. Ю. П. Зуев; под общ. Ред. Ю. П. Зуева, В. В. Шмидта. // М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. 392 с.
118. *Каргопольцев И. Н.* К 100-летию юбилею Могилевской духовной семинарии. Могилев, 1885. 65 с.
119. *Карпук Д. А.* Богословская наука в Санкт-Петербургской духовной академии (К 295-летию со дня окончания и 70-летию со дня возрождения) // Христианское чтение. 2016. № 6. С. 10–30.
120. *Карпук Д. А.* Вклад Санкт-Петербургской духовной академии в изучение истории духовного просвещения в России в XVII в. // Религиозное образование в России и Европе в XVII в. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 159–176.
121. *Карпук Д. А.* История взаимоотношений Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий в конце XIX – начале XX вв. // Православный Собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. 2009. № 1(18). С. 169–180.
122. *Карпук Д. А.* Подвижник веры и науки. Деятельность последнего ректора дореволюционной Санкт-Петербургской духовной академии епископа Анастасия (Александрова) (1913-1918гг.) // Невский богослов. СПб.: СПбДА, 2010. № 4. С. 10–15.
123. *Карпук Д. А.* Церковно-административная деятельность митрополита Сергия (Тихомирова) в период ректорства в Санкт-Петербургской духовной академии (1905–1908 гг.) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 209–224.
124. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т.2. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 687 с.
125. *Кедров Н.* Московская духовная семинария 1814-1899 гг. М., 1899. 156 с.
126. *Колосов В.* История Тверской духовной семинарии. Т. 1-3. Пермь, 1879. 464 с.

127. *Коменский Я. А.* Великая дидактика. М.: Государственное Учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. 320 с.
128. *Копылов Д. И.* Нелегальные рукописные журналы тобольской учащейся молодежи в годы первой русской революции // Земля Тюменская (Сборник Тюменского обл. краевед. музея). 1965. Вып. 4. Тюмень, 1965. С. 67-74.
129. *Крылова Т. В.* Предложения по реформированию духовного образования на основе «отзывов епархиальных архиереев» // Вестник Свято-Филаретовского института. Вып. 13. 2015. С. 11–29.
130. *Леонтьева Т. Г.* Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX века // Революция и человек. М. 1997. Сб. ст. / Под ред. В. П. Булдакова. М., 1997. С. 20–38.
131. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. 253 с.
132. *Малицкий Н. В.* История Владимирской духовной семинарии. Выпуск второй. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1902. 336 с.
133. *Мальшев Б.* Система педагогики и воспитания иезуитов // Этнодиалоги: альманах. Москва: Этносфера, 2013. С. 178–184.
134. *Манчестер Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. [пер. с англ. А. Ю. Полунов]. – Москва: Новое Литературное Обозрение, 2015. 439 с.
135. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. СПб: «Сатис», 2002. 309 с.
136. *Мраморнов А. И.* Духовная семинария в России начала XX века: кризис и возможности его преодоления (на саратовских материалах). Саратов: Научная книга, 2007. 436 с.
137. *Надеждин А. Н.* История Санкт-Петербургской Православной Духовной Семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809-1884 гг. Санкт-Петербург: Синод. Тип., 1885. 660 с.
138. *Никольский П.* История Воронежской духовной семинарии. Часть вторая. – Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1899. 229 с.
139. *Папков А. А.* Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя (1855-1870). М.: Книга по Требованию, 2016. М.: Книга по Требованию, 2016. – 195 с.
140. *Преображенский И. В.* Духовенство и народное образование. По поводу сообщения, сделанного в собрании экономистов Г. Соколовым: «Земство и народное образование». СПб., 1900. 95 с.
141. *Римский С. В.* Церковная реформа 60-70-х годов XIX века. // Отечественная история. 1995. № 2. С. 163–171.

142. *Рожественский С. В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках: Т. 1 СПб: тип. М. А. Александрова, 1912. 48 с.
143. *Сафонов А. А.* Государство и конфессии в поздней имперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Монография / А. А. Сафонов. – Москва: Проспект, 2017. 349 с.
144. *Симора В., свящ.* Нравственное состояние и проблемы воспитания учащихся духовных семинарий на рубеже XIX-начала XX вв. (на примере Тверской духовной семинарии). // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2016. Вып. 1 (40). С. 75–86.
145. *Симора В., свящ.* Реформы в системе среднего духовного образования по подготовке просвещенных пастырей Русской Православной Церкви на рубеже XIX-XX веков в период действия устава духовных семинарий 1884 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 83–100.
146. *Симора В., свящ.* Роль преподавательской корпорации в подготовке просвещенного духовенства в Тверской духовной семинарии в начале XX столетия. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2018. Вып. 49. С. 69–77.
147. *Синельников С. П.* Преподавание Закона Божия в учебных заведениях России до 1917 года // Богослов. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://bogoslov.ru/article/453126> (дата обращения 12.07.22)
148. *Смирнов С. К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. Москва, 1855. 436 с.
149. *Смолич И. К.* История Русской Церкви 1700-1917 // Седмица. RU: [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/436672/> (дата обращения 15.02.2020)
150. *Сухова Н. Ю.* Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808-1814 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: история и политические науки. 2010. № 2. С. 55–60.
151. *Сухова Н. Ю.* Архивный фонд Учебного комитета при Святейшем Синоде: история, состав и содержание // Отечественные архивы. 2009. № 4. С. 38–49.
152. *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. 659 с.
153. *Сухова Н. Ю.* Записки святителей Иннокентия (Борисова) и Филарета (Дроздова) о духовных школах // Филаретовский альманах. 2010. № 16. С. 43–91.
154. *Сухова Н. Ю.* Источниковая база по истории духовного образования в России 1807-1921. Дипломная работа, ПСТБИ. – М., 2000. 160 с.

155. *Сухова Н. Ю.* Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 7–26.
156. *Сухова Н. Ю.* Подготовка и аттестация научно-педагогических кадров в православных духовных академиях в контексте высшего образования в России (1808-1918 гг.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. 826 с.
157. *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870-1918 гг.). М., 2012. 374 с.
158. *Сухова Н. Ю.* Святитель Филарет и духовно-учебные реформы 1860-х гг.: загадка непонимания // Филаретовский альманах. 2017. № 13. С. 122–140.
159. *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX вв. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. 189 с.
160. *Сушко А. В.* Иностранцы поданные в российских духовных семинариях (вторая половина XIX века) // Православие в русской культуре: Сб. трудов. СПб., 1998. С. 112–119.
161. *Сушко А. В.* Духовные семинарии в России (до 1917 г.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 107–114.
162. *Тальберг Н. Д.* История русской церкви. М.: Изд-во Сретен. Монастыря, 1997. 924 с.
163. *Тарасова В. А.* Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий. – М.: Новый хронограф, 2005. 567 с.
164. *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. II. Вильна, М.: «Рус. почин» 1909. 421 с.
165. *Титлинов Б. В.* Молодежь и революция: из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860-1905 гг. С предисл. И под ред. Э.Э. Эссена. Л., Госиздат, 1924. 166 с.
166. *Титлинов Б. В.* Ответ на «отзыв» архиепископа Антония Волынского о книге Б.В. Титлинова: «Духовная школа в России в XIX столетии»: к характеристике положения богословской науки в России СПб.: Тип. М. Меркушева, 1911. 44 с.
167. *Тихомиров Д.* Педагогические заметки. СПб. : Синод. Тип., 1911. 120 с.
168. *Троцкий А.* Пензенская духовная семинария за истекший 100-летний период ее существования (1800-1900). Пенза, 1901. 200 с.
169. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период 1700-1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
170. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Культур. Центр «Духов. Б-ка», 2002. 620 с.

171. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия с предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.
172. *Хрисанф (Ретивцев), иером.* Первый год реформы Санкт-Петербургской духовной семинарии. СПб., 1872. 49 с.
173. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 815 с.
174. *Шавельский Г., протпресв.* Русская Церковь перед революцией. М.: Москва, Артос-Медиа, 2005. 512 с.
175. *Шалимова Л.* Кризис системы духовного образования в России в начале XX века. // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 52–72.
176. *Шмеман А., протпресв.* Исторический путь Православия. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 544 с.
177. *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в./ Отв. ред. И. Д. Ковальченко; АН СССР. Институт истории СССР. – М.: Наука, 1987. 238 с.

2.2 Диссертации

178. *Адамов М. А.* Повседневная жизнь учащихся духовных семинарий Русской Православной Церкви в XVIII-начале XX веков. Дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 2011. 355 с.
179. *Богемская Н. Н.* Реформа системы образования Русской православной церкви и ее влияние на последующую деятельность духовенства (1860-1880 гг.). Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2004. 251 с.
180. *Ватник Н. С.* Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 224 с.
181. *Воробьев И. В.* Реформы духовных академий 1905-1911 гг. Дис. канд. ист. наук. М., 2004. 316 с.
182. *Герасимова Н. Е.* Среднее духовное образование в Ярославской и Костромской губерниях во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2001. 226 с.
183. *Карпук Д. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии (1889–1918 гг.): В 2 т. Дисс. ... канд. богосл. СПб.: СПбДА, 2008. 238 с.
184. *Кольванов Г. Е.* Духовные семинарии в России в 1880-е-1920-е гг. Дис. канд. ист. наук. Сергиев Посад, 1999. 230 с.
185. *Леонтьева Т. М.* Развитие региональной системы образования Смоленской губернии в XIX веке. Дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2002. 194 с.

186. *Макарова И. В.* Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: 60-е годы XVIII – первая четверть XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. 188 с.
187. *Назарова А. И.* Организация воспитательной работы в средних духовных учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX века (на материале Смоленской губернии). Дис. канд. ист. наук. Смоленск, 2012. 187 с.
188. *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции: 1905-1907 гг. Дисс. канд. ист. наук. – Санкт-Петербург, М.: 2009. 414 с.
189. *Петр (Еремеев), иером.* Проблемы реформирования высшей духовной школы в России в начале XX века. Дис. ... канд. богосл. МДА. Сергиев Посад, 1999. 181 с.
190. *Полосин Н. И.* Православное духовное образование в Пензенской губернии в XIX-начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 307 с.
191. *Прахт Д. В.* Тобольская духовная семинария в контексте реформ среднего духовного образования в XIX – начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 217 с.
192. *Симора В., свящ.* Роль и значение Тверской духовной семинарии в деле подготовки пастырей Русской Православной Церкви (1884-1918 гг.). Дисс. ... канд. богосл. наук. М., 2021.
193. *Сухова Н. Ю.* Реформы высшего православного духовного образования в России во второй половине XIX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2007. 421 с.
194. *Сушко А. В.* Духовные семинарии в пореформенной России. 1861-1884 г. Дис. канд. ист. наук. СПб., 1998. 310 с.
195. *Тарасова В. А.* Духовные академии в России в конце XIX-начале XX века. Дис. канд. ист. наук. М., 2002. 308 с.
196. *Ферапонт (Широков), иером.* Развитие среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX-начале XX вв. Дис. канд. богосл. наук. СПб, 2021. 326 с.
197. *Хохлов А. А.* Протестное движение воспитанников Казанской духовной семинарии в конце XIX-начале XX в.: причины, формы, специфика. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2016. 200 с.